This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

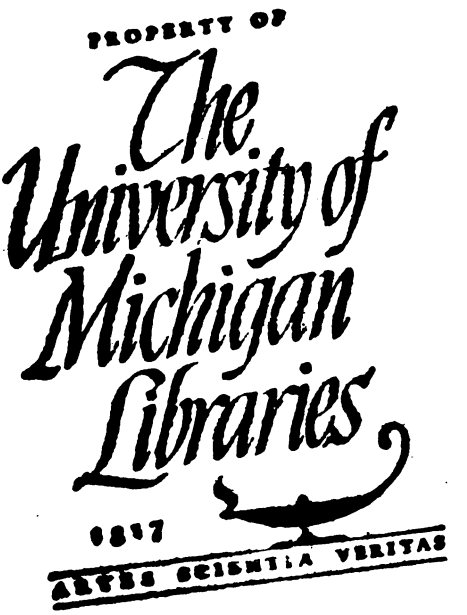
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 1,250,784

PROPERTY OF
The University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS


PROPERTY OF
The University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

Левъ Тихомировъ.

Іархическая государственность.

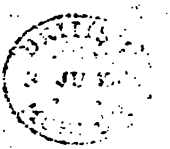
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Римско-Византійская государственность.

МОСКВА.
Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ.
1905.

D.T.F.

55321/7-230



Левъ Тихомировъ.

МОНАРХИЧЕСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Римско-Византійская государственность.

МОСКВА.
Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Стр.

Вступленіе 1

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Римскій абсолютизмъ.

Глава I. Римская историческая идея. Первоначальный строй республики 3
Глава II. Паденіе патриціата. Господство узурпаціи 7
Глава III. Императорская идея 13
Глава IV. Юлій Цезарь 17
Глава V. Римская Имперія, какъ делегація народнаго верховенства единому лицу, лично почитаемому богомъ ... 20
Глава VI. Абсолютизмъ Римской Имперіи. Конечный переходъ его въ идею восточной деспотіи 23
Глава VII. Эволюція Римской государственности 27

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Теократія прямая и делегированная.

Глава VIII. Идея теократіи 30
Глава IX. Подготовка соціальнаго строя 32
Глава X. Народное требованіе власти 35
Глава XI. Царь, какъ Божественная делегація 37

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Византійская государственность.

Глава XII. Конецъ Римскаго абсолютизма 40
Глава XIII. Константинъ Великій 42
Глава XIV. Соединеніе христіанской и Римской идеи 47

Глава XV. Церковь и Государство 53
Глава XVI. Смѣшеніе націи и церкви..... 57
Глава XVII. Отношеніе автократора къ церкви..... .. 62
Глава XVIII. Византійская идея двухъ неразрывныхъ властей..... 65
Глава XIX. Жизненность Византійскаго церковнаго строя. 70
Глава XX. Значеніе союза церкви для государства. Остатки абсолютизма..... 75
Глава XXI. Недостатки соціальнаго строя..... ... 79
Глава XXII. Государственныя обязанности Церкви. 81
Глава XXIII. Византійская бюрократія..... 86
Глава XXIV. Непрочность наслѣдственности. Недостатокъ легитимности..... 92
Глава XXV. Идея личной заслуги..... 98
Глава XXVI. Борьба за власть..... 102
Глава XXVII. Исчезновеніе патріотизма 107
Глава XXVIII. Причины гибели Византіи..... 112

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Церковная идея въ Европейской монархіи.

Глава XXIX. Общая почва Европейской монархіи..... 116
Глава XXX. Римская идея церкви. Борьба церкви и государства..... 122
Глава XXXI. Протестанская идея церкви. Возрожденіе абсолютизма 126

Опечатки 132

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ нижеслѣдующихъ главахъ изложены историческія проявленія тѣхъ законовъ государственности, теоретическая формула которыхъ дана въ первой части книги, а практическіе выводы даются въ четвертой.

Какъ сказано, монархическое начало представляетъ три главные типа: самодержавный, абсолютистскій и деспотическій.

Въ настоящей части книги излагается развитіе монархій Римской и Византійской, при чемъ въ поясненіе условій, опредѣлявшихъ ихъ типъ, введенъ общій очеркъ монархіи Израильской, какъ предшественницы идеи христіанской монархіи, а для обрисовки новѣйшаго абсолютизма—очеркъ вліянія западно-католической и протестантской церковной идеи на характеръ Европейской монархіи.

Монархіи обрисовываемыхъ эпохъ представляютъ различныя степени колебанія между типомъ абсолютизма и самодержавія, при чемъ типъ Римскій выражаетъ наиболѣе чисто выработанный абсолютизмъ, византійская же государственность—нѣчто переходное отъ абсолютизма къ самодержавію.

Наиболѣе чисто развился самодержавный типъ въ Московской Руси. Его обрисовкѣ посвящена третья часть книги.

Эти два типа монархіи наиболѣе важны въ нашей культурной исторіи. Что касается монархіи деспотической, ограничиваюсь въ разныхъ мѣстахъ общими указаніями, не входя въ спеціальныя подробности. Допускаю этотъ пробѣлъ, впрочемъ, не потому, чтобы считалъ его не важнымъ, а потому что его пополненіе слишкомъ надолго затянуло бы окончаніе моей работы, для общихъ выводовъ которой достаточно и обрисовки типовъ, наиболѣе важныхъ въ исторіи монархической государственности.

ОТДѢЛЪ I.

Римскій абсолютизмъ.

I.

Римская историческая идея. Первоначальный строй республики.

Римская республика почти совсѣмъ не имѣла нужды считаться съ чисто монархической идеей. Хотя первоначальная исторія застаетъ Римъ при царяхъ, но эта форма верховной власти досталась ему скорѣе по исторической традиціи, отъ временъ болѣе древнихъ, гдѣ царская власть развилась на почвѣ патріархальной, съ сильнымъ участіемъ религіи, въ древности безъ сомнѣнія основанной на культѣ предковъ *). Но въ Римѣ ни религіозныя, ни соціальныя [illegible] уже не дѣлали царскую власть необходимою. Значеніе Юпитера было не очень велико среди небесной республики многобожія, и давало мало опоръ всенародному выразителю божественныхъ велѣній.

*) Фюстель Куланжъ опредѣляетъ древняго греко-римскаго царя, какъ „жреца общественнаго очага". „Подобно тому, говоритъ онъ, какъ въ семьѣ власть была не раздѣлена отъ священства и отецъ, какъ глава домашняго культа, былъ въ то же время судьей и господиномъ, такъ точно и верховный жрецъ гражданской общины былъ въ тоже время политическимъ главой".—(Древняя гражданская община, стр. 159, 160, 162). Я уже отмѣчалъ односторонность Фюстель Куланжа въ отношеніи вліяній религіи. Значеніе домовладыки опредѣлялось также и привычнымъ фактомъ его владычества, и его опытомъ, и его силою.

Конечно—и это характеристическая черта: какъ первые основатели царской власти, Ромулъ и Нума, такъ и Тарквиніи, старавшіеся ее возсоздать, воздавали особенный культъ именно Юпитеру. Но уже Туллъ Гостилій, какъ оказывается, не умѣлъ правильно вспомнить тайныхъ молитвъ Нумы Юпитеру *). Формула объявленія войны гласила: «услышь Юпитеръ, услышь Юнона, Квиринъ (т. е. Ромулъ), боги неба, боги земли, боги преисподней,—услышьте». Такое обиліе покровителей не даетъ особенной власти ни одному, и не видно, почему бы ихъ сонму нуженъ былъ одинъ выразитель, тѣмъ болѣе, что римскіе боги требовали лишь культа самимъ себѣ.

Въ отношеніи соціальномъ, мы застаемъ Римъ уже въ строѣ скорѣе родовомъ, чѣмъ патріархальномъ. Это не семейная община, а союзъ родовъ. Сильная патриціанская аристократія давала мало мѣста единоличной верховной власти, а постепенно возрастающій плебсъ, чуждый патриціанской родовой организаціи, а равно чуждый и культа патриціевъ, не давалъ возможности этой аристократіи вырость во власть верховную. Подъ вліяніемъ этихъ условій, въ Римѣ очень рано видно убѣжденіе въ томъ, что верховная власть, въ сущности, есть власть всенародная. Моммзенъ довольно тонко замѣчаетъ, что и древнѣйшее римское устройство представляло какъ бы конституціонную монархію навыворотъ. Въ конституціонной монархіи (такъ думаетъ Моммзенъ) король олицетворяетъ собою всю полноту власти, между тѣмъ какъ управляютъ государствомъ представители народа. Римскій же народъ былъ почти то же, что король въ Англіи, и все управленіе принадлежало его главѣ — царю»**). У римскихъ царей были дѣйствительно сильны управительныя функціи, но недоставало такихъ признаковъ верховной власти, какъ власть законодательная или право помилованія, которое (очень характеристично) принадлежало народу.

Изгнаніе Тарквиніевъ и уничтоженіе царской власти было

---

*) Титъ Ливій XXXI.

**) Римская Исторія, часть I, глава VI.

дѣломъ рукъ патриціевъ, но присвоить верховную власть имъ не удалось. Нуждаясь въ плебеяхъ, они не только пополнили сенатъ всадническими фамиліями, но признали законъ Валерія Публиколы, допускавшій апелляцію къ народу на рѣшенія всѣхъ должностныхъ лицъ. Это было формальнымъ признаніемъ верховной власти народа. При составленіи Десяти Таблицъ законовъ, всемогущіе децемвиры, облеченные этой миссіей, не только подвергли проектъ законовъ публичному обсужденію и затѣмъ исправили свои таблицы сообразно указаніямъ народа, но въ заключеніе эти таблицы были приняты на всенародныхъ *comitia centuriata*. Такимъ образомъ, этотъ основной актъ учредительнаго законодательства состоялся съ такимъ правомъ *referendum*, какое признается лишь въ немногихъ нашихъ современныхъ демократіяхъ.

Итакъ, въ Римской республикѣ никогда не было сочетанной верховной власти, не принадлежала верховная власть ни царю ни аристократіи, а всегда принадлежала самодержавному Римскому народу, т. е. была демократической. Всѣ сочетанія принциповъ происходили только въ области власти управительной, которую патриціанская аристократія всемѣрно старалась захватить и удержать въ своихъ рукахъ. Вся борьба между патриціями и плебеями происходила, переводя на современный политическій языкъ,—по вопросу о цензѣ для избираемыхъ, но самого верховенства народа патриціи не отрицали.

Консулъ Квинктіусъ, уговаривая плебеевъ не слушать подстрекательствъ трибуновъ, прекрасно очертилъ, какъ внимательно патриціи исполняли волю народа: «Ради боговъ,—восклицаетъ онъ,—чего вамъ еще нужно? Вы хотѣли народныхъ трибуновъ: мы вамъ ихъ дали, изъ желанія мира. Вы требовали децемвировъ: мы допустили васъ ихъ назначить. Вамъ надоѣли децемвиры: мы заставили ихъ отказаться отъ власти... Вы захотѣли возстановить трибуновъ: они были возстановлены. Вы пожелали имѣть консуловъ—и это исполнено»... Правда, что всѣ должности попадали съ руки патриціевъ, но они исправляли ихъ превосходно, они были полны доблести, патріотизма и политической мудрости, и самъ плебсъ это сознавалъ

и чувствовалъ *). Повинуясь неизбѣжно логикѣ демократической идеи, онъ боролся съ патриціями за уравненіе правъ на избраніе въ должности, но патриціи такъ умѣли вести народъ, что и при уравненіи правъ, первыя 150 республики на всѣ должности (кромѣ, конечно, трибуновъ) не было избрано ни разу ни одного плебея, и это несмотря на всѣ подстрекательства трибуновъ, упрекавшихъ народъ въ томъ, что онъ не уважаетъ самого себя.

Римскій плебсъ очень долго имѣлъ достаточно здраваго смысла, чтобы понимать все превосходство патриціевъ. Онъ стремился къ равенству въ *принципѣ*, онъ держалъ патриціевъ подъ вѣчной угрозой, но *фактически* предоставлялъ имъ дѣлать то, что они дѣлали лучше его самого **).

Такъ было въ лучшія времена республики, хотя, конечно, исходя изъ принципа верховенства народа, естественно было, подъ вліяніемъ трибуновъ, идти къ уравненію служебныхъ правъ сословій. Трибунъ Канулей прекрасно формулировалъ это, говоря, что они, трибуны, желаютъ лишь осуществить для народа право, «которое ему принадлежитъ», а именно— «ввѣрять должности тому, кому онъ заблагоразсудитъ».

Какъ бы то ни было, въ типичной своей формѣ государ-

---

*) Крѣпкое родовое начало есть основаніе истинной аристократіи, обезпечивая ей традиціонный духъ и доброе воспитаніе. О силѣ же римскихъ патриціанскихъ родовъ можно судить по тому, что Фабіи, напримѣръ, могли выставить на войну изъ одной своей фамиліи отрядъ въ 306 человѣкъ, „поголовно патриціевъ“, не безъ гордости замѣчаетъ Титъ Ливій. Это крѣпкое родовое начало могуче поддерживало политическій и патріотическій духъ. Во время войны съ Лавиконами между военными трибунами возникъ скандальный споръ: всѣ хотѣли, для полученія отличія, идти противъ непріятеля и никто не хотѣлъ остаться для менѣе блестящей задачи охраны города. Конечно, такой споръ компрометировалъ военныхъ трибуновъ (замѣнявшихъ консуловъ). И вотъ выступаетъ старикъ Квинтъ Сервилій, отецъ одного изъ спорившихъ. „Такъ какъ здѣсь, — заявилъ онъ,— не уважаютъ ни Сената, ни республики, то пусть моя *отеческая власть* прекратитъ дебаты“. И онъ приказалъ своему сыну—высшему сановнику государства—остаться въ городѣ, не допустивъ его даже до вынутія жребія. (Титъ Ливій, кн. IV, гл. XLV).

**) Само собою разумѣется, это достигалось не однимъ благоразуміемъ народа, а также всѣми средствами политической ловкости патриціевъ, включительно до подкупа трибуновъ.

ственная идея республики была такова. *Верховная власть* принадлежала народу, причемъ однако демократія пользовалась своею властью лишь тамъ, гдѣ безусловно необходимо непосредственное проявленіе верховной власти: въ законодательствѣ, въ послѣдней инстанціи суда, въ назначеніи высшихъ должностныхъ лицъ, въ актѣ помилованія. Въ области же *управительной*, въ Римѣ, существовало очень искусное сочетаніе власти единоличной и коллегіальной, по преимуществу аристократической. Съ этимъ строемъ республика прожила всю эпоху своего истиннаго величія.

II.

Паденіе патриціата.—Господство узурпаціи.

Величіе Римской республики держалось на соединеніи *самодержавія народа* со служилой ролью *аристократіи*. Но вся эволюція Римскаго государства постепенно дѣлала такое соединеніе силъ невозможнымъ.

Прежде всего постепенная эволюція чисто политической идеи вела къ попыткамъ *непосредственнаго* правленія самодержавнаго народа. Постоянными возбудителями этой идеи были *трибуны* (т. е., конечно, *народные* трибуны *). Это римское «народное представительство» было, конечно, необходимымъ дополненіемъ народнаго самодержавія, и въ этомъ смыслѣ составляло совершенно разумное звено римской конституціи. Но—какъ и всѣ прочіе виды представительнаго политиканства—трибунатъ только и жилъ раздорами, и постоянно зажигалъ ихъ, все дальше и дальше проводя идею равенства гражданъ и народнаго вмѣшательства въ правленіе. Служебная роль аристократіи юридически подрывались. Въ той же рѣчи, Квинктіусъ жестоко упрекалъ народъ за систематическое притѣсне-

*) Такъ называемые *военные трибуны* были аналогичны консуламъ, и хотя ихъ учрежденіе было побѣдой демократической идеи,—непосредственнаго агитаціоннаго значенія оно не имѣло.

ніе патриціевъ. «Вы, говоритъ онъ, захотѣли имѣть консуловъ, всецѣло преданныхъ народной партіи, и, жертвуя самими собой, мы допустили эту чисто патриціанскую должность сдѣлаться опорой народа. Вы имѣете трибунатъ, апелляцію къ народу, всенародныя голосованія, обязательныя голосованія. Подъ предлогомъ равенства, вы насъ притѣсняете во всѣхъ нашихъ правахъ, а мы все переносили и переносимъ» *).

Патриціанская аристократія хлопотала о правахъ, какъ хлопочатъ о нихъ министры монарха: для служенія ему же самому. Вообще правительственная идея Римской республики, давшая ей всю силу, состояла въ томъ, что *верховная* власть принадлежитъ народу, а *служебная* «лучшимъ людямъ», людямъ родового патриціанскаго ценза. Трибунатъ же былъ органомъ надзора верховной власти за управительной.

Нужно замѣтить, что эта идея была далеко не только патриціанская, но также раздѣлялась и плебсомъ. Разрушителями ея были трибуны. Не сразу имъ удалось разрушить эту основу Римской конституціи, но, подъ ихъ систематическими подстрекательствами народа, римская аристократія постепенно упразднялась. Канулей, выставляя право народа назначать на должности «кого ему заблагоразсудится» — подрывалъ возможность патриціанскаго, да и какого бы то ни было ценза. Тиберій Гракхъ провозгласилъ право народа низвергать до срока всѣхъ должностныхъ лицъ. Это юридическое упраздненіе своей привиллегіи на должности—патриціи могли парализовать *фактически*, пока имѣли на то силу, даваемую родовымъ соціальнымъ строемъ. Но постепенное законодательное расширеніе *правъ личности*, характеризующее Римскую исторію, тѣмъ самымъ подрывало сословно-родовой строй, ибо выводило личность изъ-подъ дисциплины этого строя. Вмѣсто прежней дружной сплоченности патриціата, мы начинаемъ замѣчать патриціевъ въ рядахъ народа, вожаками демократическихъ движеній. При такихъ условіяхъ патриціатъ уже не могъ и фактически дѣлать того, что у него все болѣе отнималось юридически.

*) Титъ Ливій, кн. III, гл. LXVII.

Внѣшняя исторія Рима, съ другой стороны, производила еще болѣе глубокое измѣненіе въ соціальномъ строѣ римской націи. Завоеванія расширяли территорію государства и вводили въ его составъ новыя населенія. Это измѣняло составъ какъ высшаго, такъ и низшаго класса.

Окончаніе Пуническихъ войнъ, вынесенныхъ на плечахъ главнымъ образомъ послѣдними усиліями благородной патриціанской аристократіи, въ этомъ патріотическомъ подвигѣ окончательно надорвавшей свои силы,—было моментомъ превращенія Рима во *всемірное государство*, orbis terarrum Romanus. Катонъ конечно не подозрѣвалъ, что, проповѣдуя *delenda est Carthago,* онъ тѣмъ самымъ предсказывалъ Югуртовское «*mature perituram*» по адресу стараго Рима. Съ Ганнибаломъ нельзя было справиться, не принявъ въ составъ Рима Италіанское населеніе. Покореніе Карѳагена неизбѣжно влекло за собою покореніе чуть не всего извѣстнаго тогда міра. *Urbs Roma* превращался въ *orbis terrarum Romanus.* А разъ исторія приводила къ этому, то ревнители старины, отъ Катона до Брута, могли оплакивать прежній Римъ лишь по непониманію смысла событій. Римъ новый явился потому, что по содержанію своему перерось старые устои, которые во всемірномъ государствѣ были уже невозможны. Но этотъ процессъ крушенія стараго и рожденія новаго былъ очень тяжекъ, такъ тяжекъ, что не разъ патріотамъ могло казаться, что Римъ окончательно погибаетъ.

Званіе римскаго гражданина перешло за предѣлы Италіи и за всѣ нормы стараго соціальнаго строя. Государство становилось всемірнымъ. Физическая и даже нравственная сила его перестала сосредоточиваться въ Римѣ, а разлита уже была вокругъ всего Средиземнаго моря. Провинціи становились сильнѣе Рима, а демократическая идея, все болѣе развивавшаяся въ самомъ Римѣ,—не могла отрицать правъ другихъ, внѣ Рима находящихся гражданъ, да и сами они этого не позволяли. Все положеніе дѣлъ влекло къ тому, что *значеніе* люди получали не вслѣдствіе того, что они были римляне, а потому что они были нужны для борьбы, были силою. Во время войнъ, и особенно междуусобій, самимъ же римлянамъ

приходилось опираться на всякую силу, какая попадалась подъ руку. Войска стали пополняться не только инородцами, но даже *рабами*. Это особенно пришлось практиковать во время войнъ Пуническихъ. Такимъ образомъ, скоро Марій, въ борьбѣ съ Суллою, прямо обратился къ *рабамъ*, призывая ихъ къ возстанію.

Въ минуту торжества, онъ окружилъ себя 4000 толпой рабовъ, которые свирѣпствовали надъ знатнѣйшими гражданами. Въ свою очередь «аристократъ» Сулла точно также окружилъ себя отрядомъ въ 10000 рабовъ, которымъ далъ свободу и права римскаго гражданства. Въ борьбѣ призывали на помощь всѣхъ. Воинъ, посланный убить Марія, былъ изъ тѣхъ самыхъ *Кимвровъ*, отъ которыхъ Марій только что спасъ Римъ. По смерти Марія, главную силу его партіи составляли *жители Италіи*, тогда какъ Сулла представлялъ верховенство стараго Рима. Покоряя міръ, Римъ такимъ образомъ волей-неволей самъ расплывался среди обитателей всего міра, и его государственность силою вещей принимала универсальный характеръ.

Соотвѣтственно этому процессу, измѣнялись и экономическія условія существованія народа. Древній Римъ былъ населенъ народомъ земледѣльческимъ и трудовымъ. Сами Цинцинаты ходили за плугомъ, и плебей не мечталъ ни о чемъ, кромѣ земли, на которой могъ бы добывать въ потѣ лица хлѣбъ свой. Мало-по-малу Римъ становился центромъ промышленнымъ и торговымъ. Прежняя родовая организація, съ патронажемъ домовладыки, съ многочисленными кліентами, становилась ненужной и невыгодной. Наилучшіе пути къ богатству были уже иные: промышленныя спекуляціи или грабежъ провинцій, да наконецъ и при крупномъ сельскомъ хозяйствѣ выгоднѣе были *рабы*, чѣмъ кліенты. И вотъ начинается усиленное распусканіе кліентовъ на волю. Вольноотпущенники, выбитые изъ старой колеи—declassés—занимаютъ главное мѣсто среди римскаго плебса, а патриціанскія фамиліи отчасти перемѣшиваются съ выскочками счастья и спекуляціи, отчасти бѣднѣютъ и переходятъ въ ряды недовольныхъ и бунтующихъ элементовъ.

Такимъ образомъ, въ общей сложности, различіе между па-

трицiями и плебеями стирается какъ въ политическомъ, такъ и въ соцiально-экономическомъ отношенiи. Становится видно и чувствительно лишь различiе между «оптиматами» и «пролетарiями», людьми сильными, богатыми, вліятельными, съ одной стороны, и голытьбой—съ другой стороны.

И въ такихъ-то условiяхъ самодержавный народъ долженъ былъ услѣдить за порядкомъ *самъ*, не имѣя уже своихъ доблестныхъ, старыхъ патрицiевъ, которыхъ права самъ же уничтожилъ. Ясно, какъ все это обостряло дальнѣйшiй ходъ процесса соцiальнаго и политическаго разстройства.

Римскiе правители провинцiй дѣлаютъ что хотятъ. Они царьки. Имъ платятъ дань подчиненные Риму цари. Они грабятъ провинцiи. Не лучше было и въ Римѣ. Главную основу состоянiя Красса составили спекуляцiи во время проскрипцiй Суллы и опустошенiй Марiя. Крассъ скупалъ задешево имѣнiя проскриптовъ и опустошенные пожарами дома, а потомъ перепродавалъ ихъ. Выгодную спекуляцiю составлялъ также торгъ невольниками, обогатившiй между прочимъ Катона. Откупъ государственныхъ налоговъ создалъ также множество богачей. О грабежѣ провинцiй нечего и говорить. Крассъ въ одномъ Iерусалимскомъ храмѣ награбилъ на 15 милiоновъ рублей. Помпей получалъ съ Каппадокiйскаго царя ежемѣсячно по 37000 р.*); о добычѣ его во время войны съ Митридатомъ можно судить по тому, что онъ во время своего тріумфа подарилъ каждому солдату своей арміи по 327 руб. Громадныя состоянiя, такимъ образомъ составленныя, помогали захватывать власть. Искатели должностей и поили, и кормили, и потѣшали зрѣлищами, «самодержавныхъ» нищихъ избирателей, издерживая на это милiоны. Должностныя лица закупались, и продавали не только справедливость, но и самый Римъ. Масса гражданъ развращалась подкупомъ и кормежкой, но конечно жила въ видѣ полунищаго пролетарiята. Сама столица — Римъ, — котораго населенiе фактически узурпировало власть «самодержавнаго народа» Римскаго государства, былъ сосредоточiемъ этого

*) Шлоссеръ, Всем. Истор.

контраста двухъ классовъ. О размѣрахъ низшаго класса самодержавной голытьбы, скитавшейся въ столицѣ, можно судить по тому, что до Юлія Цезаря 320,000 человѣкъ пользовались даровой раздачей хлѣба отъ республики*)

Римъ сталъ государствомъ всемірнымъ. Достоинство гражданина этого всемірнаго государства выросло въ понятіяхъ очень высоко. Необходимость править множествомъ народовъ выработала тонкія понятія права, справедливости и политическаго искусства. Для этого управленія, внутренняго и внѣшняго, была наконецъ вѣками практики создана искусная организація судебно-административныхъ властей. Но управлять этой организаціей, съ паденіемъ патріотической аристократіи, было уже некому. Народъ имѣлъ всѣ права: выбиралъ, смѣнялъ, контролировалъ всѣ власти. Но это было пустымъ звукомъ. Громадному населенію римскихъ гражданъ, разсѣянныхъ по всей Италіи и далеко за ея предѣлами,—невозможно было уже даже собраться въ одну толпу, на одномъ мѣстѣ. Это былъ владыка слѣпой, глухой и даже нѣмой. Всѣ его выборные дѣлали что хотѣли и обманывали его, онъ ни за чѣмъ не могъ услѣдить: обычное положеніе всякой демократіи, взявшей на себя верховную власть въ великомъ по объему государствѣ.

И вотъ наступила эпоха всевозможныхъ узурпацій, господства партій, всеобщаго грабежа, всеобщей продажности. Уже исторія Югурта показала, что все можно дѣлать въ Римѣ за деньги, ибо въ Римѣ не было уже глаза за правленіемъ: народъ не имѣлъ для того органовъ. Въ провинціи полководцы дѣлали что хотѣли, даже воевали другъ съ другомъ. Въ самомъ Римѣ происходила невообразимая анархія и достаточно вспомнить исторію Милона и Саллюстія, чтобы понять невыносимость этого положенія. Въ Римѣ порядокъ уже могъ поддерживаться только узурпаторами, но это обходилось очень дорого. Маріанскіе грабежи и насилія ужаснули Римъ, но ихъ могли устранить только еще болѣе страшныя насилія Суллы, когда во время однихъ проскрипцій (не считая войнъ) погибло 40000 чело-

*) Светоній, Юлій Цезарь, гл. XLI.

вѣкъ, въ томъ числѣ тысячи всадниковъ, 90 сенаторовъ, и 15 консуловъ *)...

Urbem venalem et mature perituram si emptorem inveneгit, пророчилъ Риму Югурта. Но Римъ ждало, по всѣмъ видимостямъ, еще худшее. Онъ видимо разлагался во взаимныхъ усобицамъ, и шелъ прямо къ гибели, если бы государственная конституція не измѣнилась. Но она измѣнилась. По невозможности прежняго строя, по невозможности непосредственнаго правленія народа,—явилось исканіе *единоличной власти*.

Она была выдвинута послѣдовательнымъ рядомъ узурпацій, но сознаніе народное поняло наконецъ ея необходимость, какъ законной основы порядка.

III.

Императорская идея.

Ко времени Императорскаго періода, Римъ уже выработалъ себѣ стройный и великій идеалъ государственности. Было вполнѣ сознано господство законности, гражданской равноправности, сильной государственной власти, необходимость спеціализаціи управительныхъ властей и ихъ отвѣтственности. Вся эта стройная государственная идея истекала однако не изъ какого либо высшаго, сверхнароднаго начала, а неразрывно связывалось съ историческимъ Римомъ. Римлянинъ твердо вѣрилъ въ высоту своего государственнаго идеала, въ его абсолютность, но этотъ идеалъ былъ данъ не какой-либо отвлеченной идеей, не высшей волей Божества, а Римомъ, его трудами, его разумомъ, его исторіей, и потому реальное осуществленіе этого идеала было неотдѣлимо отъ существованія Рима.

Общая идея правленія, т. е. существеннѣйшая задача верховной власти, была сознаваема вполнѣ отчетливо. На всемъ orbis terrarum Romanus, который почти сливался съ понятіемъ

*) Шлоссеръ, Всем. Ист. т. I. стр. 719.

о земномъ шарѣ, долженъ царствовать pax Romana, но именно Romana, для поддержанія коего эти владыки вселенной говорили себѣ:

Tu regere imperio populos, Romane, memento:
Parcere subiectis et debellare superbos!

Идея стройная и даже величественная, но чисто земная, тѣсно и неразрывно связанная съ римской силой, доблестью, исторіей, съ существованіемъ Рима и званіемъ римскаго гражданина или по малой мѣрѣ римскаго подданнаго. Религіозное начало имѣло здѣсь гораздо меньше значенія, нежели даже во времена Ромула и Нумы, когда боги внушали законы. Въ Римѣ окончательно развитомъ,—законъ былъ чисто римскій, выражавшій волю и разумъ народа, senatus populusque, римской республики, точнѣе всей римской націи.

Это обстоятельство было важное. Съ одной стороны—идеалъ былъ столь ясенъ и общесознанъ, что не требовалъ даже никакихъ истолкованій,—такъ что аристократія менѣе всего могла бы получить теперь значеніе верховной власти (которой и раньше не могла добиться). Съ другой стороны это былъ идеалъ, во имя котораго народъ никакъ не могъ подчиниться какой-либо силѣ, высшей себя, ибо въ римскомъ государственномъ идеалѣ народъ именно утверждалъ самого себя, какъ источникъ этого идеала. Итакъ истинной монархіи въ Римѣ не могло возникнуть. Единоличная власть могла быть высшею, въ смыслѣ управительнаго органа, но значенія верховной ей не изъ чего было почерпнуть. Между тѣмъ всѣ обстоятельства выдвигали безусловную необходимость единоличной власти, столь твердой, чтобы она не опиралась даже на избраніи, ибо жестокія смуты показали всѣмъ во очію неспособность народа разумно избирать власть.

Кровавыя смуты временъ Гракховъ кончились побѣдой оптиматовъ, но показали даже самимъ демагогамъ, что на толпу невозможно положиться. Маріи дѣйствовалъ для народа, но опирался на военную узурпацію. Сулла дѣйствовалъ во имя аристократіи, но опирался на такую же военную узурпацію.

Оба они не вводили, собственно говоря, никакой реформы, а только поддерживали различныя стороны римской конституціи. Сулла настолько признавалъ народное верховенство, что даже дѣйствуя насиліемъ—приказалъ себя избрать въ диктаторы народу, а не сенату. Всѣ признавали верховенство народа, и всѣ уже отлично поняли, что практически верховенство это есть фикція, и что порядокъ можетъ держаться только диктатурой, и притомъ незыблемой, которая бы не обращала вниманія ни на какіе законные сроки, и не уходила бы съ мѣста изъ за неудовольствія народа. Римская мысль сосредоточилась поэтому на средствахъ найти такую единоличную власть, которая бы не была узурпаторской. Задача была крайне трудная, при римскомъ государственномъ идеалѣ, почти невозможная. И она дѣйствительно была разрѣшена только приблизительно.

Описывая время, предшествовавшее возстанію Юлія Цезаря, Плутархъ замѣчаетъ:

«Въ это время въ Римѣ всѣ ищущіе должностей выставляли на площадяхъ столы, покрытые деньгами и безъ стыда покупали голоса гражданъ, которые, продавъ голосъ, отправлялись на Марсово Поле не только для голосованія за своихъ покупщиковъ, но чтобы поддерживать ихъ кандидатуру ударами своихъ мечей, стрѣлами и пращами. Въ это время народныя собранія часто расходились не прежде, какъ обагривъ трибуну кровью и осквернивъ ее убійствомъ; городъ, погруженный въ анархію, походилъ на корабль безъ руля, разбиваемый бурею. Всѣ люди разсудительные полагали, что будетъ еще большимъ счастьемъ, если это состояніе безумія и агитаціи не приведетъ къ чему-нибудь худшему, чѣмъ монархія. Многіе осмѣливались даже публично говорить, что передача власти въ руки одного лица была единственнымъ средствомъ излѣчить болѣзни республики» *). Необходимость единоличной власти была такъ очевидна, что самъ Катонъ, желая избѣжать хотя диктатуры, предлагалъ назначить Помпея един-

*) Плутархъ. Цезарь, XXXI.

ственнымъ консуломъ. Но сообственно царскую власть римляне окончательно разучились понимать.

Доказывая право народа низлагать всякую власть, Тиверій Гракхъ прямо выдвигаетъ, какъ общепонятную истину, такое разсужденіе: «Царское достоинство, которое заключаетъ въ себѣ власть всѣхъ магистратуръ, сверхъ того освящено религіозными церемоніями, которыя ей придаютъ божественный характеръ. Однако Римъ изгналъ Тарквинія, который несправедливо пользовался властью» *). У насъ говаривали въ старину: «Не Москва Государю указъ, а Государь Москвѣ». Эта идея была бы понятна Юлію Цезарю, но не Гракху, не Марію, не Суллѣ, вообще никакому римлянину временъ республики.

У римлянъ,—говоритъ Блюнчли,—«Государственное устройство приводится въ органическую связь съ народомъ. Римляне признаютъ государство «устроеніемъ народа» и волю народную считаютъ источникомъ всякаго права»**).

Римъ не давалъ мѣста истинной монархіи, какъ власти верховной, за отсутствіемъ въ національномъ идеалѣ не только религіознаго, но и нравственнаго характера. Римскій національный идеалъ былъ чисто гражданскій. «Первые разграничивъ право съ нравственностью, римляне указали на юридическую природу государства, — говоритъ Блюнчли. — По ихъ воззрѣнію, государство есть не этическій порядокъ міра, а прежде всего юридическій порядокъ». Источникъ же права былъ народъ и его чисто-практическая жизнь. Въ періодъ самаго полнаго развитія имперіи, Гай далъ опредѣленіе: «Nam quod quisque populus ipse sibi jus constituit, id ipsius proprium civitatis est, vocatur que jus civile»***). Чисто гражданскій государственный идеалъ Рима былъ выработанъ непрерывнымъ политическимъ расчетомъ, практикой управленія народомъ. Представителемъ этого идеала могъ быть только создатель его, т.-е. самъ же Римъ, senatus populus que, т.-е.

---

*) Плутархъ. Гракхи, XVIII.
**) Общее Госуд. право, стр. 51.
***) Ibidem.

римская нація. Ея власть могла быть вручена отдѣльному лицу только какъ делегированная.

Такъ это и вышло при появленіи имперіи. Однако геніальный основатель ея—Юлій Цезарь—очевидно чувствовалъ необходимость чего-то бо̀льшого. Чувствовалось и во всей исторіи имперіи, что императору нужно нѣчто болѣе высокое и независимое, нежели власть делегированная. Но по условіямъ римской жизни этого бо̀льшаго не изъ чего было создать.

IV.

Юлій Цезарь.

Divus Julius Caesar былъ истиннымъ идеаломъ не столько даже Рима, какъ всего классическаго міра. Всѣ черты римской доблести соединялись у него съ чисто эллинской тонкостью и широтой личнаго развитія. И нуженъ былъ именно такой человѣкъ, чтобы дать зарождающейся имперіи хоть тѣнь того идеальнаго начала, которое одно могло превратить систему узурпаціи въ монархію. Юлій Цезарь лично обладалъ чисто монархическимъ ощущеніемъ, если даже не сознаніемъ, о чемъ, конечно, трудно говорить. Онъ былъ вполнѣ проникнутъ сознаніемъ власти во имя народнаго идеала, но не во имя народной воли, которую, очевидно, глубочайше презиралъ и не стѣсняясь оскорблялъ, съ полнымъ убѣжденіемъ своего права на власть, въ силу какого-то провидиціальнаго назначенія.

Эта идея нѣкоторой провиденціальности единоличнаго правителя сдѣлала впослѣдствіи успѣхи. Во времена Траяна, 100 лѣтъ по Рож. Хр., историкъ, разсказывая о торжествѣ Октавія Августа, уже могъ разсуждать, что хотя всѣ шансы на побѣду были на сторонѣ Брута: «но Римская имперія не могла быть управляема многими, ей нуженъ былъ монархъ. И Богъ желая, безъ сомнѣнія, освободить Октавія отъ единственнаго

человѣка, способнаго помѣшать его владычеству, не допустилъ Брута узнать о побѣдѣ своего флота» *). Вслѣдствіе этого Брутъ и погибъ. Но такое разсужденіе возможно было, какъ видимъ, лишь при Траянѣ. Въ началѣ возникновенія имперіи оно бы показалось страннымъ. Вмѣшательство таинственныхъ силъ въ судьбу людей римлянинъ вполнѣ допускалъ, но этихъ силъ было много: однѣ были за Марія, другія за Суллу, чудеса и знаменія сопровождали дѣйствія всѣхъ ихъ. Въ общей сложности эти мелкія демоническія существа могли, конечно, помогать своимъ любимцамъ, но были сами слишкомъ непостоянны и взаимно боролись, такъ что способны были давать руководство къ поведенію отдѣльнымъ личностямъ, а не цѣлой націи.

У Цезаря было личное сознаніе какого-то очень высокаго божественнаго руководства, и вслѣдствіе—этого своего божественнаго характера. Эту черту онъ и хотѣлъ придать создаваемой единоличной власти. Въ немъ какъ бы дѣйствовали боги покровители Рима, къ числу которыхъ и онъ самъ былъ причисленъ. Дѣйствуя во имя чего-то высшаго, Цезарь какъ бы преднамѣренно позволялъ себѣ унижать народную волю, а себя—возвеличивать прямо до божественности. Еще въ самомъ началѣ своей политической карьеры, онъ дѣлаетъ публичное заявленіе, ставящее его какъ бы выше республики.

«Семейство моей тетки Юліи,—говорилъ онъ съ трибуны,—съ одной стороны восходитъ къ царямъ, съ другой—къ безсмертнымъ богамъ. Моя мать происходитъ изъ семейства Анка Марція (царя). А Юлія происходитъ отъ Венеры, и наша фамилія принадлежитъ къ ихъ роду. Такимъ образомъ нашъ домъ со святостью царей, повелителей людей, соединяетъ величіе боговъ, повелителей царей»**). Впослѣдствіи, уже ставъ на ноги, Цезарь публично говорилъ: «Республика — ничто, одно названіе, безъ всякаго содержанія—rempublicam nihil esse, appellationem modo sine corpore et specie»—и прибавлялъ, что

*) Плутархъ. Брутъ, LV.
**) Светоній. Юлій Цезарь, VI.

теперь его слово должно считать закономъ: pro legibus habere quo dicat *).

Революціонная дерзость подобныхъ рѣчей уясняется, когда мы вспомнимъ, что такое для римлянина была республика. «Республика,—говоритъ Цицеронъ,—есть дѣло народа — est res publica res populi». И вотъ Цезарь заявляетъ, что res publica nihil est, пустое названіе sine corpore et specie. Онъ впрочемъ выражался и рѣзче.

По разсказу Плутарха, когда трибунъ Метеллъ не хотѣлъ выдать Цезарю государственную казну, ссылаясь на законъ, Цезарь сначала возразилъ сравнительно кротко, а потомъ сказалъ: «Впрочемъ, говоря такъ съ тобою, я еще не пользуюсь всѣми моими правами: вѣдь вы мнѣ принадлежите по праву завоеванія, ты и всѣ тѣ, которые, объявивъ себя противъ меня, попали въ мои руки»**). А эти «всѣ» были: Римъ, Сенатъ, республика, только что поручившіе Помпею уничтожить Цезаря. Такихъ безцеремонныхъ заявленій себя выше республики у Цезаря много. Онъ совсѣмъ не сообразовался съ законами, имѣвшими цѣлью обезпечить верховенство народа, сократилъ всѣ выборы, а должностныхъ лицъ назначалъ на долгіе сроки, себя же окружилъ «почестями выше человѣческаго величія», какъ выражается Свѣтоній, и не только принялъ титулъ Отца отечества, но поставилъ свою статую между статуями царей. Впрочемъ онъ воздвигалъ себѣ и храмы. Вообще онъ искалъ освященія божественнаго, выше гражданскаго, и должно сказать, что если онъ вызвалъ противъ себя кинжалы одряхлѣвшаго и умирающаго республиканизма, то народъ былъ очарованъ имъ и призналъ въ немъ нѣчто сверхчеловѣческое.

«По смерти своей, Юлій Цезарь,—разсказываетъ Свѣтоній,—былъ помѣщенъ въ рядъ боговъ не только по объявленію тѣхъ, кто присудилъ ему эту почесть, но и по внутреннему убѣжденію народа». Во время игръ, праздновавшихся въ честь его Августомъ, явилась комета, и её считали ду-

*) Свѣтоній. Юлій Цезарь, LXXVII.

**) Плутархъ. Цезарь, XLI.

шой Цезаря, взятаго на небо: creditum est animam esse Caesaris in coelum recepti. Мистическимъ осужденіемъ покрыла память народная и убійцъ Цезаря. «Damnati omnes,—замѣчаетъ Светоній,—они всѣ погибли различными способами: въ кораблекрушеніи, въ битвахъ, нѣкоторые же сами себя убили тѣмъ же орудіемъ, которымъ умертвили Цезаря» *).

V.

Римская Имперія, какъ делегація народнаго верховенства единому лицу, лично почитаемому богомъ.

Юлій Цезарь своею, божественною, въ глазахъ римлянъ, личностью, придалъ нѣкоторый монархическій оттѣнокъ возникающей единоличной власти во главѣ управленія республикой. При жизни, съ самаго начала борьбы съ Помпеемъ, онъ былъ офиціально объявленъ врагомъ республики; жизнь кончилъ подъ кинжалами защитниковъ ея. И однако, по сознанію націи, именно въ родѣ Юлія Цезаря должна была остаться высшая управительная должность республики, и самое имя Цезаря стало титуломъ новой власти. Юлій Цезарь, покорившій Римъ и нравственно и физическимъ насиліемъ, создалъ въ себѣ нѣчто такое, что было выше народа, и въ то же время признавалось имъ какъ идеальное.

Тѣмъ не менѣе этотъ элементъ «верховенства» новой власти былъ очень не великъ. Онъ былъ скорѣе орнаментомъ, нежели существомъ Императорскаго періода. Послѣдующіе властители—подражали, по мѣрѣ возможности, политикѣ Цезаря, но естественно могли развивать по преимуществу то, что давалось самими условіями національнаго строя, а не то, что было дано совершенно выходящей изъ ряду геніальной личностью Цезаря. Послѣдующіе властители республики долго не осмѣливались явно претендовать на верховную власть, а напро-

*) Светоній. Юлій Цезарь, LXXXVIII, LXXXIX.

тивъ, какъ прежде патриціанская аристократія,—думали лишь о томъ, чтобы покрѣпче держать въ своихъ рукахъ управительную власть. Это достигалось сосредоточіемъ въ рукахъ Императора всѣхъ высшихъ должностей республики.

Такъ сдѣлалъ еще Юлій Цезарь, но для него это имѣло, видимо, мало значенія. Для послѣдующихъ же властителей это составило основу власти. Августъ сначала довольствовался властью Императора (Императоръ—былъ титуломъ чисто военнымъ), соединенной съ званіемъ трибуна. Потомъ Августъ «постепенно возвысился и сосредоточилъ у себя въ рукахъ власть сената, высшіе магистратуры и законы» *). Никто на это не жаловался, замѣчаетъ историкъ. «Даже провинціи приняли эту перемѣну, потому что борьба властныхъ людей и жадность магистратовъ сдѣлали для нихъ подозрительною власть сената и народа и они ожидали мало помощи отъ законовъ, которые становились безсильны отъ насилія, интригъ и особенно отъ подкупа». Вообще поддержка со стороны провинцій составляла огромную опору для власти Императоровъ.

То, что въ Римѣ считалось республиканской свободой народа, было для провинціи жестокимъ рабствомъ у римской черни. Еще на демонстративномъ погребеніи Цезаря «въ этомъ великомъ всенародномъ траурѣ (summo publico luctu) замѣтно было множество инородцевъ (exterorum gentium), которые проявляли свою горесть каждый по обычаямъ своей земли» **). Имперія несла съ собой отрѣшеніе Рима отъ узкой идеи собственно римской республики и выдвигала впередъ величайшую римскую идею—всемірнаго государства, и это было чутко понято всѣмъ orbis terrarum romanus. И дѣйствительно, Имперія была величайшимъ благомъ для всего римскаго міра. Августъ, впервые ввелъ для римскихъ колоній участіе въ выборахъ властей въ Римѣ. Для этого декуріоны колоній посылали, ко дню собраній народныхъ, голоса въ запечатанныхъ конвертахъ. Точно также Августъ если отнялъ свободу у нѣкоторыхъ городовъ, въ наказаніе имъ, то далъ права ла-

*) Тацитъ, Анналы I, 2.

**) Свѣтоній, Юлій Цезарь, LXXXIV.

вали. Точно также онъ покоренныя страны отдалъ ихъ владѣтелямъ, и вообще смотрѣлъ на нихъ какъ, какъ на членовъ Имперіи *).

Но представляя въ себѣ эту высшую, «имперскую» идею, какъ бы завѣщанную безсмертнымъ Юліемъ всѣмъ Цезарямъ, Императоры долго не отрицали, что это и есть идея самаго Рима, и не присваивали себѣ власти верховной, независимой отъ народа. Они, какъ сказано, лишь сосредоточивали въ себѣ всѣ высшія власти: 1) прежде всего власть военную, 2) въ качествѣ princeps'овъ сената—предсѣдательство по законодательной власти, 3) наконецъ по власти исполнительной они сосредоточивали у себя много разныхъ высшихъ должностей. Однако римскій Императоръ всегда при этомъ оставался и представителемъ народа, въ качествѣ трибуна, и представителемъ сената, какъ его главный членъ (princeps). Званіе princeps'а было иногда главнымъ офиціальнымъ ихъ титуломъ (какъ у Тиберія). Наконецъ фикція избранія Императора сенатомъ и народомъ оставалась всегда. Если въ отношеніи сената это было по большей части (хотя далеко не всегда) одною фикціей, то провозглашеніе народомъ имѣло очень реальное значеніе, особенно же въ видѣ той части народа, которая составляла войско. А должно вспомнить, что по духу Рима—народъ и войско, въ идеѣ, очень мало различались.

Такимъ образомъ, власть императорская по существу все-таки оставалась не верховною, а лишь делигированною отъ народа, отъ senatus populusque romanus. Какъ при республикѣ самодержавный народъ поручалъ всю управительную власть аристократіи, такъ онъ передавалъ теперь всю власть Кесарю. Идея эта выражалась и формальными актами. Такъ при восшествіи дома Флавіевъ, Веспасіанъ, сначала превозглашенный, даже безъ вѣдома своего, различными частями войскъ, въ разныхъ мѣстахъ Имперіи, и начавшій гражданскую войну еще при жизни предшественника своего Виттелія—получилъ однако совершенно законную санкція. «Немедленно послѣ паденія

*) Светоній, Августъ. XLIII, XLVI.

Виттелія (и когда Веспасіанъ былъ еще въ Египтѣ) Сенатъ формальнымъ декретомъ передалъ Веспасіану всѣ права, какими въ республиканскую эпоху обладали сенатъ и народъ»*).

Въ этомъ и состояла идея Римской Имперіи. Республика—senatus populusque,—передавала Кесарю всѣ свои права безсрочно. При этомъ—хотя предполагалось, что дѣло не обходилось безъ воли боговъ, но правовое значеніе этого элемента нельзя считать особенно важнымъ. Это лишь освящало личность Императора, который сверхъ того обожествлялся лично, входилъ новымъ лицомъ въ національный Пантеонъ.

При общемъ міросозерцаніи Рима, съ его религіей, съ его правовыми понятіями, ничего другого и нельзя было бы придумать для созданія той высшей единоличной власти, которая по общему сознанію, и по всѣмъ существующимъ условіямъ, была совершенно необходима, но для болѣе прочнаго основанія которой въ народномъ міросозерцаніи не было данныхъ.

VI.

Абсолютизмъ Римской Имперіи. Конечный переходъ его въ идею восточной деспотіи.

Созданная такимъ образомъ монархическая власть была, по надлежащемъ развитіи—абсолютною, неограниченною, вполнѣ подходя къ формулѣ Sit lege regis voluntas. Но глубокой прочности она не имѣла. По существу—это было все таки народная власть, лишь переданная Кесарю, правда безъ условій и безъ срока, но все же делегированная. Употребляя сравненіе, римская республика оставляла здѣсь свое національное право, jus civile, и прибѣгла къ понятію jus gentium, создавъ въ императорской власти какое то beneficium. Уступка народной власти императору не имѣла характера римскаго donatio со стороны народа, ибо подарить свою власть народъ могъ только за себя, за данное поколѣніе. Чужого да-

*) Шлоссеръ. Всемірная Исторія, т. II, стр. 116.

рить нельзя. Итакъ, выходило нѣчто вродѣ политическаго beneficium, отдачи безъ условій и безъ срока, но и безъ потери дателемъ своихъ правъ на предметъ, а стало быть съ постоянно висящимъ, какъ Дамокловъ мечь, правомъ потребовать его обратно. Такимъ образомъ императорская власть была въ сущности управительной, совершенно ничѣмъ не ограниченной и потому абсолютной, но не верховною, не самодержавной. Это наложило особую печать на имперію, помѣшавъ ей сознать различіе между верховной властью и управительной. Отсюда на Кесарѣ лежалъ трудъ личнаго управленія всѣмъ, а изъ этого являлись централизмъ, бюрократія и слабость соціальнаго стоя.

Въ виду правовой слабости и необезпеченности власти императора,—его личное обожествленіе составляло огромный политическій суррогатъ для прочности власти. Должно замѣтить, что для массы народа эта божественность вовсе не была пустымъ звукомъ. При суевѣріи массы, при неясности для нея истинной идеи Божества, она тѣмъ легче вѣрила въ божественностѣ Кесаря, и есть множество фактовъ чисто мистическаго отношенія народа къ Кесарямъ. Въ предмѣстьи Велитрахъ, напримѣръ, цѣлое столѣтіе сохранялся домъ, гдѣ родился Августъ. Давнымъ давно онъ перешелъ къ другимъ владѣльцамъ, и—находился въ употребленіи ихъ, но комната, гдѣ родился бывшій императоръ, въ народномъ сознаніи почиталась столь священною, что въ нее нельзя было входить безъ благоговѣйной молитвы и вообще безъ надобности. Ночевать же въ ней было совершенно невозможно, и смѣльчаки, которые на это рѣшались, были выбрасываемы оттуда невидимой силой, съ великою опасностью для ихъ жизни. Характерны и такіе случаи. Когда Веспасіанъ былъ уже провозглашенъ сенатомъ, но находился еще въ Египтѣ, къ нему явились два человѣка «изъ народа», поясняетъ Светоній, и просили ихъ излечить. Одинъ былъ слѣпой, другой хромой. Веспасіанъ не рѣшался рисковать такимъ опытомъ, но они увѣряли, что самъ Серапись послалъ ихъ во снѣ къ императору, и, прибавляетъ Светоній, императоръ дѣйствительно излечилъ ихъ помазаніемъ своей слюны.

Понятно, какъ дорожила при такихъ условіяхъ римская политика идеей личнаго обожествленія императоровъ, и какъ опасно для Кесарей казалось христіанство, признававшее всю власть ихъ—въ чемъ она не была достаточно прочною,—но отрицавшее именно ту сторону—личную божественность—которая была практически особенно важна для прочности императорской власти.

Между тѣмъ—и эта фикція личной божественности могла быть надежной опорой только въ отношеніи самой грубо-суевѣрной массы народа, ибо мало-мальски развитой человѣкъ конечно не могъ считать императора богомъ во сколько-нибудь авторитетномъ смыслѣ. По мѣрѣ развитія философскихъ идей—грубое языческое многобожіе стало замѣняться въ высшемъ кругѣ нѣкоторымъ неяснымъ представленіемъ единаго божества. Сверхъ того—личная божественность императора для всѣхъ развитыхъ умовъ была слишкомъ очевидною ложью. Поэтому въ верхнихъ слояхъ общества начала появляться другая концепція: делегація власти императору самими богами. Плиній, поздравляя Траяна съ восшествіемъ на престолъ, пишетъ: «Безсмертные боги поторопились призвать твои добродѣтели къ управленію республикой». Въ своемъ Панегирикѣ, Плиній выражается еще рѣзче: «царь міра (т.-е. богъ), говоритъ ораторъ Траяну, отнынѣ свободенъ и избавленъ отъ попеченій, налагаемыхъ на божество; онъ теперь занимается только заботой о небесахъ, съ тѣхъ поръ, какъ поручилъ тебѣ (т.-е. императору) представлять его передъ человѣческимъ родомъ» *):

Здѣсь делегація императора отъ божества доводится до самыхъ крайнихъ предѣловъ, которые были были бы кощунственны для дѣйствительно вѣрующаго человѣка. Бѣда однако въ томъ, что и для императора, и для Плинія, и для всего общества, готоваго стать на эту новую точку зрѣнія, укрѣпляющую власть императора, оставалось безусловно неизвѣстнымъ, что это за божество, облекшее императора такимъ представительствомъ, и какова воля этого божества? При такихъ условіяхъ

*) Письма Плинія и введеніе Рауля Пессоно къ французскому ихъ переводу.

делегація земной власти отъ божества—неизбѣжно приводила власть къ чистому деспотизму—самовластительству, какъ это обычно въ восточныхъ монархіяхъ. Дѣйствительно,—императоръ, являясь представителемъ власти неизвѣстнаго божества, котораго воля неизвѣстна народу,—получаетъ полномочіе дѣлать все, что вздумаетъ. Quod principi placuit-legis habet vigorem. По неизвѣстности воли божества, императоръ могъ дѣлать все что вздумаетъ, не теряя правъ ссылаться на волю божества. Но съ другой стороны, по той же причинѣ, и всякій подданный не могъ быть лишенъ возможности думать, что намѣстникъ божества—нарушаетъ волю довѣрителя, а потому теряетъ полученные права.

Такимъ образомъ власть дѣлалась абсолютнѣйшею, безусловно ничѣмъ не ограниченною, ни даже совѣстью или разумомъ. Но въ то же время—она не становилась прочною, т.-е. не исключала постоянныхъ попытокъ возмущенія и государственныхъ переворотовъ. Это неизбѣжное послѣдствіе абсолютизма. Вообще—делегація власти отъ божества—получаетъ серьезный политическій смыслъ исключительно въ томъ случаѣ, когда она не абсолютна, но нравственно ограничена, т.-е. когда имѣетъ нѣкоторыя ясныя и общеизвѣстныя инструкціи для себя. Для этого же необходимо ясное религіозное міросозерцаніе народа, и учрежденіе церкви, которая будучи религіозно выше царя, по этому самому получаетъ возможность служить ручательствомъ за дѣйствительность божественнаго избранія царя для управленія дѣлами земной власти.

Потому то—до окончательнаго торжества христіанства, т.-е. до подчиненія кесаря Богу,—власть императоровъ не могла найти прочныхъ опоръ своего верховенства. Она была абсолютною, какъ власть управительная, но по отсутствію твердой идейной опоры для своей верховности, принуждена была уходить вся въ развитіе матеріальной силы: сосредоточивать въ императорѣ всѣ отрасли управленія, усиливать войско, полицію, бюрократію, вообще всѣ механическія и матеріальныя средства власти. Но это дѣлало власть кесарей деспотическою, и сверхъ того отдавало самихъ кесарей во

власть того же военно-бюрократическаго механизма, посредствомъ котораго они властвовали надъ націей. Отсюда—чѣмъ болѣе императоры впадали въ абсолютизмъ власти, тѣмъ менѣе держались они нравственнымъ элементомъ, и тѣмъ чаще становились возмущенія и перевороты. При Діоклетіанѣ,—политически доведшемъ идею императорскаго абсолютизма до послѣднихъ предѣловъ,—тяжесть власти оказалась уже такъ велика, что пришлось раздроблять имперію между нѣсколькими кесарями, и существованіе ея стало уже не соціальнымъ фактомъ, а вопросомъ личнаго искуства правителя. Идея римскаго абсолютизма перешла въ идею восточнаго самовластительства, въ которомъ все процвѣтаніе государства и самое его существованіе зависитъ почти исключительно отъ того, умный ли и хорошій человѣкъ захватилъ власть, или неспособный и своекорыстный.

VII.

Эволюція Римской государственности.

Общая эволюція Римской государственности представляетъ, такимъ образомъ, картину исправленія недостатковъ демократической верховной власти посредствомъ различнаго устройства власти управительной. Республика давала величавое политическое построеніе, пока нація—senatus populusque—делегировала всю управительную свою власть патриціанской аристократіи. Но затѣмъ самодержавный народъ сталъ стремиться взять въ свои руки, непосредственно, и власть управительную, что привело къ длинному періоду междуусобицъ и безпорядка, при которыхъ даже узурпація власти кѣмъ либо являлась благодѣяніемъ для націи. Изъ этого кризиса Римъ былъ выведенъ тѣмъ, что управительная власть была снова отнята у народа и перешла—не къ аристократіи уже—а въ единоличныя руки Императора. Первоначально идея Римскаго Цезаризма была совершенно ясна: Императоръ представлялъ ту же абсолютную власть, какой обладала нація, но пользовался этой

властью—по делегаціи отъ націи. Такимъ образомъ верховная власть, въ сущности, оставалась у senatus populusque. Это выражалось и символомъ—большею частью простой комедіей—избранія Императора сенатомъ и народной аккламаціей.

Но сама Римская нація уже давно, со временъ еще республики, становились далеко не римскою, не однородною, и на пространствахъ отъ Атлантическаго океана до Ефрата—представляла такой агломератъ народностей, вѣрованій, міросозерцаній, что наконецъ съ понятіемъ о civis Romanus не соединялось понятія ни о какой рѣшительно политической системѣ. По мѣрѣ этой утраты единаго національнаго міровоззрѣнія, народная делегація Императорской власти становилась все болѣе фиктивною и сознаніе ея исчезало у самаго народа. Императоръ въ глазахъ народа имѣлъ уже власть не потому, что былъ избранъ или одобренъ народомъ или сенатомъ, а потому что власть находится въ его рукахъ. Власть Императорская такимъ образомъ становилась самородною самовозникающею а потому верховной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшительно ничѣмъ не осмысленною.

Эта власть все болѣе подходила подъ типъ восточнаго самовластья. Императоръ являлся не какъ результатъ дѣйствія какой нибудь ясной, вѣчной, постоянно дѣйствующей силы, а какъ простой фактъ успѣха, наконецъ, можетъ быть, какъ результатъ дѣйствія какихъ нибудь мистическихъ силъ, но невѣдомо какихъ. Императоръ имѣлъ абсолютную власть,но—цѣли, ея обязанности, ея смыслъ—не были уже ничѣмъ опредѣлены сколько нибудь ясно.

Такой власти, однако, хотя еще и подчиняются, пока она имѣетъ силу, но—ей легко и измѣняютъ, легко подчиняются и другой рядомъ съ ней возникающей силѣ, ибо ни одна изъ нихъ не освящена правомъ. Недолговѣчность всѣхъ государствъ самовластительскаго типа извѣстна. Они легко возникаютъ въ рукахъ геніальнаго узурпатора, но также легко разсыпаются. Всякое соціальное построеніе держится на основахъ психологическихъ, и то уваженіе, которое людямъ внушаетъ простая сила, какъ сила, элементарно и наименѣе на-

дежно. Уваженіе возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ сила обнаруживаетъ подъ собою нравственные мотивы, обязанности, откуда только и является ея право на власть. Но за ослабленіемъ нравственнаго мотива, сила теряетъ уваженіе націи, и по мѣрѣ того теряетъ свое притягательное вліяніе. Процессъ распаденія, отъ ослабленія этого притягательнаго вліянія власти, обнаружился наконецъ и въ Римской Имперіи, и современъ Діоклетіана—правителя, по личнымъ свойствамъ очень выдающагося,—сталъ несомнѣненъ. Лишь появленіе Константина Великаго спасло Имперію, ибо Константинъ нашелъ, въ условіяхъ своего времени, новый типъ верховной власти, имѣющей ясный идеократическій элементъ. Отъ этого элемента власть снова получила права, получивши обязанности.

Это была идея божественной делегаціи, идея служенія верховной власти Богу, для чего Императору должно было опереться на христіанство.

Это было такимъ глубокимъ переворотомъ идеократическаго элемента Римской Имперіи, что онъ предшествовавшимъ Императорамъ могъ бы показаться рискованнымъ до безумія.

Прежде однако чѣмъ характеризовать этотъ заключительный кризисъ Римской государственности, необходимо остановиться на смыслѣ самой *теократической идеи*.

ОТДѢЛЪ II.

Теократія прямая и делегированная.

VIII.

Идея теократіи.

Переходъ отъ Римской Императорской идеи къ Византійской государственности сопровождался привнесеніемъ *идеи теократической* къ государственной верховной власти.

Идея теократіи не чужда теоріи государственной науки, но разсматривается ею независимо отъ религіозныхъ соображеній, которыя однако единственно осмысливаютъ ее.

Теократія, о которой говоритъ теорія государственнаго права, означаетъ для него лишь государственное владычество жрецовъ или духовенства. Въ этомъ смыслѣ, теократія не можетъ быть, конечно, признана какой-либо особой формой правленія, а должна быть причислена къ своеобразному проявленію аристократическаго начала.

Но теократическая идея получаетъ реальный смыслъ, если разсматривается на почвѣ вѣры въ дѣйствительно существующаго Бога. Въ этомъ случаѣ она выражаетъ непосредственное управленіе Бога человѣческимъ обществомъ, именно Бога, а не какого-либо сословія жрецовъ, духовенства или священства.

При такомъ условіи у народа, строго говоря, нѣтъ государства. Но идея Богоправленія можетъ войти въ государствен-

ность, если явится въ формѣ какой-либо делегаціи Божественной верховной власти.

Вѣчнымъ образчикомъ теократіи въ обѣихъ этихъ формахъ является Израильскій народъ, какъ въ его родовой періодъ жизни, такъ и въ государственный.

Въ государственный періодъ теократія явилась властью делегированной царямъ и въ этомъ смыслѣ идея связи государства съ Богомъ передалась затѣмъ христіанству, а съ нимъ Риму и всѣмъ государствамъ христіанскаго періода.

Исторія Израильской теократіи, такимъ образомъ, столь тѣсно связана съ христіанской государственностью, что на этомъ предметѣ должно остановиться подробнѣе.

Въ протестанствѣ очень распространена мысль, будто бы въ Библіи царская власть не одобряется и составляетъ, по выраженію Библіи, «грѣхъ передъ Господомъ». У историка вообще точнаго и безпристрастнаго, какъ Шлоссеръ, прямо говорится, будто бы учрежденіе Царства «рѣзко противорѣчило законодательству Моисея, по которому главою государства признавался одинъ только Богъ». Трудно понять, какъ повторяютъ подобныя вещи люди, читавшіе Библію.

Въ законодательствѣ Моисея совершенно ясно и точно предусматривается будущее возникновеніе царской власти и указываются заранѣе условія, при которыхъ она можетъ быть законной. Невѣрно и то, будто бы Богъ признавался, во времена Моисея, «главою государства». Никакого государства тогда, по закону Моисееву, не было учреждено, а была лишь организована нація на родовыхъ началахъ, и съ общимъ Богопочитаніемъ. Господь признавался Владыкой Израиля въ нравственномъ смыслѣ, какъ союза духовнаго, т.-е. какъ церкви.

Хотя выраженіе «Царь» и употребляется въ примѣненіи къ Господу, но въ смыслѣ теократіи, а не государственности. Въ силу такого верховнаго царствованія Господа надъ Израилемъ—конкретнымъ делегатомъ Его, когда настало время государственности, долженъ былъ все-таки явиться какая нибудь личность или учрежденіе. Власть Господа проявлялась и въ быту Израиля, и въ священствѣ, и въ пророчествѣ, и въ

ское выраженіе.

Въ Библіи мы находимъ все послѣдовательное отношеніе Бога къ устроенію различныхъ сторонъ личной и общественной жизни человѣческой согласно съ закономъ Божественнымъ. Въ концѣ этого устроенія, на своемъ мѣстѣ, является и государственность, но не раньше, чѣмъ для нея готова почва соціальная. Взглянемъ же на эту общую картину устроенія.

IX.

Подготовка соціальнаго строя.

Избранному народу сначала было дано основаніе закона нравственнаго, состоящее въ вѣрѣ въ Бога. Вѣра приводитъ къ подчиненію (завѣтъ Авраама и символъ обрѣзанія).

Затѣмъ черезъ Моисея, въ десяти заповѣдяхъ, даны основы соціальнаго строя, и въ законодательствѣ Моисея дополнены общественные уставы и оформлена Ветхозавѣтная церковь. Черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ, черезъ Самуила, Богомъ же была установлена и Царская власть.

Цѣль такой послѣдовательности устроенія очень ясна.

Строго говоря, для земного существованія человѣка достаточно было бы и одного закона нравственнаго, предполагая безусловное его усвоеніе и соблюденіе человѣкомъ. Но послѣднее условіе неисполнимо. Человѣкъ — существо склонное ко грѣху», «жестоковыйное», и вотъ, по этой его «жестоковыйности», становятся необходимы рамки соціальнаго строя, для облегченія человѣку возможности жизни, согласной съ нравственнымъ закономъ, т. е. богоугодной. Эти рамки соціальнаго строя, налагая на человѣка принужденіе, однако поддерживаются его же волею и усиліями, слѣдовательно принужденіе создается свободой человѣка, почему заключаетъ въ себѣ элементъ добровольности и нравственной заслуги.

---

*) Всемірная Исторія, т. 1, стр. 52.

Законъ соціальный вводится рядомъ съ учрежденіемъ церкви, которая съ нимъ не смѣшивается, а только служитъ для связи человѣка съ Богомъ, поддерживающей въ людяхъ рѣшимость соблюдать наложенное ими на себя соціальное принужденіе. Таковъ строй, узаконенный Моисеемъ.

Достаточенъ ли онъ? Если человѣкъ, при должной святости, могъ бы жить даже однимъ нравственнымъ закономъ, то тѣмъ болѣе, казалось бы, онъ могъ бы жить при поддержкѣ соціальнымъ строемъ и церковью, подъ непосредственнымъ водительствомъ Божіимъ. Это и есть настоящій идеалъ общественной жизни, возвѣщенный особенно Самуиломъ.

Высота и истина этого идеала несомнѣнны. Дѣйствительно люди, достойные Бога, должны, безъ принужденія власти, умѣть жить такъ, какъ угодно Богу, и когда они этого достигаютъ, то находятся подъ непосредственнымъ управленіемъ Бога, не нуждаясь въ принудительной власти. Но по своей «жестоковыйности» въ грѣхѣ, въ порывахъ страсти и эгоизма, люди даже и къ этому не способны. Для нравственной выработки людямъ прежде всего необходимо понять эту страшную степень своей нравственной бѣдности, ибо иначе мы не способны отрѣшиться отъ горделиваго воображенія своей высоты. И вотъ собственно для этого былъ Израилю данъ моментъ непосредственной теократіи.

Исходъ опыта этого идеальнаго состоянія извѣстенъ. Въ исторіи Судей Израиль (а въ лицѣ его и все человѣчество) показалъ самъ себѣ, что не способенъ держаться на такой высотѣ и нуждается въ новыхъ подпоркахъ принужденія. Господь это зналъ, безъ всякихъ опытовъ, но опытъ былъ допущенъ для того, чтобы люди поняли себя, и своей охотой, своимъ убѣжденіемъ, сами наложили на себя новое принужденіе. Это въ нравственномъ отношеніи есть торжество самопониманія, т. е. высшей мудрости—и торжество свободы, ибо нѣтъ выше проявленія свободы, какъ то, когда человѣкъ самъ себя связываетъ во имя идеала.

Моисей, исполняя волю Божію, устраивалъ Израиль въ томъ порядкѣ, какой, по мудрости Божіей, былъ предписанъ для

этого нравственнаго воспитанія человѣка. Но Моисей, не учреждая царства, предвидѣлъ его и заранѣе указалъ Израилю.

«Когда придешь ты въ землю, которую Господь Богъ твой дастъ тебѣ, и скажешь себѣ: поставлю я надъ собою царя, подобно прочимъ народамъ, которые вокругъ меня—то поставь надъ собою царя, котораго изберетъ Господь твой» *).

Эта оговорка «подобно прочимъ народамъ»—очень характеристична въ соціально-педагогическомъ отношеніи. Богоизбранный народъ долженъ убѣдиться и самъ сказать себѣ, что онъ не выше «прочихъ народовъ». Это не разъ напоминалъ Израилю и самъ Моисей, повторяя, что Господь избралъ Израиль вовсе не потому, чтобы онъ былъ лучше прочихъ народовъ, и даже землю Ханаанскую даетъ имъ, Израильтянамъ, не за то, что они сами хороши, а потому что народы Ханаанскіе требуютъ наказанія...

Итакъ, Израиль долженъ былъ убѣдиться, что онъ не способенъ жить добропорядочно безъ новаго слоя принужденія.

Моисей именно заранѣе указалъ два условія возникновенія царской власти:

Нужно для этого, во-первыхъ, чтобы самъ народъ созналъ ея необходимость.

Нужно, во-вторыхъ, чтобы не народъ избралъ царя надъ собою, но предоставилъ это Господу.

Сверхъ того, Моисей указываетъ еще руководство и для самого царя:

«Когда онъ сядетъ на престолѣ царства своего, долженъ списать для себя списокъ закона сего (Моисеева), съ книги, находящейся у священниковъ левитовъ. И пусть онъ читаетъ его во всѣ дни жизни своей, дабы научился бояться Господа Бога своего и старался исполнять всѣ слова закона сего» **).

Итакъ, учрежденіе царства было указано Моисеемъ къ тому времени, когда Израиль будетъ готовъ къ государственности. Потребность эта наступила черезъ 400 лѣтъ.

---

*) Второзаконіе, XVII, 14, 15.

**) Второзаконіе, XVII, 18, 19.

X.

Народное требованіе власти.

Зрѣлище момента возникновенія царской власти въ Израилѣ поучительно на вѣчныя времена, какъ все строеніе Божіе въ Библіи. Всѣ эти какъ бы опыты соціально-политическаго творчества были нужны не для Всевѣдущаго, а для насъ—чтобъ мы узнавали свою природу, свои силы, и сообразно съ этимъ могли понимать разумныя условія своей жизни. Моисей самъ говорилъ это Израилю: «Знай въ сердцѣ твоемъ, что Господь Богъ твой учитъ тебя, какъ человѣкъ учитъ сына своего» (Второз. VIII, 5).

Опытъ эпохи судей показалъ народу, что онъ подъ непосредственнымъ водительствомъ Бога—жить неспособенъ.

Бѣдность чувства вѣры, недѣйственность его, приводили къ тому, что безъ государственной власти начиналось разложеніе нравственно-соціальнаго строя. Священное повѣствованіе о многогрѣшномъ и возмутительномъ дѣлѣ, чуть не кончившемся истребленіемъ Веніаминова колѣна, неоднократно прибавляетъ какъ бы въ поясненіе: «И въ тыя дни не бяше Царя во Израили: мужъ еже угодно предъ очима его творяше». (Судьи XVII, 6, XVIII, I, XIX, I, XIX, 25)...

А между тѣмъ, по совѣсти говоря, навѣрное ни въ одномъ изъ существующихъ народовъ, и ужъ менѣе всего въ *современной* Россіи, не проявилось бы той способности народа самостоятельно стоять за правду, какая все-таки оказалась тогда во Израилѣ: можно ручаться, что гнусное преступленіе, для наказанія котораго объединился весь Израиль и вышелъ на междуусобную войну—у насъ прошло бы почти незамѣченнымъ, и ужъ во всякомъ случаѣ не нашлось бы за него сотенъ тысячъ мстителей...

Но Израиль созналъ, что и онъ нравственно безсиленъ. Конечно, эта неспособность жить самостоятельно по правдѣ была все-таки «великимъ грѣхомъ», какъ сказалъ Самуилъ, выразитель

чистаго идеала, но съ точки зрѣнія идеала святости—человѣку не нужны вообще никакія внѣшнія подпорки. Народъ же Израильскій, хотя и не имѣлъ достаточно святости, но по крайней мѣрѣ созналь это; желая же непремѣнно жить по правдѣ—почувствовалъ рѣшимость подчинить себя новымъ ограниченіямъ своего произвола.

Беззаконіе, дѣйствительно, давало себя тогда чувствовать повсюду. Самая первосвященническая власть начинала искажаться и принимать неподобающій ей характеръ присвоенія мірской власти. Отъ этого и общественная и церковная власть деморализировались. Извѣстно повѣствованіе Библіи о сынахъ первосвященника Илія. Они были священники, но «люди негодные», не знали Господа и долга священниковъ къ народу («Царствъ, I книга, гл. 2, 12—13). Своимъ хищничествомъ они отвращали людей отъ жертвоприношенія, распутничали съ богомолками, а отецъ не находилъ въ себѣ силы унять ихъ. Жизнь стала грѣховной настолько, что руководство Божіе какъ бы покинуло временно Израиль. «Слово Божіе было рѣдко въ тѣ дни, видѣнія были не часты» (1-я Царствъ, гл. 3, 1). Когда наконецъ Господь воздвигъ еще разъ великаго пророка, Самуила, то первое же слово Божіе, раздавшееся наконецъ въ храмѣ, послѣ долгаго молчанія, возвѣстило лишь наказаніе за грѣхи Израиля.

Это наказаніе исполнилось надъ виновными: и виновнымъ оказался весь народъ, потому что даже самый кивотъ Божій былъ отъ него преданъ язычникамъ. Затѣмъ наступила эпоха Самуила, эпоха непосредственнаго водительства Божія... Но что же оказалось въ концѣ? При сыновьяхъ Самуила, даже при жизни отца, начинается то же самое беззаконіе. «Сыновья его не ходили путями его, а уклонились въ корысть и брали подарки, и судили превратно» (тамъ же, гл. 8, ст. 3). И вотъ въ народѣ назрѣваетъ самостоятельное требованіе государственности, за нѣсколько вѣковъ предвидѣнное Моисеемъ.

XI.

Царь, какъ Божественная делегація.

Израильтяне сказали Самуилу: «Поставь намъ Царя, чтобъ онъ судилъ насъ, какъ и у прочихъ народовъ». Эти слова не понравились Самуилу, но Господь сказалъ ему: «Послушай голоса народа», но только сначала «представь имъ права царя».

Пророкъ такъ и сдѣлалъ, объяснивъ самымъ краснорѣчивымъ образомъ народу всю тяжесть государственности, однако народъ настолько чувствовалъ себя неспособнымъ обходиться безъ государственности, что «не согласился послушаться голоса Самуила» и сказалъ: «нѣтъ, пусть царь будетъ надъ нами». И что же? Господь оправдалъ не пророка, а народъ и сказалъ: «Послушай голоса ихъ и поставь имъ царя» (тамъ же, гл. 8, ст. 6—22).

Итакъ, дѣло уясняется. Въ идеалѣ наше состояніе тѣмъ выше, чѣмъ болѣе мы живемъ подъ непосредственной властью Божіей. Всѣ наши подпорки своей немощи суть результатъ грѣховности. Въ этомъ смыслѣ, учрежденіе государственности есть «великій грѣхъ», все равно какой бы формы власть мы не созидали. Но лучше сознаніе грѣха и искаше опоры, нежели неосновательное самомнѣніе. И въ этомъ смыслѣ требованіе государственности составило заслугу Израиля и было оправдано.

Переходъ отъ судей къ царю былъ переходъ отъ нравственной власти къ государственной—принудительной. Судьи были не демократической и не аристократической властью, а властью нравственной, внѣ государственной. Судей воздвигалъ Господь, а не избиралъ никто. Самуилъ былъ даже не изъ колѣна Левіина, и его мать, молясь при посвященіи его, говорила: «Господь унижаетъ и возвышаетъ... изъ бренія возвышаетъ Онъ

Требуя царя, Израиль требовалъ государственности, и Господь велѣлъ пророку поставить имъ царя.

Итакъ, царь былъ поставленъ не народнымъ избраніемъ, а Богомъ. Помазывая Саула, Самуилъ сказалъ: «Господь помазываетъ тебя въ *правители наслѣдія Своего* во Израилѣ и ты будешь царствовать надъ народомъ Господнимъ и спасешь ихъ отъ руки враговъ ихъ», и «найдетъ на тебя Духъ Господень». Затѣмъ, представляя новаго царя народу, Самуилъ объявилъ что, хотя народъ и совершилъ грѣхъ, отвергшись отъ непосредственнаго водительства Божія, но Господь допускаетъ эту ихъ немощь подъ такимъ условіемъ: «Если будете и вы, и царь вашъ ходитъ во слѣдъ Господа Бога вашаго, то рука Господня не будетъ противъ васъ. Если же будете дѣлать злое, то и вы, и царь вашъ погибнете» (гл. 12, ст. 14—25).

Самому царю при этомъ ставится въ обязанность исполненіе воли Божіей. За нарушеніе этого и былъ осужденъ потомъ Саулъ, при чемъ Самуилъ сказалъ: «теперь не устоять царствованію твоему. Господь найдетъ Себѣ мужа по сердцу Своему и повелитъ ему Господь быть вождемъ народа Своего» (гл. 18, ст. 14). Однако царь, даже осужденный Богомъ, объявляется неприкосновеннымъ для людей: «Не прикасайтеся помазаннымъ Моимъ».

Царство, стало быть, является по желанію народа, сознающаго свою неспособность находиться подъ непосредственнымъ водительствомъ Бога, а потому просящимъ у Бога конкретнаго представителя власти, причемъ народъ не выходитъ изъ власти Божіей, и даже не избираетъ самъ себѣ царя, а принимаетъ назначеннаго Богомъ. Эта, Богомъ делегированная, власть Имъ же освящается и получаетъ обязанность исполнять не свою волю, а Божію. Подданные же получаютъ обязанность повиноваться царю. По правамъ царя, изложеннымъ народу Самуиломъ, царь имѣетъ власть надъ личностью подданныхъ и надъ ихъ имуществомъ, и ограниченіе власти царя состоитъ только въ томъ, что онъ обязанъ повиноваться Богу. Эта обязанность царя составляетъ условіе для подчиненія ему подданныхъ.

Такъ возникла Израильская монархія. Не входя въ подроб-

ности, должно напомнить, что она не упразднила соціальнаго строя Израиля. По прежнему Израиль раздѣлялся на свои колѣна, имѣлъ своихъ князей, начальниковъ поколѣній, и мы ихъ постоянно видимъ служебными силами царя, иногда столь сильными, какъ «сыновья Сарруи», которыхъ боялся задѣть самъ царь Давидъ.

Но для темы настоящей книги — вопросъ состоитъ не въ управительной системѣ царства Израильскаго, а въ обрисовкѣ общей послѣдовательности развитія Богоучрежденнаго строя, бросающаго свѣтъ и вообще на законы жизни обществъ, вполнѣ завершенныхъ.

Въ основѣ — видимъ законъ нравственный, состоящій въ вѣрѣ и подчиненіи Богу. Затѣмъ идетъ организація соціальная и церковная, но не сливающіяся, а лишь сосуществующія. Наконецъ идетъ организація государственная, основанная на божественной делегаціи, и точно также отдѣльная отъ церкви.

При этомъ учрежденіе царской власти, какъ божественной делегаціи, дается только тогда, когда народъ самостоятельно и сознательно приходитъ къ непремѣнному желанію такой власти, и вполнѣ представляя себѣ всю тягость возлагаемаго имъ на себя бремени подчиненія, все-таки говоритъ: «Избери намъ царя, мы не въ состояніи обойтись безъ него».

Всѣ эти черты остаются постоянными условіями для идеальнаго типа монархіи.

Съ этими общими уроками теократическаго Израиля мы теперь можемъ возвратиться къ многострадальному Риму, который тщетно искалъ опоръ *теократической* идеи для своего разлагающагося абсолютизма. Въ общемъ комплексѣ условій Римской имперіи — съ перваго взгляда не легко было найти эти опоры верховности императора, однако въ дѣйствительности онѣ были до нѣкоторой степени отысканы.

ОТДѢЛЪ III.

Византійская государственность.

XII.

Конецъ Римскаго абсолютизма.

Положеніе Римской имперіи ко временамъ Константина Великаго представляло картину полнаго разложенія. Какъ всѣ абсолютистскія монархіи, она не имѣла основъ долговѣчности. Какъ мы говорили, созданіе генія Юлія Цезаря не было чистымъ видомъ монархіи, въ которомъ монархъ являлся бы властью верховною. Римскій императоръ представлялъ только концентрированную управительную власть, не принадлежащую ему по собственному праву, но лишь довѣренную, делегированную Римскимъ Сенатомъ и народомъ (Senatus Populus que Romanus). Такое построеніе не можетъ дать императору власти чисто верховной, которая въ идеѣ принадлежитъ народу. Отсюда непрочность этой власти со стороны нравственной, и ея фактическое всесиліе, способное переходить въ деспотизмъ. Если бы при этомъ Римская нація сохраняла, по крайней мѣрѣ, органы контроля и направленія дѣйствій Цезаря, то имперія имѣла бы видъ республики съ сильной президентской властью. Но абсолютистскій цезаризмъ имѣетъ естественную тенденцію подрывать внутреннюю организованность націи, необходимую для контроля, ибо цезаризмъ, соединяя всѣ управительныя власти, тѣмъ самымъ не оставляетъ народу ни одной сколько-нибудь независимой, способной стать органомъ контроля.

Высокій гражданскій духъ, жившій въ римскихъ сословіяхъ, и находившій въ критическія минуты отголосокъ даже въ Сенатѣ, долгое время парализовалъ пагубныя послѣдствія абсолютизма, иногда создавая цвѣтущія эпохи, какъ было послѣдній разъ при Антонинахъ. Но Римское общество все болѣе разлагалось, его организованной силой становилась все больше одна армія, переполненная наемниками, или совершенно чужеродными, или едва получившими поверхностное воздѣйствіе римской культуры и римскаго духа. Самыя основы этого духа исчезали въ римскомъ обществѣ, все болѣе развращавшемся. Черезъ 200 лѣтъ по основаніи, имперія имѣла уже явный видъ полнаго разложенія.

Послѣднее столѣтіе жизни имперіи, передъ Діоклетіаномъ, разложеніе стало очевидно. Трудно даже сказать, сколько было императоровъ за это столѣтіе. Они являлись сразу десятками, провозглашаемые отдѣльными частями арміи, дрались между собой, погибали, въ лучшихъ случаяхъ кое-какъ признавали господство старшаго императора. При Галліенѣ было цѣлыхъ тридцать Тирановъ, какъ ихъ прозвали, въ различныхъ провинціяхъ. Въ Сиріи уже произошла удачная проба Зеновіи основать особенное царство, только номинально подчиненное Риму (Пальмира). Большая часть императоровъ, даже признанныхъ Сенатомъ, погибали отъ убійства. Вообще имперія совершенно разрушалась, подъ вліяніемъ внутренняго разложенія націи и отсюда самаго государства. Варвары, уже научившіеся презирать Римъ, давили на него со всѣхъ сторонъ извнѣ. Легко было видѣть, что Риму приходитъ конецъ, и празднованіе его тысячелѣтія произошло въ эпоху полной агоніи.

Изъ этой гибели Римъ былъ временно выведенъ Діоклетіаномъ. Имперія на видъ стала стройной и даже грозной. Но это было куплено цѣной отказа отъ римской идеи имперіи. Діоклетіанъ сталъ чисто восточнымъ деспотомъ. Онъ распоряжался имперіей, какъ личнымъ помѣстьемъ, и даже по внѣшности усваивалъ всѣ атрибуты Персидской монархіи, старясь получить значеніе власти верховной.

Замѣчательно, что самъ Юлій Цезарь, первый императоръ,

достигнувъ власти, явно чувствовалъ, что ему чего-то недостаетъ. Онъ тоже старался придать себѣ личный божественный характеръ и, очевидно, сознавая подъ конецъ, что для этого нѣтъ достаточно прочныхъ основаній въ народныхъ вѣрованіяхъ, а безъ этого его имперія виситъ на воздухѣ—тяготился жизнью, чувствовалъ свои мечты разбитыми. Послѣдній римскій императоръ Діоклетіанъ отбросилъ идеи цезаризма и искалъ восточной деспотіи. Но и это было невозможно. У персовъ личное деспотическое правленіе съ характеромъ верховной власти было обусловлено религіозными воззрѣніями, естественно выдвигавшими такую власть. При римскомъ же многобожіи, со множествомъ равноправныхъ божковъ, притомъ уже и непризнававшихся огромной долей населенія, власть императора не могла добыть такой санкціи свыше. Если римскіе боги покровительствовали императору, если императоръ былъ и самъ богомъ, то такихъ боговъ было множество, и никому они не могли дать незыблемой власти. Имперія, по римскимъ взглядамъ, была учрежденіемъ чисто человѣческимъ, дѣломъ Сената и народа. А Сенатъ и народъ сами уже умирали и разлагались.

Діоклетіанъ личными талантами могъ поддержать временно имперію, но самъ сломился подъ тяжестью задачи. Онъ сошелъ съ ума во время послѣдняго гоненія на христіанъ, и оставилъ государство въ такомъ же положеніи, въ какомъ его захватилъ.

Но среди лицъ, въ это время выдвинувшихся, находился уже реформаторъ—Константинъ Великій.

XIII.

Константинъ Великій.

Государственная идея Константина Великаго состояла въ томъ, чтобы сочетать Римскую имперію съ новымъ историческимъ факторомъ — христіанствомъ.

Христіанство, по всему духу своему, было столь противоположно античному міру, что задача сочетать созданную античностью имперію съ христіанствомъ, отрицавшимъ античный міръ, рисовала передъ Константиномъ огромный переворотъ. Трудности задачи были столь велики, что реформаторъ рѣшился даже перенести столицу имперіи, не въ качествѣ только резиденціи своей, что дѣлали многіе императоры, а какъ самый центръ жизни имперской. Съ Константиномъ такимъ образомъ кончается Римъ и начинается Византія.

Историки, какъ Лебо, упрекаютъ Константина за этотъ переносъ столицы, говоря, что этимъ онъ подорвалъ жизненность имперіи, имѣвшую корни въ римскомъ населеніи. Но воскресить собственно римскую идею уже не могъ надѣяться ни одинъ сколько-нибудь проницательный государственный человѣкъ. Множество императоровъ старались сдѣлать это и давали эпохи очень блестящихъ правленій, но и только. Кончалась жизнь императора и—снова начиналось старое разложеніе. Если бы Константинъ думалъ нѣсколько гальванизировать угасающее тѣло древней имперіи, онъ, конечно, поступилъ бы такъ же, какъ другіе хорошіе императоры, оставаясь въ Римѣ и стараясь своей личностью поддержать жизнь, угасавшую въ націи. Но такая задача была слишкомъ ничтожна для великаго человѣка, слишкомъ безплодна. Константинъ, очевидно, думалъ не о продленіи агоніи стараго міра, а о созданіи новаго міра. Съ этой точки зрѣнія онъ былъ правъ, не жалѣя подорвать Римъ для того, чтобы перенесть столицу туда, гдѣ удобнѣе было создавать новое, съ наименьшими помѣхами со стороны гніющихъ обломковъ старины.

Но насколько Константинъ справился съ задачей — это вопросъ иной.

Неудивительно, что самая мысль совмѣстить Римскую государственность съ христіанствомъ могла казаться крайне невѣроятною. Римское государство и христіанство казались совершенно противоположными лагерями, да и были таковыми, поскольку имперія сохраняла свой историческій характеръ.

Государство Римское, котораго послѣднимъ словомъ была

имперія, сложилось, когда христіанства еще не было, на основахъ, не имѣющихъ съ нимъ ничего общаго. Лучшіе римскіе императоры, какъ представители своей идеи, были жесточайшими гонителями христіанъ, и были совершенно правы, ибо христіанство, при всей покорности властямъ, признавало другое абсолютное начало, высшее, нежели императорская власть. Со своей стороны, христіане развивались не только независимо отъ Римской государственности, но и въ постоянной оппозиціи съ ней. Если христіанство не погибло, то совершенно вопреки желаніямъ императоровъ. Если имперія продолжала еще кое-какъ влачить существованіе, то никакъ не благодаря поддержкѣ христіанъ.

Наоборотъ, при всей покорности послѣднихъ, имперія чувствовала, что чѣмъ болѣе распространяется христіанство, тѣмъ рыхлѣе становится подъ ней ея соціальная почва. Да и нельзя сомнѣваться, что христіанство ускорило разложеніе древняго міра.

При многихъ усовершенствованіяхъ правительственнаго механизма, вводимыхъ императорами, при несомнѣнномъ величіи многихъ императоровъ, государство, видимо, чахло, потому что подъ нимъ погибало живое общество. А это отчасти, конечно, происходило и оттого, что скудныя нравственныя основы античнаго общества не могли удерживать въ немъ лучшихъ людей. Они всѣ уходили въ христіанство. Отъ кесарей, Сената и республики они уходили къ Христу Распятому, живя съ минуты перехода интересами, не имѣющими ничего общаго съ интересами имперіи.

Такимъ образомъ, терпя отъ античнаго міра гоненія, и въ свою очередь отрицая всѣ его основы, христіанство цѣлыхъ 300 лѣтъ росло, крѣпло и организовывалось въ полномъ отчужденіи отъ государственности. Въ своихъ общинахъ, въ своей церкви оно имѣло все, чѣмъ дорожило. Имперія, нравственно ему чуждая, казалось, не была ему даже ни на что нужна.

А между тѣмъ оно все росло, захватывало все бо́льшія массы народа. За 100 лѣтъ до Константина, Тертулліанъ смѣло говорилъ имперіи:

«Мы явились вчера, а уже наполняемъ собою все: ваши города, острова, деревни, виллы, ваши совѣты, ваши лагери, ваши куріи, дворцы, сенатъ... Мы могли бы бороться съ вами не прибѣгая къ оружію, а просто отдѣлившись отъ васъ». Если бы, говорилъ онъ, христіане массою ушли изъ имперіи, «васъ поразило бы уединеніе, молчаніе, и міръ показался бы вамъ вымершимъ» *).

Все это множество народа, не возставая противъ имперіи, оставалось ей болѣе чуждымъ, чѣмъ иностранное государство. Имперія не умѣла даже подыскать названія для этой необычной организаціи. Христіанство большею частью называлось «философіей». Иногда ихъ называли «христіанскимъ народомъ», хотя христіане не имѣли ни единаго племеннаго признака. Только Константинъ, подъ вліяніемъ, кажется епископа Осіи Кордовскаго, нашелъ названіе «сословіе христіанъ» (Corpus Christianorum). Этотъ юридическій переводъ христіанскаго понятія «церковь» впервые точнѣе отпредѣлилъ, что такое имѣла передъ собой имперія въ лицѣ христіанъ.

До тѣхъ поръ тысячелѣтнее государство и трехсотлѣтняя церковь стояли другъ передъ другомъ чуждые, не желавшіе и не искавшіе другъ друга.

Константинъ, какъ государственный человѣкъ и ученикъ христіанъ, умѣлъ однако понять, что эти двѣ силы не только могутъ соединиться, но что соединеніе имъ обѣимъ одинаково нужно.

---

*) Численность христіанъ въ Имперіи составляетъ вопросъ спорный. Очень цѣнныя данныя по этому предмету группируетъ профессоръ А. Спасскій въ статьѣ „Обращеніе Императора Константина“ („*Богословскій Вѣстникъ*“, 1904 г. декабрь). Знаменитый Гарнакъ утверждаетъ, что христіане являлись преобладающимъ населеніемъ важнѣйшихъ провинцій. Проф. Спасскій, путемъ сопоставленія разныхъ обрывковъ статистическихъ данныхъ того времени, устанавливаетъ иное мнѣніе. Онъ не считаетъ въ городѣ Римѣ болѣе 50,000 христіанъ считая тѣже 50,000 для Александріи и т. п. Въ общемъ онъ не допускаетъ, чтобы христіане передъ Константиномъ могли составить и 10% жителей Имперіи.

Но какъ бы ни рѣшать вопросъ этотъ,—ясно одно что христіане—corpus Christianorum—составляли очень значительную, внутренне сплоченную массу, которая конечно была сильнѣе всѣхъ, отдѣльно взятыхъ, другихъ группъ или сословій разношерстной Имперіи съ ея разъединеннымъ населеніемъ.

Въ этомъ и состоитъ его великая идея, показывающая въ Константинѣ одного изъ тѣхъ немногихъ историческихъ геніевъ, которые умѣютъ открыть человѣчеству новую линію движенія и строенія.

Церковь для государства ничѣмъ своимъ не хотѣла поступиться. Но въ ней не было государственнаго элемента, она не могла брать на себя государственныхъ функцій, ибо по существу имѣла иныя цѣли и не имѣла той принудительной власти, безъ которой немыслимо государство. Но въ тоже время ясно, что христіане не могли обойтись безъ какого нибудь государства. Тертулліанъ говорилъ, что Имперія бы опустѣла безъ христіанъ. Но въ то же время и христіане, если бы они вышли изъ предѣловъ Имперіи, принуждены были бы искать какого нибудь другого государства.

Да церковь и не отрицала государственной власти въ принципѣ; напротивъ, она объявляла власть Божественнымъ установленіемъ. Только она сама по себѣ не могла брать на себя этой власти, не переставая быть церковію.

Сверхъ того, церковь признавала власть не какъ самодовлѣющее начало, а какъ Божественное установленіе, т. е., логически, требовала со стороны государства подчиненія высшему началу, другими словами—требовала отъ власти земной дѣйствія по указанію власти Небесной.

Но съ государственной точки зрѣнія, это требованіе не представляло ничего вреднаго. Напротивъ, государство не можетъ существовать безъ какого-либо идеократическаго элемента, безъ нравственнаго смысла. Имперія Римская уже утратила свой идеократическій элементъ, и разлагалась именно отъ того, что не могла его почерпнуть въ разлагающемся античномъ мірѣ. Если бы можно было почерпнуть его въ новомъ мірѣ христіанства—это было бы спасеніемъ Имперіи, возрожденіемъ государственности.

Такимъ образомъ, при болѣе глубокомъ анализѣ взаимныхъ нуждъ, казалось, Церковь и Имперія могли протянуть взаимно руку... Константинъ и рѣшился это сдѣлать.

Этотъ моментъ соединенія столь противуположныхъ по су-

ществу началъ, какъ церковь и государство, поставилъ имъ обоимъ рядъ сложнѣйшихъ задачъ, которыя, вѣроятно, въ то время даже не сознавались во всей своей сложности. Полторы тысячи лѣтъ съ тѣхъ поръ христіанскій міръ рѣшалъ ихъ теоретически и практически, доселѣ не достигнувъ рѣшенія, которое бы получило всеобщее признаніе. Однако, какъ бы ни рѣшался этотъ вопросъ о христіанскомъ государствѣ—повсюду, при всѣхъ постановкахъ, онъ имѣлъ глубочайшее значеніе для судебъ церкви и государства. Съ религіозной точки зрѣнія въ исторіи церкви не было болѣе рѣшающаго момента, какъ минута, когда Константинъ, послѣ глубокихъ размышленій и таинственныхъ видѣній, поднялъ свой «Лабарумъ» съ надписью «Симъ побѣждай». Въ государственности, точно также, въ эту минуту зародился новый принципъ верховной власти, котораго окончательная роль даже и до настоящаго времени составляетъ предметъ споровъ мятущагося міра.

XIV.

Соединеніе христіанской и Римской идеи.

Держась въ сторонѣ отъ Римскаго языческаго государства, христіанство нимало не отрицало государственности и вообще принципа власти. Константинъ зналъ, что священныя книги Ветхозавѣтнаго Израиля признаются у христіанъ Богодухновенными. Такъ было въ Евангельскія времена, а когда наступило время канона, эти книги вошли въ него наравнѣ съ Новозавѣтнымъ Писаніемъ. Царская власть указана въ будущемъ еще Моисеемъ, и цари помазывались посланниками Господа.

Въ ученіи Новаго Завѣта сохранилось тоже отношеніе къ власти вообще и въ частности къ Государственной. Основной взглядъ христіанства связывалъ идею власти политической и общественной съ идеей Божескаго устроенія и направленія дѣлъ человѣческихъ.

«Воздавайте Кесарево Кесарю, а Божіе Богу», сказалъ Спаситель. Даже и Пилату Онъ сказалъ: «Не имѣлъ бы ты никакой власти, если бы не было тебѣ дано Богомъ». Апостолъ, наставляя повиноваться власти, прибавляетъ, что это дѣлается «для Бога». Элементъ власти настолько признается апостольскимъ ученіемъ, что даже рабы христіанъ все-таки должны повиноваться господамъ, своимъ единовѣрцамъ. Нѣтъ власти не отъ Бога. Противящійся власти противится Божіему установленію.

Границы повиновенію власти устанавливаются только необходимостью повиноваться Богу.

Какъ извѣстно, это повиновеніе властямъ всегда мотивируется тѣмъ, что власть воздвигается Богомъ для блага самихъ же людей. Это относится равно къ господамъ, которые должны благодѣтельствовать слугамъ, и къ политической власти, которая должна охранять добрыхъ и наказывать злыхъ. Едва ли требуется подтверждать это цитатами, которыми полно Новозавѣтное Писаніе, и которыя устанавливаютъ твердо тотъ принципъ, что власть несетъ на себѣ служеніе Богу, и сама отъ себя ничего не имѣетъ. Власть такимъ образомъ разсматривается какъ обязанность передъ Богомъ, и—по Его велѣнію передъ людьми.

Въ этомъ ея ограниченіе, и христіанство имѣло даже способы различать власть законную и незаконную въ видѣ принципа, заставляющаго воздавать Божіе Богу. Душа человѣка, съ ея нравственнымъ міромъ—принадлежитъ Богу. Но засимъ, повиновеніе законной власти, той, которая служитъ Богу, вообще не имѣетъ границъ.

«Начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро» (Римл. XIII, 1—4).

Не отрицая принципіально власти, даже если она принадлежитъ язычнику, христіанство, при всей несправедливости и жестокости Императоровъ, и при всемъ своемъ отчужденіи отъ государства, имѣло какъ бы предчувствіе религіозной миссіи Имперіи еще въ то время, когда было гонимо. Извѣстный апологетъ, св. Милитонъ, при Антонинѣ, обращалъ вниманіе

обезпеченій. Онъ прекратилъ обращеніе свободныхъ людей въ рабство, и далъ свободу ранѣе обращеннымъ въ рабство. Онъ ввелъ суровыя кары за похищеніе женщинъ — очень распространенное въ древнемъ мірѣ. Онъ, вопреки политикѣ прежнихъ императоровъ, уничтожилъ всѣ кары противъ безбрачныхъ. Онъ установилъ, что при передачѣ рабовъ въ другія руки не дозволено разлучать членовъ одной семьи. Несмотря на требованія фиска, Константинъ уничтожилъ заключеніе недоимщиковъ въ тюрьму и всякія уголовныя противъ нихъ преслѣдованія. Такими законами полно его царствованіе съ начала до конца.

Но особенно характеристичны всѣ законы, и ихъ мотивировка, въ отношеніи того, гдѣ выражалась самая сущность верховной власти. Такъ онъ вообще считалъ дѣло правосудія, особенно лежащимъ на немъ, какъ на представителѣ власти Божіей. Кромѣ разныхъ мѣръ къ улучшенію механизма суда, Константинъ заявилъ принципъ: «Мы думаемъ, что должно болѣе принимать во вниманіе справедливость, нежели положительный законъ». Примѣненіе этого возвышеннаго воззрѣнія было, однако, предоставлено имъ только власти верховной. Судьи же должны были сообразоваться съ положительнымъ закономъ. При этомъ Константинъ далъ судьямъ право обращаться къ нему лично для разъясненія сомнительныхъ случаевъ, но осужденный по такой консультаціи судей съ Императоромъ— всетаки сохранялъ обычное право апелляціи.

Точно такъ же Константинъ, считая себя отвѣтственнымъ за всѣхъ своихъ чиновниковъ, неоднократно публиковалъ свои приглашенія къ подданнымъ приносить ему безбоязненно жалобы на какіе бы то ни было поступки должностныхъ лицъ, даже самыхъ высокихъ. Вообще въ Константинѣ имперія увидѣла верховную власть, на каждомъ шагу смотрящую на себя, какъ на отвѣтственное орудіе Бога, исполняющее не свою волю, а Божественную справедливость, какъ власть, посланная Богомъ для служенія на добро подданнымъ *).

*) См. Lebeau. Histoire du Bas-Empire, томъ I, стр. 114, 126, 134, 135, 205, 231, 378 и другія.

Каковъ же внутренній смыслъ той концепціи верховной власти, которую привелъ въ міръ Константинъ?

Онъ сталъ служителемъ Божіимъ: не людей, не республики, не «большинства», но Бога. Отъ Бога онъ получилъ и обязанности и, стало-быть, полномочія. Такимъ образомъ Константинъ явился представителемъ не какой-либо, хотя бы и христіанской, народной воли, а выразителемъ народнаго нравственно-религіознаго идеала. Понятно, что рѣчь идетъ объ идеалѣ христіанъ, сплоченныхъ въ Церковь, и на которыхъ воздвигалъ Константинъ свой принципъ. Эта идея верховной власти рѣзко отдѣляетъ новый монархическій принципъ, какъ отъ прежняго римскаго абсолютизма, связаннаго съ понятіемъ о республикѣ (Сенатъ и народъ), такъ и отъ восточнаго самовластія, которое проникало въ имперію съ Діоклетіаномъ.

Вновь народившійся византійскій самодержецъ (Автократоръ) выступилъ властью верховною, въ отношеніи подданныхъ, но не безусловною, не абсолютною, ибо имѣетъ опредѣленное, обусловливающее эту власть содержаніе, а именно: волю и законъ Бога, Которому онъ служитъ. Около этой верховной власти стояла постоянная живая Церковь, носительница Божественной нравственной воли и самъ самодержецъ былъ лишь членомъ, но не господиномъ Церкви.

Отсюда содержаніе религіозно-нравственнаго идеала, этой мѣрки законности власти, постоянно одинаково предстояло передъ Автократоромъ и подданными, препятствуя всякимъ въ этомъ отношеніи недоразумѣніямъ.

Въ смыслѣ идеала—новая монархія обѣщала міру наиболѣе совершенный государственный строй. Однако—въ дѣйствительности людямъ пришлось снова убѣдиться, какъ мало они способны осуществлять идеалы.

Какъ увидимъ далѣе, идея императорской власти, явившаяся съ Константиномъ, была парализована въ Византіи упорнымъ вліяніемъ старой римской идеи. Константинъ ввелъ новый принципъ, но и старый не исчезъ, и византійскій двуглавый орелъ прикрылъ своими крылами Автократора, который былъ одновременно и христіанскимъ государемъ, но-

сителемъ власти верховной, и римскимъ кесаремъ, носителемъ власти управительной, данной ему властью республики. Эта двойственность, характеризующая Византію, повліяла очень вредно на ея государственное строеніе. Но объ этомъ ниже. Предварительно необходимо разсмотрѣть положеніе императора, какъ носителя христіанской верховной власти.

XV.

Церковь и Государство.

Какъ Римскій Кесарь, Константинъ правилъ, подобно предшественникамъ, въ сущности самовластно. Республика, сенатъ, и народъ, жившіе въ идеѣ, фактически находились уже давно въ неспособности контролировать своего делегата. Но съ новой идеей, принятой Константиномъ, для него явилась въ странѣ нѣкоторая сила, которой онъ уже долженъ былъ подчиняться.

Самовластье совершенно исчезало, когда дѣло касалось церкви. Имперія, отвыкшая отъ народныхъ собраній, снова увидѣла огромные соборы, которыхъ постановленія становились закономъ для Императора.

Но это явилось въ совершенно новыхъ формахъ. Императоръ не спрашивалъ у церкви, что онъ долженъ дѣлать, а спрашивалъ — что есть истина, во что онъ долженъ вѣрить? Къ голосу церкви по вопросу объ истинной вѣрѣ Константинъ прислушивался, какъ никогда ни одинъ консулъ или трибунъ не прислушивались къ рѣчамъ сената или комицій. Но здѣсь, на церковныхъ соборахъ, уже не было и вопроса о большинствѣ или меньшинствѣ, или о собственной волѣ собранія. Никто не спрашивалъ, чего хотятъ епископы или міряне, а доискивались только—въ чемъ состоитъ истина. Здѣсь не было вопроса о волѣ человѣческой, а разсуждали лишь о томъ, въ чемъ воля Божія? Въ этомъ не предполагалось и не допускалось никакихъ личныхъ идейныхъ симпатій.

Требовалось лишь знать, въ чемъ состоитъ всегдашняя, каѳолическая вѣра?

Узнавъ же эту вѣчную истину—ей оставалось лишь покориться.

«Вѣру Христову, по свидѣтельству Евсенія, онъ (Константинъ) считалъ единственно истинной религіей, возстановленіемъ той первобытной религіи, которая дарована нашимъ прародителямъ еще въ Раю, при мірозданіи, и которую родъ человѣческій потерялъ потомъ, вслѣдствіе грѣхопаденія». Ставъ «служителемъ Бога», служителемъ вѣчной истины, верховная власть нуждалась, чтобы основное содержаніе истины, дающее идеократическій элементъ власти, было ясно, безспорно и одинаково для всѣхъ: власти и подданныхъ. Безъ этого невозможна была бы верховная власть новаго типа.

И потому-то Константинъ ничего на свѣтѣ не боялся такъ сильно, какъ ересей. Ко всевозможнымъ языческимъ заблужденіямъ онъ относился хладнокровно и потому терпимо. Но христіанскія ереси рѣшительно доводили его до потери самообладанія.

«Я до тѣхъ поръ не могу стать вполнѣ спокойнымъ, говорилъ онъ по случаю Донатовой ереси, пока всѣ мои подданные, соединенные въ братскомъ единеніи, не будутъ воздавать Всесвятѣйшему Богу истинно умнаго поклоненія, предписываемаго каѳолической церковью» *).

Характеристична рѣчь Императора отцамъ Никейскаго собора. Упомянувъ о тяжкихъ внутреннихъ междуусобицахъ, имъ благополучно усмиренныхъ, Константинъ сказалъ:

«Послѣ того, какъ, при помощи Бога Спасителя, мы разрушили тиранію безбожниковъ, выступавшихъ открытою войной,—пусть духъ лукавый не осмѣливается нападать хитростью и коварствомъ на нашу святую вѣру. Я вамъ говорю изъ глубины сердца: внутреннія разногласія Божіей церкви въ моихъ глазахъ страшнѣе всѣхъ сраженій... Извѣстіе о Вашихъ разногласіяхъ повергло меня въ горькую скорбь... Служители Бога мира, возродите среди васъ тотъ духъ любви, который вы

*) Кургановъ, стр. 39—41.

должны внушать другимъ, заглушите всякія сѣмена раздоровъ» *).

И затѣмъ, когда рѣшеніе собора было произнесено, никто громче Константина не настаивалъ на божественной непогрѣшимости его.

«Рѣшеніе, произнесенное тремя стами епископовъ, пишетъ онъ еретикамъ, должно быть почитаемо, какъ исшедшее изъ устъ самого Бога. Это Духъ Святой ихъ просвѣщалъ и говорилъ черезъ нихъ... Итакъ поспѣшите возвратиться на путь истины»...

Эту точку зрѣнія создавала вовсе не одна потребность личной совѣсти, но главнѣе всего — потребность верховной власти. Чтобы быть «Служителемъ Божіимъ», Императоръ долженъ знать общую руководящую линію Божіей воли, которую обязанъ исполнять въ своемъ правленіи, и столь же ясной эта руководящая линія должна представляться его подданнымъ. Излишне объяснять, что отвлеченные, повидимому, вопросы вѣроученія (догматъ) всегда имѣютъ нравственные выводы, а нравственныя воззрѣнія опредѣляютъ поступки, а стало быть и всю правительственную дѣятельность. При безспорности и однородности въ народѣ нравственно-религіозныхъ посылокъ — Императоръ, ихъ раздѣляющій, становится властью верховною. Церковь уже не указъ ему въ мѣрахъ осуществленія, въ мѣрахъ приложенія религіозной истины къ правительственной практикѣ. Тутъ ему судья только Богъ, его единственный Господинъ. Царя при этомъ даже невозможно обязать слушаться людей, чтобы онъ не рисковалъ выйти изъ повиновенія Богу. Но въ общихъ руководящихъ опредѣленіяхъ истины—Императоръ непремѣнно долженъ былъ, для приданія своей власти характера безспорности, имѣть постоянное присутствіе независимой церкви, церкви, выражающей не волю Императора или вообще людей, а волю Божію.

Монархія — съ характеромъ верховной власти, поэтому, въ

*) Лебо, Histoire du Bas Empire, т. 1, стр. 255—256.

христіанскомъ мірѣ только и возможна при существованіи церкви, стоящей рядомъ, но независимой.

Отсюда величайшей задачей новой христіанской монархіи явилось безошибочное установленіе отношеній между государствомъ и церковью, или точнѣе говоря—между верховной властью государства и церковью. Весь вопросъ тутъ состоялъ въ установкѣ отношеній Императора къ церковной власти. Все приложеніе государственной власти, весь ея строй и устроеніе государства—уже не связаны прямо съ идеей церковною. Тутъ для государственной власти приходится сообразоваться съ силами соціальными, политическими, экономическими и т. д. Но въ установкѣ руководящей идеи правленія, необходимо постоянное, полное согласіе власти Императора и вѣры подданныхъ, т. е. церкви, въ которой подданные живутъ своей вѣрой.

Константинъ поставилъ новому государству нелегкую задачу установить безошибочное отношеніе его руководящей власти (т. е. царской) къ церковной власти.

Задача эта рѣшалась въ христіанскомъ мірѣ за послѣдующіе 1500 лѣтъ съ весьма различной степенью ясности государственнаго и церковнаго сознанія, откуда явились и церкви, и монархіи различныхъ типовъ.

Вообще характеръ церкви, т. е. вѣра народа, налагала тотъ или иной характеръ на монархію христіанскаго міра. Но, должно вспомнить, не одна вѣра имѣетъ значеніе въ строеніи государства. Она опредѣляла лишь характеръ верховной власти. Строеніе же государства опредѣлялось у выдвинувшейся верховной власти степенью ея политическаго сознанія, способностью различенія и комбинаціи политическихъ силъ. Точно также и соціальныя условія, создающія тѣ или иныя политическія силы, вліяли на государственное строеніе христіанскаго періода уже тѣмъ однимъ, что благодаря имъ для власти уясняется или затемняется пониманіе различныхъ политическихъ принциповъ, необходимыхъ при строеніи государства и его дѣятельности.

XVI.

Смѣшеніе націи и церкви.

Возникновеніе новаго принципа верховной власти произошло однако въ обстановкѣ, которая способствовала порожденію очень важной ошибки—смѣшенію понятій «націи» и «церкви». Отсюда рядъ другихъ ошибокъ, отозвавшихся на политическомъ творчествѣ христіанскаго міра.

Константинъ оперся въ преобразованіи имперіи на ту массу народа, которая называлась «народомъ христіанскимъ» или «сословіемъ» христіанъ» (Corpus Christianorum). Но хотя вѣра христіанская давала возможность великаго и плодотворнаго принципа верховной власти,—тѣмъ не менѣе христіане все-таки не были въ соціальномъ и политическомъ смыслѣ «народомъ», націей, а были церковью. Это былъ союзъ не соціальный, а религіозный. Думая о томъ, какъ приспособить къ этому слою населенія новое государство, Константинъ и другіе преобразователи Рима, думали невольно собственно о церковныхъ запросахъ, и приспособляли свое государственное дѣло къ нуждамъ и законамъ не общественнымъ, а церковнымъ. Желая сообразоваться съ духомъ христіанства, они однако получали отъ него только идею верховной власти, правда въ высшей степени цѣнную, но никакой политической доктрины не могли получить, ибо ея не было въ христіанствѣ, какъ церкви.

Вслѣдствіе этого Константинъ и особенно продолжатели его реформы, беря отъ христіанства идею верховной власти, оставались при Римской императорской доктринѣ государственности. При этомъ получалась не только двойственность въ понятіяхъ о верховной власти, но переносилась на церковь идея націи, республики.

Въ дѣйствительности, если даже одна и та же масса людей составляетъ и церковь и государство, то составляетъ ихъ различными сторонами своего бытія, и церковь въ нихъ соста-

вляетъ нѣчто особое отъ нации. Одно другому не противорѣчитъ, и воспитаніе въ церкви даетъ даже прекрасныя качества для гражданина. Но тѣмъ не менѣе христіанинъ женится, организуетъ семью, общину, заводитъ лавочку или мастерскую, устраиваетъ судъ или полицію и т. д., вовсе не потому, что онъ членъ церкви, не по тѣмъ побужденіямъ, которыя его приводятъ въ церковное собраніе. Онъ лишь привноситъ христіанское воззрѣніе на конечныя цѣли жизни, и чувства христіанской чистоты, любви, справедливости и т. д. къ своимъ соціальнымъ заботамъ, но основныя причины этихъ послѣднихъ исходятъ изъ источниковъ не религіозныхъ, не духовныхъ, а житейскихъ. Поэтому политической доктрины собственно церковь не можетъ имѣть. Политическая доктрина—рождается изъ условій соціальныхъ.

Въ Римѣ же временъ Константина христіане не составляли даже и народа христіанскаго: среди нихъ были люди всѣхъ племенъ, всѣхъ состояній, которые въ соціально-политическомъ смыслѣ были вкраплены въ сословія старой имперіи. Они совершенно не были націей. Поэтому они не могли выработать себѣ политической доктрины, даже какъ христіанская нація въ родѣ, напримѣръ, Россіи. Они были только церковью, которая можетъ дать нравственно религіозное понятіе верховной власти, но ея доктрины не имѣетъ. Это есть послѣдствіе даже самаго духа христіанства, какъ царства Спасителя—«не отъ міра сего». Верховная власть христіанская, безусловно подчиненная Богу въ цѣляхъ и духѣ правленія, сохраняетъ полную свободу въ способахъ осуществленія этихъ цѣлей, сообразно политическимъ и соціальнымъ условіямъ, среди которыхъ получила миссію дѣйствовать. Эти способы дѣйствія опредѣляются условіями «міра сего». Власть можетъ ихъ комбинировать весьма различно, совершенно свободно, подъ единственнымъ условіемъ, чтобъ эти комбинаціи были сообразны съ волей Божіей, то-есть были проникнуты нравственно религіозными началами, достойными христіанина.

Церковь именно, въ отношеніи государства, есть хранительница этого нравственно-религіознаго указанія и провѣрки на-

шей общественной жизни. Въ этомъ ея власть выше государственной. Но въ практическомъ осуществленіи государственнаго строенія въ христіанскомъ же духѣ—нація и верховная власть имѣютъ передъ собой всю полноту и разнообразіе средствъ, порождаемыхъ природой человѣка и общества.

Итакъ, Corpus Christianorum, не будучи націей, не давалъ Константину политической доктрины. Онъ не заключалъ въ себѣ никакой мысли кромѣ чисто церковной. А между тѣмъ въ античномъ мірѣ существовала уже Римская государственная доктрина, созданная великой работой вѣковой политической жизни и мыслью крупнѣйшихъ юристовъ.

Понятно огромное вліяніе ея на слагающееся христіанское государство.

Но по этой доктринѣ императорская власть разсматривалась какъ делегированная отъ сената и народа. Эта доктрина давала императору всю власть, но только въ пользованіе, а источникъ ея—верховная власть—принадлежалъ республикѣ, то-есть націи. Поэтому Римское понятіе объ императорской власти, какъ делегаціи народной воли, естественно могло превращаться въ христіанскомъ мірѣ въ понятіе объ императорской власти какъ делегаціи церкви, церковной власти. Это глубочайшая ошибка, искажающая даже понятіе о церкви, именно проложила себѣ дорогу въ міръ.

Въ дѣйствительности церковь не можетъ делегировать государственной власти, потому что сама ея не заключаетъ, не имѣетъ. Это между прочимъ прекрасно разъяснено у проф. Н. Заозерскаго *). Онъ совершенно вѣрно говоритъ, что государство и церковь суть учрежденія только сосуществующія, но не сливающіяся по самому различію характера власти каждаго изъ нихъ. Все дѣло въ томъ, что церковная власть лишена принудительнаго элемента, безъ котораго немыслима власть государственная. Поэтому на церкви нельзя строить государства, и самыя мечты объ этомъ—не христіанскія, а принадлежатъ къ области еврейско-талмудическаго мессіанства, столь сильнаго въ первыя времена христіанства.

*) Н. Заозерскій. О церковной власти. Сергіевъ Посадъ. 1894.

Точно также и церкви нельзя строить на государствѣ. Но когда, по какимъ бы то ни было причинамъ, появляется смѣшеніе понятій «церкви» и «націи», то неизбѣжно затуманивается пониманіе существеннаго различія той «власти», которая присуща государству. При такихъ условіяхъ возможно и даже неизбѣжно ошибочное опредѣленіе отношеній церкви и государства.

Теоретически можно было бы предвидѣть все, что обнаружилось и въ исторической практикѣ, то-есть, что въ ошибочныхъ постановкахъ государственно-церковныхъ взаимоотношеній можетъ быть двѣ противоположныя концепціи.

Во-первыхъ, церковная власть можетъ получить идею Папо-Цезаризма. Если государственная власть составляетъ делегацію церкви, то понятно, что церковная власть можетъ и дать, и не дать монарху государственную власть, можетъ давши—снова отнять, и вообще монархъ уже тутъ является только управительной властью, а верховная находится въ рукахъ церковной власти. Такова была идея Римскаго-Католическаго христіанскаго міра.

Во-вторыхъ, наоборотъ, императоръ могъ получить стремленія Цезаро-Папистскія. Если церковь уступила ему свою власть, какъ сенатъ и народъ уступали ее Римскому Цезарю, и если между властью церкви и государства нѣтъ существенной разницы, то императоръ могъ считать себя верховнымъ повелителемъ церкви, которая, по абсолютистскому выраженію, ему—Suum imperium et potestatem concessit.

Въ такомъ воззрѣніи западное христіанство обвиняло Византію. На самомъ дѣлѣ это воззрѣніе характеризуетъ протестантскую государственность и церковность. Въ Византіи отношеніе церкви и государства, точнѣе говоря—отношенія государственной и церковной власти, было гораздо правильнѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было. Но тѣмъ не менѣе коренная ошибка, то есть неясное пониманіе различія «націи» и «церкви»—имѣла и для Византіи свои печальныя послѣдствія.

Вообще въ исторіи христіанской государственности на Западѣ особенно вредное значеніе имѣло то, что тамъ не умѣли

правильно установить отношеній власти государственной и церковной. Тамъ сначала возобладала идея Папо-Цезаризма, подрывавшая значеніе императора въ смыслѣ власти верховной. Затѣмъ наступила реакція, которая подчинила церковь государству. Однако, при ошибкахъ съ этой стороны, въ западной Европѣ молодая жизненная сила самихъ народовъ создавала могучій соціальный строй, который даже безъ сознательныхъ стараній далъ и монархіи много жизненной силы. Въ Византіи наоборотъ—не получивъ въ наслѣдство отъ дряхлой Римской имперіи ничего соціально-крѣпкаго, христіанская государственность могла бы восполнить этотъ недостатокъ лишь сознательнымъ творчествомъ, сознательнымъ стремленіемъ воссоздать недостававшій монархіи соціальный строй. Но ошибочное пониманіе «націи» и «церкви», вмѣстѣ съ вліяніемъ Римской Цезаристской доктрины, не дали возможности озаботиться тѣмъ, чтобъ дополнить государственное строеніе необходимыми соціальными опорами.

Такимъ образомъ христіанская монархія, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ, хотя и по различнымъ причинамъ, одинаково не успѣла выработать идеально-правильнаго типа своего, то-есть типа, снабженнаго всѣми свойственными его идеѣ основами. Впослѣдствіи, этотъ полный монархическій типъ государственности появился въ наиболѣе удачномъ построеніи въ Московской Руси, которая заимствовала отъ Византіи постановку государственно-церковныхъ отношеній, а въ то же время, подобно западной Европѣ, имѣла оживленный соціальный строй, котораго не могла (несмотря на недостатокъ сознательности) не принять во вниманіе московская государственность.

Возвратимся однако къ Византіи.

XVII.

Отношеніе автократора къ церкви.

Для Византійскаго государства отношенія къ церкви имѣли первостепенное значеніе. Быть можетъ, ни въ одномъ христіанскомъ государствѣ не придавали имъ такой важности, нигдѣ столько работы государственной мысли не ушло на установку этихъ отношеній, и не безъ причины, такъ какъ дѣйсгвительно силы Византіи, какъ государства, получили огромный приростъ вслѣдствіе такой внимательной установки государственно-церковныхъ отношеній. Они, конечно, критиковались и критикуются то съ государственной, то съ церковной точки зрѣнія. Однако Византія можетъ похвалиться тѣмъ, что все таки нигдѣ вопросъ о союзѣ Церкви и Государства не былъ рѣшенъ болѣе удачно.

Надъ этими отношеніями тяготѣло въ Византіи одно обстоятельство, очень тонко отмѣчаемое проф. Заозерскимъ *).

«По его (Юстиніана) воззрѣніямъ, говоритъ онъ, даже не Церковь и Государство должны быть различаемы, какъ два соціально-нравственные порядка, живущіе каждый въ своей сферѣ, и взаимнымъ соприкосновеніемъ другъ на друга воздѣйствующіе, но только священство и императорская власть, какъ два божественныя установленія, назначенныя совокупнымъ и согласнымъ дѣйствіемъ благоустроить человѣческую жизнь въ одномъ государствѣ».

Это замѣчаніе тонкое, хотя все же нельзя буквально такъ понимать мысль Византійцевъ. Все же имъ было не безызвѣстно, что государствъ православныхъ можетъ быть нѣсколько а церковь одна. Значитъ есть нѣчто «церковное» не совпадающее съ «государственнымъ». Но за этой оговоркой нельзя не признать, что аналитическая мысль Византіи, на нѣсколько соть лѣтъ ушедшая въ догматику религіозную, осталась очень

*) Н. Заозерскій. Тамъ же стр. 256.

слаба въ отношеніи соціологическомъ. Различеніе церкви отъ націи было крайне слабо, почему передъ умственнымъ взоромъ не возникало достодолжно различеніе церкви и государства.

Но если, вслѣдствіе этого, отношенія церкви и государства въ Византіи остались неразработываемы, то отношеніе власти церковной и государственной сложились въ стройную систему. Вотъ какъ характеризуетъ ее проф. Кургановъ, въ своемъ замѣчательномъ трудѣ, такъ глубоко проникнутомъ Византійскимъ духомъ, какъ будто авторъ явился прямо изъ Константинополя временъ Юстиніана *).

По Юстиніанову законодательству (527—565 гг.), которое выражаетъ духъ предшествовшей эпохи и наложило свою печать на все послѣдующее время, въ государствѣ признавалось существованіе двухъ равноправныхъ властей. Въ предисловіи къ 6-й Новеллѣ, законодатель говоритъ:

«Всевышняя благость сообщила человѣчеству два величайшихъ дара: священство и царство (императорскую власть). Первое заботится объ угожденіи Богу, второе о прочихъ предметахъ человѣческихъ. Оба же, происходя отъ одного и того же источника, составляютъ украшеніе человѣческой жизни». Это была точка зрѣнія общая. Святой Ѳеодоръ Студитъ говоритъ (806 г.):

«Богъ даровалъ христіанамъ два высшихъ дара, священство и царство, посредствомъ которыхъ земныя дѣла управляются подобно небеснымъ».

Императоръ Іоаннъ Комненъ (1124—1130) пишетъ папѣ Гонорію II:

«Во всемъ моемъ управленіи я признавалъ двѣ вещи, какъ существенно отличныя другъ отъ друга: первая есть духовная власть, которую верховный первосвященникъ міра, царь мира Христосъ, даровалъ своимъ ученикамъ и апостоламъ, какъ ненарушимое благо, посредствомъ котораго они, по божествен-

*) Ѳ. Кургановъ. Отношенія между церковной и гражданской властью въ Византійской Имперіи. Казань. 1880 г.

ному праву, обладаютъ властью вязать и разрѣшать всѣхъ людей. Вторая же есть свѣтская власть, завѣдующая дѣлами временными и обладающая по божественному установленію одинаковымъ правомъ въ своей сферѣ. Обѣ эти власти, господствующія жизнью человѣка, отдѣльны и отличны другъ отъ друга» *).

Отношеніе двухъ властей напоминаетъ отношенія души и тѣла. По изображенію Епанагоги, государство совершенно подобно устройству человѣческаго организма. Какъ человѣкъ состоитъ изъ двухъ частей, тѣла и души, такъ и для государственнаго организма необходимы двѣ власти—духовная и свѣтская, то есть и императоръ и патріархъ. Какъ жизнь человѣческая можетъ быть правильной только тогда, когда душа и тѣло находятся въ гармоніи, такъ точно и въ государственномъ организмѣ благосостояніе подданныхъ возможно только тогда, когда священство и императорство находятся въ согласіи между собой. Этотъ принципъ высказывается Юстиніаномъ, Никифоромъ Вотаніатомъ, Мануиломъ Комненомъ и т. д.

Какъ же достигалось это искомое согласіе? Въ принципѣ оно достигалось единодушіемъ закона и канона, постановленій государственныхъ и церковныхъ. Халкидонскій соборъ постановилъ, что всѣ законы, противорѣчащіе канону, не имѣютъ силы. Юстиніанъ постановилъ также: «церковные законы имѣютъ такую же силу въ государствѣ, какъ и государственные: что дозволено или запрещено первыми, то дозволяется или запрещается и послѣдними. Посему преступленія противъ первыхъ не могутъ быть терпимы въ государствѣ по законамъ государственнымъ». Въ 131 Новеллѣ Юстиніанъ принимаетъ такимъ канономъ—правила Вселенскихъ соборовъ, и все ими утвержденное, то есть правила св. Апостолъ, помѣстныхъ соборовъ и отцовъ.

Въ такомъ значеніи церковнаго канона не должно усматривать подчиненія государственной власти. Дѣло въ томъ, что всѣ постановленія Вселенскихъ соборовъ утверждались импе-

*) Кургановъ. Тамъ же, 73.

раторами, такъ что государственная власть была вполнѣ обезпечена отъ какихъ либо каноновъ, ею непріемлемыхъ. Но точка зрѣнія согласія закона и канона выражалась какъ постоянный принципъ. Въ Епанагогѣ сказано что противорѣчащее правиламъ Церкви не должно быть допускаемо. Левъ Философъ постановилъ, что онъ отмѣняетъ всѣ законы, противорѣчащіе канонамъ. Фотій въ Номоканонѣ заявляетъ, что всѣ законы, противорѣчащіе канонамъ, недѣйствительны. Это есть основная точка зрѣнія Византійскаго законодательства. Логическимъ послѣдствіемъ явилось сближенія закона и канона, право Императора наблюдать за тѣмъ, чтобы каноническія правила соблюдались также и самимъ церковнымъ управленіемъ, и слѣдовательно право отмѣнять распоряженія церковной власти, если Императоръ находилъ ихъ несогласными съ законами и канонами.

XVIII.

Византійская идея двухъ неразрывныхъ властей.

Византійскія отношенія Церкви и государства возбуждаютъ много порицаній. Имъ выказываетъ неодобреніе и пр. Заозерскій въ упомянутомъ трудѣ. Другой нашъ канонистъ, проф. Суворовъ, характеризуетъ ихъ, какъ будто бы «противоположныя» Римскимъ воззрѣніямъ, то есть повторяетъ ходячее обвиненіе Византіи въ цезаропапизмѣ. Онъ даже скорбитъ о разрывѣ Римскихъ папъ съ Православной Церковью, находя что это нарушило внутреннее равновѣсіе государственно-церковныхъ отношеній.

«Если бы, говоритъ онъ, разрыва Востока и Запада не произошло, то восточный Императоръ и Римскій папа служили бы другъ для друга взаимною сдержкою. Римскій Папа не довелъ бы своихъ притязаній до того предѣла, гдѣ власть человѣка сливается и смѣшивается съ властью Бога, и наоборотъ восточное Императорство не превратилось бы въ безграничную теократію»*.

*) Курсъ Церковнаго Права, томъ 1-й, стр. 91.

тельныхъ, безъ вниманія къ явленіямъ постояннымъ.

Совершенно вѣрно говоритъ проф. Кургановъ:

«Можно съ увѣренностью сказать, что изложенная теорія отношеній между государствомъ и церковью въ общемъ соблюдалась въ Византіи. Нарушеніе закона неизбѣжно во всякомъ человѣческомъ обществѣ. Но исторію составляютъ не нарушенія закона, какъ исключенія изъ общаго правила, а общая идея и духъ, проникающія общество и управляющія его дѣйствіями».

Несомнѣнно, что эти «исключенія», эти «злоупотребленія» закономъ были въ Византіи. Значеніе императора въ дѣлахъ церковныхъ и даже вѣроучительныхъ—нерѣдко раздувалось до полной ненормальности. Извѣстный Ѳеодоръ Вальсамонъ, толкователь каноновъ и законовъ, хартофилаксъ и патріахъ Антіохійскій,—вообще одинъ изъ величайшихъ Византійскихъ авторитетовъ, училъ въ XII вѣкѣ, что «Императоръ и Патріархъ обладаютъ званіемъ учителей ради силы святого помазанія, потому что отсюда происходитъ власть вѣрующихъ Государей учить христіанскій народъ и воскурять ѳиміамъ, подобно священникамъ».

Вальсамонъ находитъ, что «значеніе императоровъ въ государствѣ въ этомъ отношеніи даже превосходитъ значеніе духовенства, ибо власть и дѣятельность императоровъ простирается на тѣло и на душу, тогда какъ дѣятельность Патріарховъ касается только одной души»... Архіепископъ Болгарскій Хоматинъ (XIII вѣкъ) говоритъ, что «за исключеніемъ священнодѣйствій, Императоръ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ остальныя привилегіи епископовъ, на основаніи которыхъ его церковныя распоряженія получаютъ каноническую важность».

Вотъ до чего договаривались въ Византіи.

Именно эти идеи и почерпались впослѣдствіи изъ Византіи протестантами. Профес. Кургановъ дѣлаетъ любопытное сопоставленіе:

«Одинъ изъ протестантскихъ богослововъ канонистовъ, Ричардъ Роде, сказалъ, что Церковь становится излишнею по

мѣрѣ того какъ осуществляется христіанское государство... Чѣмъ болѣе государство теряетъ свой свѣтскій характеръ, такъ сказать оцерковляется, тѣмъ болѣе Церковь отходитъ на задній планъ и теряетъ свою власть. Нѣчто подобное, говоритъ пр. Кургановъ, мы находимъ и у Византійскихъ законовѣдовъ и въ практикѣ восточной Церкви, при стремленіи Византійскаго государства быть христіанскимъ. По свидѣтельству Вальсамона, при Императорѣ Мануилѣ 1 (1143—1180 гг.), нѣкоторые законовѣды выражали мысль, что сила и значеніе каноновъ уничтожились бы сами собою вслѣдствіе собранія государственныхъ законовъ. Но эта мысль была отвергнута, потому что съ принятіемъ ея государство отождествилось бы съ Церковью и вмѣсто двухъ богоучрежденныхъ властей явилась бы одна» *).

Итакъ, свой принципъ «двухъ властей» Византія всетаки вспоминала даже при наибольшемъ помраченіи церковно-юридической мысли.

Неоспоримо, что были примѣры посягательства и на него. Приведу по подлиннику примѣръ этого, цитируемый обыкновенно порицателями Византіи.

Какъ извѣстно, по канону (правило 15 Карѳагенскаго Собора), клирики, обращающіеся къ свѣтскому суду вмѣсто церковнаго, подлежатъ лишенію мѣста. И вотъ Вальсамонъ, въ своихъ толкованіяхъ, разсказываетъ такой случай. **)

«Когда Настоятель монастыря Всевидящаго, монахъ Мелетій, былъ привлеченъ къ соборному суду и отказался отъ него, и перенесъ дѣло въ свѣтскій судъ по царскому повелѣнію—то святѣйшій патріахъ Киръ Лука, оскорбившись этимъ, употреблялъ много стараній къ исправленію случившагося. Но услышалъ отъ гражданскихъ властей, что царская власть можетъ дѣлать все, и какъ могли первоначально назначить гражданскаго судью, чтобы судить епископа или другое посвященное

*) Кургановъ, стр. 87.

**) „Правила Помѣстныхъ Соборовъ съ толкованіями“ выпускъ II, стр. 417. Вальсамона. (По изданію Московскаго Общества Любителей Духовнаго просвѣщенія).

лицо, такъ и впослѣдствіи по законному усмотрѣнію церковный судъ можетъ быть замѣненъ свѣтскимъ». Вальсамонъ старается разными изворотами объяснить и такіе случаи, но ясно, что въ нихъ царская власть ставилась выше канона.

Но какъ бы ни были «цезаропапистичны» подобные факты—случайность не есть правило. Притомъ должно вспомнить, что по православному ученію—по самому духу его—Церковь заключается не въ одной іерархіи, а во всѣхъ вѣрующихъ. Не только Императоръ, а всякій мірянинъ, по самому состоянію членомъ Церкви, имѣетъ извѣстное право и учительства, и истолкованія вѣры, и охраненія истинной вѣры, и въ идеѣ до извѣстной степени представляетъ носителя Церковной власти. Тѣмъ болѣе эти права принадлежатъ православному Царю, «Божію избраннику», старшему сыну Церкви. Въ христіанствѣ нѣтъ формъ которыя были бы выше духа, а господство духа охраняется больше всего вѣрою. Что касается формъ и правилъ, то онѣ будучи обязательны для охраны, такъ сказать, средней линіи отношеній Церкви и государства, не могутъ предотвратить тѣхъ отклоненій отъ этой «законной» средней линіи, которыя—смотря по вѣрности или невѣрности ихъ духу, составляютъ—иногда великій подвигъ и заслугу,—иногда великій грѣхъ и узурпацію.

Въ исторіи Византійскихъ императоровъ бывали примѣры и того и другого.

Безъ сомнѣнія не было ереси, которая бы не имѣла себѣ горячихъ поборниковъ среди императоровъ, а иногда ереси и возникали только благодаря имъ. Но должно вспомнить, что вѣроученіе не было еще выяснено. Заблужденія не были опровергнуты. Что такое входитъ въ православное пониманіе догмата, и что ему противорѣчитъ—въ тѣ времена вовсе не было столь легко различимо. Ни одинъ императоръ не хотѣлъ расходиться съ церковнымъ ученіемъ, но что такое церковное ученіе и что не церковное? Это выяснялось только послѣ продолжительныхъ споровъ, соборовъ и т. д. Императоры, какъ и всѣ прочіе люди, имѣли при этомъ какія-либо свои мнѣнія, становились на ту или другую сторону. Впослѣдствіи оказы-

валось, что одни Императоры разсуждали по еретически, другіе по православному. Но вѣдь это оказывалось только впослѣдствіи.

Или можно было требовать, чтобъ Императоры совсѣмъ не мѣшались въ разсужденія о вѣрѣ, а терпѣливо ожидали по десяткамъ лѣтъ, какъ дѣло выяснится соборами? Но это требованіе не православное. Православіе не допускаетъ, чтобы мірянинъ былъ столь безразличенъ къ вѣрѣ, и вѣрилъ только по приказу собора. Да притомъ бывали соборы еретическіе, даже болѣе многочисленные, нежели православные. Императоръ, какъ всѣ православные, не могъ не разсуждать и не искать гдѣ истина. Сверхъ того, онъ—и какъ верховная власть своего народа, не могъ быть чуждъ его религіознымъ запросамъ. Императоръ, какъ власть верховная—возможенъ только, какъ выразитель вѣры и духа своего народа. Итакъ, вмѣшиваясь въ споры о вѣрѣ, императоры поступали совершенно правильно какъ съ религіозной, такъ и съ государственной точки зрѣнія. Они своей свѣтской властью давили на исходъ разсужденій... Но должно вспомнить, что уже при первомъ христіанскомъ государѣ—Константинѣ, сами епископы и соборы обращались къ императору съ просьбою укротить еретиковъ мѣрами власти свѣтской. Слѣдовательно, прибѣгая къ этому, Императоры дѣйствовали не самовольно, не деспотично, а сообразно требованію Церкви. Если же репрессивныя мѣры ошибались адресомъ и падали на православныхъ, то это происходило собственно въ такія минуты и годы, когда вопросъ о православіи или еретичности даннаго мнѣнія не былъ еще выясненъ, и императоръ, думая быть ревностнымъ православнымъ, былъ на дѣлѣ еретикомъ.

Итакъ, тутъ нельзя обвинять императорской власти въ узурпаціи. И вообще достаточно сказать, что вѣдь именно за эти столѣтія Византіи произошли всѣ Вселенскіе Соборы, въ это время былъ уясненъ и раскрытъ весь догматъ православія. Достаточно этого факта, чтобы видѣть, что императоры, своимъ вмѣшательствомъ въ богословскіе споры, не помѣшали раскрытію истины. Безъ сомнѣнія, многіе изъ нихъ могутъ справедливо

утверждать, что они этому очень способствовали и вѣрно служили Церкви и церковной власти.

XIX.

Жизненность Византійскаго церковнаго строя.

Одинъ изъ пристрастнѣйшихъ порицателей византійской идеи, Владиміръ Соловьевъ, въ сочиненіи, которое можетъ быть названо настоящимъ памфлетомъ противъ нея, самъ однако отмѣчаетъ знаменательный фактъ:

«Съ 842 года (то-есть съ момента окончательнаго уясненія содержанія православія) уже не было ни единаго императора еретика или ересіарха въ Константинополѣ». Это совершенно вѣрно и показываетъ, что ранѣе того императоры впадали въ ереси вовсе не по какому-то пристрастію къ ересямъ, а потому, что, какъ и прочіе люди, не могли еще всегда разобраться въ вопросѣ о томъ, что есть православіе. В. Соловьевъ даетъ этому свое объясненіе, направленное именно противъ византійскаго принципа. Онъ говоритъ, будто бы въ моментъ «торжества православія» Церковь и государство сошлись на «отрицаніи христіанства, какъ соціальной силы», что «императоры усвоили навсегда православіе, какъ отвлеченный догматъ, а православные іерархи благословили in secula seculorum язычество общественной жизни» *). Поэтому-то императоры и могли съ тѣхъ поръ жить дружно съ Церковью...

Это—тенденціозность, доходящая до полнаго забвенія всѣхъ фактовъ дѣйствительности. Автократоры представляются здѣсь В. Соловьеву какимъ-то исчадіемъ ада, преданнымъ во что бы то ни стало злу. Но вѣдь на дѣлѣ ничего подобнаго не было. Императоры Византіи были какъ всѣ прочіе люди. Бывали у нихъ дѣла страшныя и кровавыя, бывали дѣла высокой святости. Въ общемъ же они раздѣляли глубокую рели-

*) „La Russie et l'Eglise Universelle, Paris, 1889; см. *введеніе*.

гіозность той эпохи. Между ними бывали и такіе, которые, перемѣнивъ царскій дворецъ на монашескую келью, находили, что только съ этого времени узнали истинное счастье.

Отдѣльные эпизоды императорскихъ біографій подчасъ поражаютъ трогательной искренностью вѣры.

Позволю себѣ, для примѣра, вспомнить исторію императора Маврикія. Такіе факты говорятъ больше, чѣмъ разсужденія.

Императоръ Маврикій былъ вообще хорошій человѣкъ и прекрасный правитель. Его царствованіе одно изъ самыхъ свѣтлыхъ въ Византіи. Но вотъ съ императоромъ случился большой грѣхъ.

Часть его арміи, вообще доблестная, но заявившая себя въ Азіи крайними своеволіями и возмущеніями, была переведена въ Европу, и тутъ испытала неудачу: попала въ плѣнъ къ варварамъ. Кажется, это произошло не безъ вины Маврикія, можетъ быть, преднамѣренно не давшаго этому корпусу необходимыхъ подкрѣпленій. По многимъ видимостямъ, императоръ былъ скорѣе радъ избавиться такимъ образомъ отъ солдатъ избалованныхъ, много о себѣ возмнившихъ и деморализовавшихъ своими бунтами всѣ остальныя войска. По крайней мѣрѣ, когда варвары предложили имперіи выкупить плѣнныхъ, императоръ такъ торговался, давалъ за нихъ такъ мало выкупа, что, наконецъ, варвары разсердились и перерѣзали всѣхъ плѣнныхъ, нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Въ чемъ тутъ вина императора? Онъ, конечно, не ожидалъ такого исхода, онъ, конечно, думалъ, что варвары просто распродадутъ плѣнниковъ въ рабство, какъ это обычно бывало въ подобныхъ случаяхъ. Въ исторіи множество примѣровъ поступковъ власти, несравненно болѣе коварныхъ и грѣшныхъ, и виновники преблагополучно успокаивали свою совѣсть множествомъ «государственныхъ соображеній». Не то вышло у Маврикія. Кровь подданныхъ, хотя и небезупречныхъ, душила его. Жизнь стала тягостна ему, но и смерть страшила, потому что онъ ждалъ за гробомъ грозной кары Божіей за свое преступленіе...

И вотъ начинается эпизодъ, которому нѣтъ примѣровъ въ исторіи.

Маврикій пишетъ ко всѣмъ патріархамъ, епископамъ, святымъ пустынникамъ, и всѣхъ проситъ, чтобы они молились Богу о томъ, чтобъ Онъ покаралъ его, императора, въ здѣшней жизни, а не въ будущей. Наступаетъ зрѣлище невиданное и неслыханное. Вся Церковь торжественно молится о наказаніи благочестивѣйшаго императора достаточно сильно для искупленія его грѣха. И вотъ, наконецъ, отдаленные восточные пустынники извѣщаютъ императора, что молитва Церкви услышана.

Одинъ отшельникъ имѣлъ видѣніе объ этомъ. «Господь,— звѣщали монахи, — принимаетъ твою покаянную эпитимью. Онъ допускаетъ тебя и твою семью къ вѣчному блаженству, но въ этомъ мірѣ ты потеряешь царство со скорбью и позоромъ».

Императоръ, получивъ увѣдомленіе, воздалъ благодареніе Богу и сталъ ждать наказанія. Ждать не пришлось долго. Въ войскахъ вспыхнуло нелѣпѣйшее возмущеніе Фоки, ничтожнаго по чину и негодяя по жизни. Императоръ былъ схваченъ со всей семьей... Да онъ—одинъ изъ лучшихъ полководцевъ имперіи—даже и не защищался... Кровожадный Фока приказалъ немедленно обезглавить всю Царскую семью. По избытку жестокости, всѣ дѣти, семь человѣкъ, были казнены на глазахъ отца. Маврикій видѣлъ, какъ слетали одна за другой головы сыновей его и только повторялъ за каждымъ ударомъ топора:

«Праведенъ Ты, Господи, и справедливы суды Твои»...

Послѣднею слетѣла и голова самого Маврикія *)...

Часто ли встрѣчается такая глубокая вѣра у самихъ предстоятелей Церкви, и это ли императоръ, мечтающій о «язычествѣ общественной жизни?»

Точно такъ же неправда, чтобы Церковь «благословляла язычество общественной жизни» и чтобы церковная власть поступалась своей обязанностью блюсти за властью, когда та отклонялась отъ христіанскаго поведенія.

---

*) См. Lebeau, Histoire du Bas Empire. Томъ X, стр. 396—409.

Вовсе не при одномъ Златоустѣ Византійская Церковь обличала грѣхи сильныхъ міра. Въ самую послѣднюю предсмертную эпоху Византіи голосъ церковной власти звучалъ громко и смѣло. Извѣстный Влеммидъ, напримѣръ, много разъ письменно и словесно обличалъ фаворитку царя Іоанна Ласкариса. А она—Маркесина—пользовалась при дворѣ такимъ вліяніемъ, что даже носила знаки царскаго достоинства. Не обращая вниманія на укоры Влеммида, она думала настоять на своемъ правѣ быть членомъ высшаго общества, и однажды явилась на богослуженіе въ монастырь Влеммида.

«Она,—разсказываетъ современникъ,—пріѣхала съ большой пышностью, надменная знаками царскаго достоинства, въ сопровожденіи большой свиты. Но прежде, чѣмъ взошла во храмъ, сонмъ этихъ божественныхъ людей (иноковъ монастыря), по приказанію настоятеля Влеммида, затворилъ двери изнутри храма и заградилъ ей входъ». Взбѣшенная Маркесина бросилась къ царю и требовала наказанія оскорбителю, крича, что «такое безчестіе распространяется и на особу самого Царя». Нашлись, понятно, и придворные, поддержавшіе требованіе фаворитки, но царь сказалъ, вздохнувши:

«Зачѣмъ совѣтуете вы мнѣ наказать праведнаго человѣка? Если бы я жилъ безукоризненно, то сохранилъ бы неприкосновеннымъ и царское достоинство, и себя... Но я самъ далъ поводъ себя безчестить...» *).

Михаилъ Палеологъ, національный герой, освободитель Константинополя, былъ отлученъ отъ Церкви патріархомъ Арсеніемъ за ослѣпленіе Ласкариса. Когда онъ никакимъ смиреніемъ не могъ смягчить патріарха и прогналъ его, то долго—даже при преемникѣ Михаила—жилъ расколъ «арсенитовъ», не признававшихъ—даже по смерти Арсенія—священниковъ и епископовъ, поставленныхъ патріархами, назначенными на мѣсто незаконно смѣщеннаго обличителя Царя.

Профессоръ Суворовъ говоритъ о «безграничной теократіи» императоровъ. Но вся сила этихъ «безграничныхъ теократовъ» не могла произвести уніи съ римскимъ папой даже

*) Никифоръ Григора. Римская Исторія, кн. II, стр. 7.

въ такое время, когда (при Палеологахъ) самое существованіе имперіи отъ этого зависѣло. Когда Михаилъ Палеологъ умеръ, въ лагерѣ, сынъ его Андроникъ не рѣшился похоронить отца. «Онъ,—говоритъ Никифоръ Григора,—только приказалъ, чтобъ нѣсколько человѣкъ отнесли его подальше отъ лагеря и зарыли поглубже въ землю... Тому причиною было уклоненіе Михаила отъ ученія православной Церкви» *). Въ Византіи тѣла отлученныхъ отъ Церкви бросали въ полѣ безъ погребенія и только засыпались землей...

Впрочемъ, примѣровъ того, что императоры не были распорядителями не только вѣры Церкви, но даже и церковнаго управленія слишкомъ много. Несомнѣнно, что не въ теоріи только, но на практикѣ—Византійское государство и Церковь въ общемъ жили сообразно идеѣ о двухъ властяхъ, равноправныхъ и союзныхъ. Эта идея была очень выдержана. Ея выраженіе находится и въ обрядѣ коронованія по византійскимъ правиламъ (въ Епанагогѣ).

«Послѣ своего избранія гражданскими властями,—сказано тамъ,—императоръ отправляется во храмъ и, являя здѣсь покорность Богу, испрашиваетъ у него даровъ благодати, какъ Божій рабъ, и молится о своемъ посвященіи въ цари. Затѣмъ приступая къ вѣнчанію на царство посредствомъ миропомазанія, совершаемаго патріархомъ, онъ предварительно даетъ обѣтъ передъ послѣднимъ, обѣтъ благоволительнаго попеченія о подвластныхъ въ правдѣ, и произноситъ присягу въ вѣрномъ соблюденіи и ревностномъ охраненіи православной вѣры»**). Такимъ образомъ взаимность утвержденія церковной и императорской власти была проведена до конца, такъ же, какъ взаимность закона и канона.

Даже профессоръ Заозерскій, сильно критикующій византійскую «синодально-государственную» форму церковнаго управленія, признаетъ въ конечномъ выводѣ:

«Выступленіе императоровъ за предѣлы ихъ власти въ

---

*) Римская Исторія Никифора Григоры, Спб. 1862 г., стр. 147.

**) Кургановъ.

сферу церковной жизни были далеко не обыкновеннымъ дѣломъ. Обыкновенное же теченіе церковной жизни совершалось подъ надзоромъ, управленіемъ и руководительствомъ собора священниковъ и преимущественно собора патріаршаго... Каждый разъ, когда императорская власть касалась важныхъ сторонъ церковной жизни, она встрѣчала рѣзкій отпоръ со стороны представителей церкви и каждый разъ въ концѣ-концовъ побѣду одерживала Церковь и никогда императоръ» *).

Итакъ очевидно, что византійская система взаимоотношеній обѣихъ властей была поставлена прочно и цѣлесообразно.

XX.

Значеніе союза церкви для государства. Остатки абсолютизма.

Византійскій принципъ двухъ равноправныхъ властей былъ не только проченъ, но и совершенно правиленъ. Въ пользу его правильности говоритъ уже то обстоятельство, что онъ установленъ въ періодъ Вселенскихъ соборовъ, и ими признавался. Но и по разсужденію ясно, что по существенному различію принципа церковнаго и государственнаго,—между властями церковной и государственной можетъ быть только два совершенно противоположныхъ, но одинаково правильныхъ соотношенія: или чисто нравственный союзъ или полное отдѣленіе церкви отъ государства, взаимное игнорированье. Всѣ остальные типы взаимоотношеній представляютъ или ложь, или компромиссъ. Ложны идеи подчиненія церкви государству или государства церкви. Компромиссъ — все что выражаетъ идею соглашенія, конкордата, хотя конечно, когда между государственной и церковной властями есть скрытый антагонизмъ, и въ то же время ни та ни другая сторона не имѣютъ силы на узурпацію, то единственнымъ исходомъ является конкордатъ.

Въ Византіи отношенія государственной и церковной власти были поставлены на почву союза. Очень правильный по

---

*) Н. Заозерскій. „О церк. власти“, стр. 303—304.

идеѣ, такой исходъ далъ государству два важныя блага. Во-первыхъ, онъ избавилъ Византію отъ борьбы церкви и государства. Во-вторыхъ, верховная власть получила огромный авторитетъ.

Императоры много боролись противъ ересей и, по недоразумѣніямъ, противъ православія. Но это была борьба, не ссорившая церковь и государственную власть, какъ учрежденія. Въ этой борьбѣ Императоръ дѣйствовалъ какъ членъ церкви, во имя церковной истины, хотя бы и ошибочно понимаемой. Онъ всегда имѣлъ съ собой ту или другую часть самой же церкви. Это была борьба не за отношенія церкви и государства, и не приводила ихъ ни къ разрыву, ни къ исканію ка кихъ-либо другихъ принциповъ взаимоотношеній. Что касается столкновеній уже прямо между церковной и государственной властью, то они возникали лишь по частнымъ поводамъ, только между данными лицами, и тоже не относилась къ принципу взаимоотношеній. Такія мирныя, по принципу, отношенія власти государственной и церковной царили въ Византіи до самаго конца ея жизни и не обнаруживали никакой тенденціи къ измѣненію, если бы даже турки и не прекратили ея политическаго существованія. Между тѣмъ на Западѣ, на основѣ идей Римскихъ, за то же время уже были жестокія войны между Императорами и Папами. Въ 1453 году Византія кончила свою жизнь при тѣхъ же принципахъ государственныхъ и церковныхъ отношеній. А въ 1500 году на Западѣ уже появился Лютеръ, и назрѣвала борьба за торжество протестантскаго Цезаропапизма. Тысячелѣтнее мирное сосуществованіе церкви и государства было послѣдствіемъ принципа, усвоеннаго въ Византіи съ самаго начала.

Другое послѣдствіе, какъ сказано,—это авторитетность царской власти въ глазахъ народа. Будучи тѣсно связанъ съ глубочайшими вѣрованіями народа, и облеченный званіемъ «служителя Божія», Византійскій Императоръ могъ требовать отъ подданныхъ гораздо болѣе дисциплины, чѣмъ при какой-либо иной постановкѣ власти. И хотя Византія наполнена смутами и кровавыми переворотами—происходившими отъ дру-

гихъ причинъ—но основное могущество связи Автократора съ народной вѣрой давало возможность быстро и легко возстановлять прежнюю дисциплину. Этой тѣсной связью подданныхъ съ царемъ Византія можно сказать, жила все время своей бурной и многострадальной исторіи. Эта связь была ея главной силой.

При безпрерывныхъ переворотахъ—порождаемыхъ другими, слабыми сторонами Византійской государственности, изумительна быстрота, съ которой возстановлялся царскій авторитетъ у каждаго новаго правителя, иногда вовсе не способнаго и изъ низкаго званія. Своего царя Византія чтила необычайно, и за все время существованія ни разу не измѣнила монархическому принципу. Византія представляетъ рѣдкій примѣръ государства, все свое существованіе ни разу не перемѣнившаго избранный разъ принципъ власти. Этому она обязана той религіозной основѣ, которая освящала эту власть и ставила ее въ неразрывный союзъ съ народной церковью.

Слабыя стороны Византійской государственной происходили изъ совершенно другихъ источниковъ: именно изъ дезорганизованности соціальной, и отъ плохой установки отношеній Государственной власти къ націи, и къ ея соціальнымъ силамъ. Въ положеніи Императорской власти, перешедшей въ Христіанство, была съ перваго же момента и осталась навсегда двойственность характера.

Объявилъ себя служителемъ Божіимъ, Императоръ тѣмъ самымъ, становился верховною властью въ отношеніи христіанскихъ подданыхъ своихъ, которые чтили въ немъ выразителя своей вѣры, поставленнаго Богомъ на служеніе Ему въ дѣлахъ мірскихъ. Константинъ хорошо это выразилъ, называя себя «Епископомъ дѣлъ внѣшнихъ». Съ этимъ онъ явился именно верховной властью для христіанъ.

Но въ Имперіи не только еще оставалось большинство населенія язычниковъ, но сверхъ того она сама, какъ учрежденіе, была созданіемъ республики въ которой Императоръ былъ абсолютною управительною властью, но не верховною.

Если бы христіане были дѣйствительно «народомъ», «на-

ціей», у нихъ тогда были бы какіе либо сословія, корпораціи, аристократическія или демократическія соціальныя власти. На всемъ этомъ Константинъ съ преемниками могли бы воздвигать какое-либо новое управленіе Имперіей, какъ это могла дѣлать христіанская верховная власть среди народовъ, цѣлой націей обращавшихся къ христіанству, на Руси, въ Англіи, и т. д. Но въ Римѣ христіане не составляли соціальнаго тѣла. Единственная ихъ собственная организація—это была церковь. Въ ней же были элементы только на видъ сходные съ соціальными. Церковная община могла напоминать соціальную, міряне могли напоминать «народъ», клиръ—какъ бы аристократическій элементъ, и епископатъ какъ бы правящее сословіе. На самомъ дѣлѣ это было ошибочно, такъ какъ самые интересы, самая жизнь всѣхъ этихъ элементовъ церковной организаціи были совершенно не тѣ, которыми наполнены элементы соціальной организаціи. Поэтому никакого государственнаго устроенія на нихъ нельзя было достигнуть, хотя, по недоразумѣнію, христіанская имперія и пыталась это дѣлать.

Въ результатѣ обновляемая имперія явилась съ двумя погрѣшностями.

Во-первыхъ, церковь не отличалась отъ націи, а потому впослѣдствіи государственная власть, вмѣсто стараній организовать націю, пыталась возлагать на церковныя учрежденія функціи учрежденій соціальныхъ. Это было почти безразлично для Церкви, но государству дѣлало много вреда, такъ какъ направляло его на ошибочный путь управленія и отклоняло отъ правильнаго.

Во-вторыхъ, императорская власть явилась одновременно и высшей управительной (по идеѣ старо-римской), и верховною, по идеѣ новой, христіанской. Старый Римъ умеръ очень медленно, и византійцы до конца дней своихъ продолжали называть себя «римлянами» (ромеями). Язычество существовало большую часть времени жизни Византіи. Въ христіанской имперіи власть императора такъ и укоренилась съ двойнымъ характеромъ, который затѣмъ онъ уже никогда не былъ измѣненъ.

Между тѣмъ старо-римскій типъ императорской власти по существу своему есть абсолютистскій. Въ немъ императоръ, какъ соединеніе всѣхъ управительныхъ властей, не допускаетъ развитія никакихъ другихъ управительныхъ властей, то-есть враждебенъ всякому соціальному, мѣстному, сословному и т. д. самоуправленію, котораго отсутствіе ослабляетъ національную жизненность, а власть высшую приводитъ къ бюрократизму. Отсюда цѣлый рядъ крайне вредныхъ явленій Византійской государственности, помѣшавшихъ ей развить монархическую идею въ должной чистотѣ и мощи.

XXI.

Недостатки соціальнаго строя.

Слабѣйшей частью Римской имперіи была расшатанность соціальнаго строя. Имперія, основанная Юліемъ Цезаремъ и Августомъ, несла великую гражданскую идею права и, вмѣсто прежняго республиканскаго грабежа провинцій, старалась внести повсюду обезпеченность правъ. Но въ собственно политическомъ отношеніи она развивалась неуклонно въ смыслѣ самой страшной централизаціи. Первое время, императоры ободряли мѣстное самоуправленіе, но самый смыслъ императора, какъ сосредоточія всѣхъ властей республики, мѣшалъ развитію учрежденій въ этомъ направленіи.

Византія же, сверхъ того, расположилась въ наиболѣе разноплеменной части Рима, кроющей повсюду болѣе элементовъ раздора, нежели объединенія. Христіанство явилось могущественнымъ объединяющимъ элементомъ, но за продолжительную эпоху ересей оно же способствовало и многочисленнымъ раздорамъ, которые закрѣплялись за цѣлыми территоріями и племенами. Такъ разъединялись цѣлыя части имперіи. Ересь аріанская охватила по преимуществу германскія племена: вандалы, остъ-готы, вестъ-готы, аланы, бургунды — все это были аріане, отдѣлившіе мало-по-малу отъ имперіи Италію, Африку,

испанію. Ереси монофизитская и монофелитская подорвали нравственную связь Византіи съ Египтомъ, Сиріей и странами за-Ефратскими. Черезъ нѣсколько времени начались такіе же захваты со стороны обособившагося римскаго папизма. Чисто православная идея сгруппировала вокругъ имперіи по преимуществу греческое и эллинизированное населеніе.

Имперія, опирающаяся на далеко невеликое національное тѣло греческой части Рима, должна была однако выдерживать безпрерывный потокъ враждебныхъ нашествій: Атилла, готы, славяне, персы, арабы, крестоносцы, турки.

Какія усилія требовались для имперіи, чтобы сохранять себя, видно изъ того, что при Юстиніанѣ Великомъ число лицъ военнаго сословія достигало 645,000 человѣкъ. Когда Юстиніанъ, въ виду истощенія средствъ, сократилъ войско до 150,000 человѣкъ—этого еле хватало на содержаніе гарнизоновъ по границамъ. Но никакое напряженіе военныхъ силъ не могло отбросить варваровъ. Если они не успѣвали сами захватывать земли имперіи, — приходилось ихъ мирно принимать и разселять внутри имперіи, чтобы сдѣлать безвредными и даже извлечь нѣкоторую пользу для заселенія опустошенныхъ областей. Но вторгаясь насильно или мирно, пришельцы во всякомъ случаѣ производили въ провинціяхъ постоянный переворотъ въ отношеніяхъ сословныхъ, юридическихъ, формахъ землевладѣнія и т. д. Національный геній не успѣвалъ переработывать эту вѣчно кипящую смѣсь племенъ въ нѣчто однородное цѣлое.

При такихъ условіяхъ, Византія имѣла лишь одно постоянное объединяющее начало—государственный механизмъ.

Эта шаткость вѣчно колеблющихся соціальныхъ основъ и постоянство одного правительственнаго механизма естественно давали перевѣсъ бюрократическому началу. Оно было самое привычное и самое сподручное средство правленія. Только въ высшей степени глубокое убѣжденіе въ необходимости соціальныхъ управительныхъ силъ, и обдуманная система ихъ организаціи, могли бы помочь императорамъ преодолѣть дѣйствіе всѣхъ неблагопріятныхъ національно-соціальныхъ условій. Но

у императоровъ было даже мало стремленія къ этому, потому что они, какъ наслѣдники римской имперской идеи, то-есть цѣлой половиной своего существа, были прирожденные носители бюрократическаго начала.

Какъ носительница христіанской идеи, византійская монархія придавала Автократору характеръ власти верховной, т.-е. выразителя народныхъ идеаловъ, наблюдающаго за всеобщимъ направленіемъ жизни по руслу этихъ идеаловъ. Съ этой стороны Автократоръ долженъ бы былъ явиться вовсе не министромъ-президентомъ, не исполнительнымъ лицомъ текущихъ дѣлъ, но верховнымъ направителемъ, контролеромъ, судьей правительства. Такова собственно и есть задача власти верховной. Для выполненія ея монархъ нуждается въ непрерывномъ общеніи съ націей, а посему желаетъ видѣть ее организованной. Это чувство, истинно монархическое, не было чуждо византійскимъ Автократорамъ. Но, по неразличенію церкви и націи, это желаніе общенія, это исканіе общественныхъ силъ, направлялось только на Церковь, какъ среду, откуда вышла христіанская идея верховной власти монарха. Въ отношеніи же соціальнаго строя императоры продолжали хранить свои римскія традиціи, влекущія къ бюрократизму.

XXII.

Государственныя обязанности Церкви.

Монархическое чувство верховной власти проявилось сразу у Константина Святого въ отношеніи тѣхъ, надъ которыми его власть получила характеръ дѣйствительно верховный, то-есть въ отношеніи христіанъ. Какъ римскій императоръ, Константинъ столь же мало обращалъ вниманія на Сенатъ и прочія власти республики, какъ и его предшественники. Но въ отношеніи христіанъ онъ сталъ собирать соборы и далъ обширныя полномочія епископамъ. Они, между прочимъ, получили судебныя права. По Созомену Константинъ далъ

право обращаться къ епископскому суду, при чемъ рѣшеніе было безапелляціонно. Въ приложеніи къ Ѳеодосіеву Кодексу есть глава, приписываемая Константину, въ которой судебныя права епископовъ доведены по истинѣ до чрезмѣрности, такъ какъ къ нимъ дозволено обращаться по желанію даже одной только стороны и вопреки нежеланію другой, при чемъ рѣшеніе епископа все таки остается безапелляціоннымъ.

Попытка постановки управительныхъ властей на почвѣ церковной организаціи продолжалась въ Византіи и послѣ. Проф. Заозерскій подбираетъ рядъ такихъ мѣръ Юстиніана. Въ эдиктѣ епископамъ и патріархамъ онъ говоритъ:

«Заботясь о врученномъ намъ отъ Бога государствѣ и заботясь, чтобы подданные наши пользовались во всемъ справедливостью, мы написали предлежащій законъ (рѣчь идетъ о таксѣ казенныхъ пошлинъ), который мы признали за благо сдѣлать извѣстнымъ твоей святости и черезъ нее всѣмъ живущимъ въ твоей области. Итакъ, твоему боголюбію и прочимъ епископамъ надлежитъ соблюдать оный законъ и доносить намъ, если что изъ него будетъ нарушено архонтами (магистратами), дабы не оставалось въ небреженіи ничто изъ свято и справедливо нами узаконеннаго... Вы должны наблюдать за всѣми и прочими и доносить намъ какъ объ архонтахъ, справедливо поступающихъ, такъ и о тѣхъ, которые будутъ преступать сей законъ, дабы мы, зная о тѣхъ и другихъ, первыхъ награждали, а послѣднихъ наказывали» и т. д.

Распоряженіе это императоръ мотивируетъ сожалѣніемъ о подданныхъ, которые «терпятъ большія обиды отъ лихоимства архонтовъ при уплатѣ казенныхъ податей».

Аналогичныя побужденія приводили императоровъ къ возложенію на епископовъ, правда, совмѣстно съ гражданами, многихъ гражданскихъ обязанностей. Проф. Заозерскій составилъ любопытный подсчетъ гражданскихъ полномочій епископовъ**).

---

*) См. Лебо. Histoire du Bas-Empire. Томъ I, кн. 5, стр. 372.

**) Заозерскій. О церковной власти, стр. 278—279.

Такъ епископъ, вмѣстѣ съ первыми гражданами города, наблюдалъ, чтобъ начальники провинціи не препятствовали гражданамъ въ совершеніи разныхъ юридическихъ актовъ.

Вмѣстѣ съ «дефенсоромъ» и «отцами города», епископъ имѣлъ право судить о пригодности поручителей.

Епископъ могъ принимать жалобы на начальника провинціи и дѣлать ему объ этомъ представленія, а въ случаѣ невниманія къ этому—могъ доводить дѣло до императора.

Епископъ, съ первыми гражданами, могъ представлять императору кандидатовъ въ начальники провинціи.

Епископъ могъ кассировать судебный приговоръ начальника провинціи. Онъ надзиралъ надъ тюрьмами и долженъ былъ два раза въ недѣлю осматривать ихъ и опрашивать заключенныхъ. Онъ же наблюдалъ за выдачею хлѣба солдатамъ. Онъ заботился о безпризорныхъ дѣтяхъ, о предупрежденіи незаконнаго обращенія въ рабство, пекся о исправленіи порочныхъ женщинъ. Епископъ вообще защищалъ всѣ интересы города, участвовалъ въ избраніи должностныхъ лицъ городского управленія, въ ревизіи его дѣятельности и т. д. *).

Все это напоминаетъ обязанности народнаго трибуна. Императоръ въ Епископатѣ создаетъ нѣчто въ родѣ народнаго трибуната, себѣ подвѣдомственнаго.

Относительно того, насколько все это законно съ канонической точки зрѣнія, можно, пожалуй, и не разсуждать. Все зависитъ отъ того, насколько епископъ свободенъ при такомъ мірскомъ попеченіи. Обязательно, на правахъ государственнаго агента, онъ, понятно, не можетъ браться ни за что подобное. Правило 81-е—св. апостолъ положительно утверждаетъ: «не подобаетъ епископу вдаваться въ народныя управленія», и по правилу 6-му онъ «да не пріемлетъ на себя мірскихъ попеченій». Но, по общимъ обязанностямъ христіанина, епископъ не можетъ быть чуждъ дѣлъ милости христіанской.

Помочь обиженному, защитить несчастнаго, поддержать всякую правду—не значитъ вдаваться въ народныя управленія

*) Заозерскій. О церк. власти, стр. 274—277.

и мірскія попеченія. Равнымъ образомъ имѣть доступъ къ государю, по какимъ бы то ни было дѣламъ, имѣть возможность освѣдомить его о торжествующемъ порокѣ, объ оклеветанной правдѣ—все это есть и право, и долгъ служителя Божія и предстоятеля Церкви.

Епископы христіанскіе издревле учили правдѣ не на однихъ словахъ, а и на дѣлахъ. Величайшія свѣтила Церкви, какъ Василій Великій, святитель Николай и другіе, прославили себя дѣлами не меньше, чѣмъ учительствомъ словеснымъ. Профессоръ Н. Глубоковскій даетъ живое и талантливое описаніе такой разносторонней дѣятельности блаженнаго Ѳеодорита *).

Св. Іоаннъ Златоустъ пострадалъ, отстаивая земельный участокъ бѣдняковъ. Вообще, забота о нуждахъ паствы входитъ въ долгъ епископскій, и сами апостолы, найдя неприличнымъ покинуть слово, чтобы пещись о столахъ, не оставили однако нуждающихся безъ столовъ, а только назначили для заботы объ этомъ діаконовъ.

Заботы же о мірскихъ нуждахъ людей требуютъ сношеній съ властью. Право печалованья—старинное и всеобщее право епископовъ. Для самого монарха, точно также, важно имѣть указаніе епископа, который и для него самого является пастыремъ. Итакъ, дарованіе епископамъ правъ, было правильно. Но возложеніе на нихъ гражданскихъ обязанностей—совершенно ошибочно.

Можно допустить предположеніе проф. Курганова, что «гражданское расширеніе правъ епископовъ было глубоко обдуманнымъ средствомъ къ достиженію объединенія умовъ подданныхъ имперіи на основахъ, выработанныхъ Церковью вѣроисповѣдныхъ опредѣленій». Быть можетъ,—какъ думаетъ тотъ же ученый,—«Юстиніанъ хотѣлъ внести духъ христіанской справедливости въ среду своихъ подданныхъ лучше всего черезъ епископовъ, ибо епископы, какъ вполнѣ отрекшіеся отъ старыхъ языческихъ преданій, являлись болѣе всѣхъ спо-

*) Н. Глубоковскій. „Блаженный Ѳеодоритъ, епископъ Киррскій". Томъ I, стр. 26—45.

собными быть хранителями правды и воспитателями народа въ духѣ новыхъ христіанскихъ идей». Но если эти соображенія и были, то ихъ нельзя признать удачными.

Юстиніанъ писалъ епископамъ, даруя имъ полномочія: «Если вы по нерадѣнію не возвѣстите намъ, то мы очищаемъ себя этимъ передъ Господомъ Богомъ, а вы отдадите Ему отчетъ объ обидахъ, нанесеннымъ другимъ» *).

Безъ сомнѣнія, епископъ, зная о творящемся беззаконіи и не препятствующій ему, погрѣшаетъ. Но и императоръ ошибался, думая, что онъ себя очищаетъ. На правленіе государствомъ поставленъ онъ, а не епископъ, и для того, чтобъ не было беззаконія, есть много другихъ средствъ, кромѣ контроля епископа.

Широкое облеченіе епископата правомъ наблюденія за дѣйствіями властей гражданскихъ и правомъ представленія имъ и власти верховной—дѣло полезное, законное церковно и разумное, съ точки зрѣнія монархической власти, которой главнѣйшая потребность есть потребность возможно болѣе непосредственнаго освѣдомленія. Это общеніе съ подданными даетъ монарху лучшее средство контроля надъ управительными властями. Но дѣлать такую управительную власть изъ самого епископа, сажать его въ суды, погружать въ выборы «отцовъ города» и, стало-быть, во всю связанную съ этимъ борьбу партій—это значитъ только уничтожить для епископа всѣ удобства того нравственнаго вліянія на общество, въ которомъ это общество наиболѣе нуждается со стороны Церкви.

Епископъ не есть представитель соціальнаго строя, сотканнаго изъ разнородныхъ мірскихъ попеченій и народныхъ управленій. Верховная власть не можетъ имѣть въ хорошемъ епископѣ достаточнаго вниманія къ вопросамъ народнаго управленія и къ мелочной мірской «справедливости», въ которой нерѣдко нѣтъ и тѣни высшей правды ни у одной изъ враждующихъ сторонъ. Хорошій епископъ занятъ болѣе всего направленіемъ душъ къ тому идеалу, который забывается мелкой

*) Кургановъ, стр. 478—489.

законностью. Хорошій епископъ совершенно основательно уклонится отъ всѣхъ «партій» отцовъ города и архонтовъ. Плохой же епископъ будетъ контролировать народныя дѣла, гораздо хуже, чѣмъ даже средній чиновникъ.

Во всѣхъ отношеніяхъ идея привлеченія епископата къ дѣламъ управленія—идея крайне неудачная, и могла являться только отъ неяснаго пониманія разницы между націей, обществомъ и Церковью.

Эта мысль вмѣстѣ съ тѣмъ отвлекала верховную власть отъ организаціи самаго общества и отъ улучшенія управительнаго аппарата посредствомъ постановки его въ связь съ силами соціальнаго строя.

XXIII.

Византійская бюрократія.

За отсутствіемъ связи управленія съ соціальными силами націи, Византійская государственность развила самый крайній бюрократизмъ. Вина въ этомъ лежитъ не на самомъ принципѣ единоличной верховной власти, выдвинутомъ съ торжествомъ христіанства, а на всемъ рядѣ условій, по которымъ эта верховная власть не могла или не умѣла связать свою управительную дѣятельность съ соціальными народными учрежденіями.

Въ своемъ обстоятельномъ трудѣ профессоръ Скабалановичъ говоритъ:

«Основой Византійской государственности была идея авторитета, полнаго подчиненія человѣческой личности государству, частнаго общему. Примѣненіе этой идеи отразилось въ Византіи крайностями централизаціи: интересы государства сузились, изъ провинцій перешли въ столицу, изъ столицы во дворецъ и здѣсь воплотились въ лицѣ императора».

---

*) Н. Скабалановичъ. „Византійское государство и Церковь въ XI вѣкѣ", стр. 132.

Это—формулировка во многихъ частяхъ невѣрная. За исключеніемъ самой страшной централизаціи, которая, впрочемъ, создана также не Византіей, а унаслѣдована ею отъ Рима Діоклетіановскихъ временъ, все остальное относится типично къ Риму, а къ Византіи лишь постольку, поскольку она не умѣла развить логически той идеи монархической верховной власти, которую ей давало христіанство. Нельзя, однако, не признать, что Византія оказалась въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, мало самостоятельной.

«Полное подчиненіе личности государству» есть идея Рима, даже не императорскаго, а римской республики. Имперія этой идеи не создала, а лишь произвела сосредоточеніе властей въ одной личности.

Христіанство же привнесло идею «царя—Божія служителя», то-есть идею власти верховной, но подчиненной Богу. Личность при этомъ именно освобождалась отъ «полнаго подчиненія государству», ибо двухъ «полныхъ подчиненій» не можетъ быть и, подчиняясь всецѣло Богу, христіанинъ тѣмъ самымъ могъ уже только условно подчиняться государству. Но, усвоивъ эту монархическую идею «новаго міра», Византійская государственность сохранила отъ «ветхаго міра», и старую идею императора какъ увѣковѣченнаго диктатора.

По институціямъ Юстиніана власть императора характеризуется какъ неограниченная, и это мотивируется тѣмъ, что она уступлена ему народомъ. Императоръ совмѣщаетъ въ себѣ «всѣ права и всю полноту власти народа». Юридическій принципъ гласилъ: «Quod Principi placuit legis habet vigorem», потому что «populus ei — то-есть императору — et in eum solum omne suum imperium et potestatem concessit». Это идея чисто абсолютистская, ставящая власть императора безграничною, но не верховною, не самостоятельною отъ народной воли. Формула противорѣчила также христіанской идеѣ «Царя, Божія служителя», у котораго закономъ никакъ не можетъ быть то, что ему «угодно». Но совмѣстительство народной делегаціи и Божія избранничества — давало византійской императорской власти возможность весьма широкаго произвола. Въ случаѣ

Божію, въ случаѣ нарушенія воли Божіей—ссылаться на безграничую делегацію народа. Однако нельзя не видѣть, что то же совмѣщеніе, давая власти императора возможность произвола, въ то же время не давало ей прочности. Эту власть можно было отнимать у недостойнаго ея тоже на двойномъ основаніи: за нарушеніе воли Божіей, или на основаніи воли народа, не желающаго дольше продолжать данную прежде «концессію».

Идея делегаціи народной воли и власти одному лицу сама по себѣ предполагаетъ централизацію, а затѣмъ и бюрократизмъ. Дѣйствительно, какъ сосредоточіе всѣхъ властей народныхъ, императоръ есть власть управительная. Онъ по смыслу делегаціи всѣмъ самъ управляетъ. Онъ долженъ вершить всѣ дѣла текущаго управленія. Посему все централизуется около него, въ немъ. Но такъ какъ фактически всѣ государственныя дѣла вести одному человѣку, хоть и самому геніальному, все таки невозможно, то они поручаются слугамъ, чиновникамъ. Такъ развивается бюрократія.

Для царя «Божія служителя» обязательно только направленіе дѣлъ страны въ духѣ Божіей воли. Народное самоуправленіе не противорѣчитъ его идеѣ подъ условіемъ, что онъ сохраняетъ надъ этимъ управленіемъ контроль «Божія служителя» и направляетъ всѣхъ на истинный путь правды, въ случаѣ какихъ-либо отъ нея уклоненій. Но для императора, которому «народъ уступилъ всю свою власть и могущество», какое бы то ни было проявленіе народнаго самоуправленія, есть уже узурпація со стороны народа, нѣкотораго рода отобраніе народомъ назадъ того, что онъ «уступилъ» императору. Поэтому Византія неукоснительно продолжала римскую политику подрыва и безъ того слабаго соціальнаго строя, который не можетъ существовать безъ самоуправленія. Съ подрывомъ же муниципальнаго строя, все высшее населеніе устремлялось въ чиновничество. Въ этомъ отношеніи можно лишь повторить превосходную характеристику профессора Скабалановича:

«Какое же положеніе,—спрашиваетъ онъ,—заняла провин-

ціальная землевладѣльческая аристократія послѣ того, какъ рушилось муниципальное устройство, на которомъ основывалось ея значеніе? Съ упадкомъ муниципальнаго устройства, она естественно должна была пасть, и пала бы, если бы, потерявъ для себя почву въ городахъ, не нашла взамѣнъ того соотвѣтствующей опоры въ другомъ мѣстѣ. Она отыскала эту опору, обративъ свое честолюбіе на государственныя должности и чины. Бывшіе поссесоры и куріалы набросились на государственную службу... Въ свою очередь лица, не принадлежавшія прежде къ землевладѣльческой аристократіи, которымъ посчастливилось получить чинъ, старались довершить свое благополучіе пріобрѣтеніемъ недвижимой собственности... Образовалась такимъ образомъ новая чиновная аристократія, льнувшая къ императорскому двору и на близости къ нему основывающая свою карьеру» *).

Картина совершенно точная. Бюрократія такимъ образомъ росла и сверху и снизу. Вмѣсто того, чтобы государство пользовалось въ управленіи содѣйствіемъ мѣстныхъ соціальныхъ силъ, государство, напротивъ, своихъ чиновниковъ сдѣлало исправляющими должность соціальныхъ силъ. Но разница при этой замѣнѣ получается та, что, имѣя свои интересы въ службѣ, чиновничество перестало быть на мѣстахъ своего землевладѣнія гражданами, не имѣло надобности заботиться объ интересахъ этихъ мѣстностей, объ ихъ оживленіи, соціальномъ здоровьи и крѣпости, а смотрѣло на нихъ только съ точки зрѣнія временнаго дохода и временной ступени карьеры. Его вліяніе не сохраняло крѣпость провинціи, а разлагало. Вотъ каковъ былъ ходъ бюрократизаціи Византіи, бюрократизаціи, не дававшей возможности созиданія націи.

Я не стану излагать самаго построенія византійско-бюрократической машины, которое превосходно изложено у проф. Скабалановича. Замѣчу лишь, что она отличалась большой стройностью. Собственно какъ чиновничій механизмъ, это было

---

*) Н. Скабалановичъ. „Византійское государство и Церковь въ XI вѣкѣ“, стр. 235.

построеніе очень искусное, въ столицѣ сосредоточенное въ Сенатѣ, куда примыкали всѣ «секреты», т. е. вѣдомства, раздѣленныя на министерства, и затѣмъ развѣтвлявшіяся по всей странѣ. Бюрократія имѣла чины, жалованье, производство въ зависимости отъ времени службы и усердія... Вообще, механизмъ былъ построенъ весьма недурно, а для своего времени, конечно, можетъ быть названъ образцовымъ. Грановскій упрекалъ одного изслѣдователя (Медовикова) за то, что онъ не показалъ «все превосходство византійскихъ административныхъ формъ и понятій надъ феодальными западными».

«Въ основаніи ея (имперіи),—говоритъ онъ,—лежало отвлеченное отъ всякой національности начало образованной вѣками мудрой государственной организаціи, которая принимала въ себя даже враждебные элементы и претворяла ихъ въ гибкіе, покорные ея волѣ матеріалы. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія феодальная форма является чѣмъ-то варварскимъ, безконечно грубымъ» *).

Этотъ восторженный отзывъ нашего знаменитаго «западника» о византійскихъ формахъ администраціи проникнутъ чисто-западнымъ абсолютизмомъ. Феодальныя формы, конечно, были грубы въ смыслѣ правительственной техники, но онѣ имѣли въ основѣ живую сущность здоровой государственности—именно то, что въ нихъ государственность выростала на національности, на соціальномъ строѣ. Эти феодальныя формы породили такія великія государственныя построенія, какъ Англія и Соединенные Штаты, нынѣ захватывающіе весь міръ потому что въ нихъ государство сливалось съ націей. Въ Византіи государство сливалось съ бюрократическимъ правительственнымъ механизмомъ. Какъ механизмъ — эта система была очень стройна (сравнительно). Но отрицательныя стороны этого государственно-бюрократическаго строя были громадны.

Византійскіе чиновники недурно подбирались и вырабатывались. Они были даже преданы своему государству, въ смыслѣ преданности своей правящей ассоціаціи, своей бюрокра-

*) „Сочиненія Т. Н. Грановскаго" 1866 г., часть 2-я, стр. 120.

тической организаціи. Но интересы страны, отечества, націи для нихъ существовали очень мало.

Чиновники Византіи служили усердно государству, но грабить народъ—не противорѣчило ихъ патріотизму. Ихъ хищенія, дезорганизація всей страны, производимая ими, и бывшая причиною того, что провинціи рады были иноземному завоеванію—все это общеизвѣстно, было это извѣстно и самимъ императорамъ. Императоры, въ которыхъ жило чувство «служителя Божія», были полны недовѣрія къ своимъ чиновникамъ. Именно это сознаніе ихъ неблагонадежности производило такія явленія, какъ порученіе епископамъ контроля за управленіемъ. Но значеніе высшей управительной власти неудержимо погружало императора въ міръ бюрократіи, дѣлало его не главой народа, а главой бюрократіи.

Значеніе бюрократіи возрастало въ той мѣрѣ, въ какой она объединяла съ собой понятіе о государствѣ. Государь былъ неограниченный властелинъ надъ чиновничествомъ, казнилъ его, выкалывалъ глаза и рѣзалъ уши. Но когда возникала мысль, что императоръ неудобенъ и что «народъ», отдавшій ему всѣ свои права, можетъ взять ихъ и обратно, чтобъ переделегировать другому лицу, то этотъ «народъ», это государство имѣло единственное реальное выраженіе въ бюрократіи. Бюрократія рѣшала судьбы императоровъ, какъ нѣкогда судьбы ихъ рѣшали преторіанцы, перехватившіе на «армію» понятіе о «народѣ». Въ Византіи иногда и войско производило перевороты, но сравнительно рѣдко. По большей части ихъ производилъ правящій бюрократическій слой. Вообще въ Византіи бюрократическое начало достигло наибольшаго развитія, и въ отношеніи къ верховной власти производило обычное свое воздѣйствіе: отрѣзывало ее плотнымъ «средостѣніемъ» отъ народа и захватывало ее своимъ вліяніемъ до такой степени, что бюрократія и возводила императоровъ на тронъ и низвергала. Только Церковь сохраняла для Автократора связь съ «народомъ», посколько Церковь можетъ это дѣлать.

Въ упомянутой статьѣ Грановскій говоритъ:

«Какая же сила собрала воедино и сдерживала разнород-

ныя, отчасти враждебныя между собою стихіи, замѣняя народность или кровную связь населенія другою чисто духовною связью? Эта сила заключалась въ религіи и въ наслѣдованной отъ классическаго міра образованности». Это правда. Но для государства такихъ связей недостаточно. Можно обойтись безъ народности въ смыслѣ племенномъ, но безъ народа въ смыслѣ соціальнаго строя—государство не можетъ обойтись, и въ Византіи слабость соціальнаго строя и господство бюрократіи, хотя христіанской и образованной, произвели рядъ поучительныхъ искаженій во всемъ строѣ государства.

XXIV.

Непрочность наслѣдственности. Недостатокъ легитимности.

Весь комплексъ условій, при которыхъ развилась Византійская государственнось, не давалъ возможности утвердиться необходимымъ свойствамъ монархіи: наслѣдственности верховной власти, и чувству легитимности въ подданныхъ.

Для монарха, какъ власти верховной — необходимѣйшее качество составляетъ духовное единство съ подданными, при которомъ онъ можетъ выражать народный идеалъ, и сознаніе своей обязанности давать въ управленіи выраженіе именно этого идеала. Спокойное исполненіе этой обязанности требуетъ нравственной высоты и увѣренности въ прочности своей власти, а это возможно лишь тогда, когда въ странѣ становится почти невозможной борьба за власть (верховную). Все это достигается твердой наслѣдственностью престола, и укоренившимся чувствомъ легитимности. Отправленіе верховныхъ обязанностей, при этомъ, не требуетъ отъ носителя власти, никакихъ особыхъ, выдающихся дѣловыхъ способностей. Хорошо если онѣ есть, но нѣтъ въ нихъ непремѣнной надобности, ибо въ странѣ всегда найдется достаточно способныхъ людей, которые исполнятъ всѣ дѣла управленія подъ надзоромъ

верховной власти, которой дѣло состоитъ собственно въ контролѣ за направленіемъ дѣятельности министра.

Идея императора, какъ главы исполнительной власти,—напротивъ требуетъ человѣка необычайныхъ способностей, самаго способнаго въ странѣ. Такова и была Римская идея. Но это совершенно несовмѣстимо съ наслѣдственностью, ибо нельзя и думать, чтобы въ одномъ родѣ чудеснымъ образомъ повторялся въ каждомъ поколѣніи непремѣнно геніальнѣйшій человѣкъ.

Христіанская идея Царя, какъ «Божія служителя», очень хорошо совмѣщается съ наслѣдственностью власти, ибо требуетъ отъ Божія служителя прежде всего—исполненія долга, тѣхъ нравственныхъ качествъ, которыя лучше всего даются воспитаніемъ въ семьѣ, изъ рода въ родъ посвятившей себя на служеніе Волѣ Божіей въ государственномъ дѣлѣ. Однако идея Божія служителя не предполагаетъ непремѣнной наслѣдственности. Богъ, избравшій Саула, можетъ на его мѣсто избрать и Давида. Сильнѣе же всего идея наслѣдственности вытекаетъ изъ привычекъ твердаго соціальнаго строя, который самъ основанъ на семейственности, и вытекающей изъ семьи наслѣдственности вліянія и традицій. Гдѣ сильно развитъ соціальный строй тамъ непремѣнно является идея наслѣдственности семейной миссіи. Даже въ республикѣ — традиція Брута, какъ защитника свободы, лежитъ на отдаленнѣйшемъ его преемникѣ, внушая ему героизмъ превыше его личныхъ, способностей.

Идея наслѣдственности вытекаетъ изъ соціальнаго строя сама собой. Соціальный строй, какъ всѣ органическія явленія, представляетъ нѣкоторый преемственный процессъ, въ которомъ элементы каждой каттегоріи происходятъ изъ предшествовавшихъ и ими порождаются. Идея наслѣдственности является какъ обобщеніе соціальнаго факта преемственности. Поэтому и монархическое начало получаетъ естественно наслѣдственный характеръ, пріобрѣтаетъ династичность. Со стороны гражданъ именно такой порядокъ перехода власти сознается, какъ законный по самой природѣ явленій, почему развивается—легитимность, которая дѣлаетъ почти невозможною

борьбу за верховную власть, ибо переворотъ, даже удачный, не даетъ узурпатору народнаго признанія, и сулитъ ему только гибель. Вслѣдствіе этого честолюбіе обращается на борьбу за власть управительную, за мѣста министровъ, то есть переходитъ въ такую область гдѣ борьба имѣетъ даже полезную сторону, выдвигая способнѣйшихъ работниковъ, безъ потрясенія текущаго порядка жизни страны.

Римская идея императора, какъ единоличной исполнительной власти—утвердилась въ Византіи самымъ прочнымъ образомъ, и этой идеѣ Византія никогда не измѣнила за 1000 лѣтъ своей жизни, никогда не переходя ни къ республикѣ, ни къ демократіи, ни къ аристократіи. Единственный случай такого рода представила затѣя императора Ставрасія въ 811 году *). Вступивъ на престолъ смертельно раненый, Ставрасій хотѣлъ оставить престолъ женѣ, а въ случаѣ невозможности этого—имѣлъ проектъ совсѣмъ уничтожить монархію, и замѣнить ее демократіей. Но изъ этого ничего не вышло. Съ рѣдкимъ единодушіемъ Сенатъ и Церковная власть провозгласили императоромъ Михаила Рангабе, и умирающій Ставрасій, во избѣжаніе репрессалій, поспѣшилъ принять постригъ.

Вообще горькій опытъ послѣднихъ временъ республики Рима навѣки оставилъ въ Византіи глубокое недовѣріе къ управленію толпы. Эту толпу, чернь, какъ силу правящую. Византія глубоко презирала. О массѣ народа и «толпѣ», византіецъ могъ говорить только съ презрѣніемъ

«Негодные люди, разсказываетъ Вріенній, согнали Михаила Дуку съ престола. Весь же народъ безъ размышленія послѣдовалъ ихъ желанію, ибо между людьми зло обыкновенно бываетъ сильнѣе чѣмъ добро». «Толпа любитъ потѣшаться такими переворотами» **).

Хоніатъ, съ презрительнымъ негодованіемъ, говоритъ о населеніи столицы, что «обычный вождь народа—вино». «Если бы эти люди, говоритъ онъ по поводу однихъ безпорядковъ,

*) Лебо, томъ XII, стр. 453.

**) „Историческія Записки Никифора Вріенніа—976—1087 г.". С.-Петербургъ, 1858 г. Предисловіе.

предварительно нагрузились вином и уже тогда ухватились за свои шилья и ножи, то никакія сирены не могли бы возвратить их къ миру» *).

Императоръ Андроникъ Палеологъ (старшій), говоря объ историческихъ пасквилянтахъ и порицая ихъ, замѣчаетъ, что они «они имѣютъ въ виду слухъ черни, которая находитъ болѣе удовольствія въ порицаніи другихъ чѣмъ въ похвалѣ», хотя бы порицаніе было соткано изо лжи, а похвала—сама истина... **).

Вообще глубокій пессимизмъ въ отношеніи этой «толпы», какого бы она ни была состава, былъ основной чертой Византійца. Посему Византія вѣрила только единоличной власти. Но съ другой стороны—роковымъ образомъ, Византія никакъ несъумѣла создать условій для прочнаго превращенія единоличной власти въ верховную.

Презирая «толпу», въ Византіи не сознавали необходимости и не видѣли возможности организовать эту толпу въ «народъ», связанный іерархіей соціальныхъ авторитетовъ, которые способны вводить разумъ въ нестройную толпу. Какъ вездѣ на свѣтѣ, въ областяхъ Византійскихъ вырабатывались и аристократическіе и демократическіе элементы. Но объединить ихъ въ стройный соціальный порядокъ не умѣла власть, проникнутая идеей, что въ ней одной сосредоточены всѣ власти народныя. Она не могла помыслить допустить какую нибудь власть тѣмъ или инымъ слоямъ народа, а безъ власти—они, конечно и не могли организовываться.

Чернь презиралась Византіей, а аристократія возбуждала страхъ чиновничества. Политика внутренняя вѣчно направлялась то къ подрыву аристократіи, путемъ покровительства массѣ народа, то къ обузданію массы, посредствомъ льготъ аристократіи.

А между тѣмъ и въ Византіи мы—если видимъ нѣкоторыя проявленія династичности и легитимности, то именно въ тѣхъ

---

*) Никита Хоніатъ „Исторіа“, томъ II, стр. 51.

**) Никифоръ Григора, „Римская Исторія глава 1.

уголкахъ и слояхъ, гдѣ кое какъ успѣвала прорости соціальная связь народа и Царя. Различныя династіи имѣли наибольшую поддержку въ тѣхъ провинціяхъ, откуда онѣ происходили и особенно гдѣ держалась еще сколько-нибудь аристократія. Такой крѣпкій соціальный строй съ сильной аристократіей во главѣ былъ въ Македоніи, которая и выдвинула одну изъ самыхъ прочныхъ династій—Македонскую. Во времена Юстина и Юстиніана, славянскія области Имперіи давали огромную поддержку этой династіи славянскаго рода. Исаврія была тоже крѣпкой опорой для своихъ Императоровъ. Никейская область (Вифинія) поддерживала низвергнутыхъ Ласкарисовъ открытымъ бунтомъ, даже тогда, когда это было уже безнадежно. Та же Никея раньше поддерживала Ангеловъ противъ Ласкарисовъ, еще не имѣвшихъ значенія спасителей національной самобытности. Вообще въ мѣстностяхъ болѣе крѣпкихъ соціально идея династичности и легитимности зарождалась, но это мало цѣнилось Императорами и нисколько ими не культировалось. Славянскія области, столь близкія Имперіи при Юстиніанѣ (онъ былъ славянинъ), были допущены впослѣдствіи до того что стали злѣйшими врагами ея. Вѣрнѣйшую Византійскую область—Никею, виноватую только преданностью законнымъ царямъ, Палеологъ разорилъ истинно грабительскими мѣрами, съ очевиднымъ намѣреніемъ подорвать «опасную» провинцію.

Имперія не понимала націи. Она знала только чиновное государство. А между тѣмъ самые «пьяницы» Константинополя, которыхъ столь презирали чиновники — одни еще нѣсколько тянулись къ династичности. Надъ ними одними имѣло нѣкоторое вліяніе слово «порфирородный». «Не хотимъ имѣть Склирены, кричали «бунтующія» толпы во времена Константина Мономаха,—не допустимъ погибнуть нашихъ матушекъ, порфирородныхъ Зою и Ѳеодору». Этимъ чувствомъ толпы только и держалась столь долго Зоя, лично ничѣмъ не заслужившая любви народа. Но, къ своему несчастью, эту массу народа, которая могла бы быть могучей опорой династіи—политика Византіи держала въ преднамѣрной дезорганизаціи и безсиліи.

Аристократическіе семьи и роды, хотя также подрываемые постоянно, но естественно выраставшіе, какъ пробивается свѣжій дернъ на вытравливаемомъ полѣ—тоже несли съ собой идею династичности. Въ первую половину жизни Византіи происхожденіе не имѣло для Императора почти никакого значенія. Левъ I былъ простой трибунъ. Зенонъ—исаврянинъ незнатнаго рода. Анастасій—чиновникъ не изъ важныхъ. Юстинъ и Юстиніанъ произошли прямо изъ «мужиковъ» славянъ. Ѳеодосій былъ сборщикомъ податей. Но съ теченіемъ времени аристократическія семьи, кое какъ укрѣпившіяся службою, производятъ нѣкоторую перемѣну въ понятіяхъ. Для Македонской династіи сочли уже нужнымъ сочинить пышную генеалогію, хотя въ дѣйствительности Василій Македонянинъ былъ просто слугой знатнаго вельможи. Черезъ 200 лѣтъ послѣ того знаменитый вождь Катакалонъ, которому заговорщики предложили корону, уже отвѣчалъ, что это неудобно по незнатности его.

«Знатность рода безъ талантовъ недостойна трона, сказалъ онъ, но при талантахъ она необходима. Чтобы повелѣвать знатными—нужно быть знатнымъ. Личная доблесть недостаточно импонируетъ народу. Чтобы держать народъ въ почтительности, нужно чтобы онъ видѣлъ за своимъ повелителемъ длинный рядъ предковъ *).

Поэтому Катакалонъ, вмѣсто себя, выдвинулъ кандидатуру Исаака Комнина.

Это была точка зрѣнія, выработанная Византіей лишь послѣ многихъ вѣковъ, ибо съ этой идеей боролись сильнѣйшія основы ея политическаго строя. Да и то мы видимъ, что это очень далеко до династичности, а даетъ лишь кое какіе ростки ея. Эти ростки выразились въ томъ, что за послѣднія столѣтія жизни въ Византіи царствовали представители лишь немногихъ знатныхъ фамилій, низвергавшихъ одна другую: все это были смѣняющіеся Комнины, Дуки, Ангелы, Ласкарисы, Палеологи, которые сверхъ того находились всѣ въ родствѣ, такъ что, до извѣстной степени, каждый царь оказывался въ родствѣ съ какими нибудь ранѣе царствовавшими особами.

*) Лебо, Histoire du Bas Empire, т. XIV, стр. 408.

Въ этихъ болѣе прочныхъ слояхъ—даже при переворотахъ замѣчается стремленіе создавать хоть фикцію легитимности. Такъ Вріенній усердно доказываетъ законность переворота, произведеннаго Алексѣемъ Комниномъ: «Онъ достигъ царской власти путемъ права, такъ какъ былъ родственникомъ дома Комниновъ и былъ въ родственной связи съ Дуками... Его дядя (Исаакъ Комнинъ) добровольно передалъ свое наслѣдіе Константину Дукѣ, а Никифору Вотаніату (котораго низвергъ Алексѣй Комнинъ) никто не передавалъ престола». Посему, дескать, Комнинъ лишь осуществилъ свое наслѣдственное право... Сверхъ того онъ и женился на Иринѣ Дукѣ, и еще присоединилъ къ престолу малолѣтняго потомка Дукъ. Что касается Дукъ, то они, дескать происходятъ отъ самого Константина Великаго... Все это, конечно, извороты, но они показываютъ, что въ родовитомъ слоѣ являлась потребность и сознаніе династичности и легитимности. Такъ же и Акрополитъ убѣждаетъ своихъ читателей, что Михаилъ Палеологъ, въ сущности, имѣлъ болѣе правъ на престолъ нежели свергнутый имъ и ослѣпленный малолѣтній Ласкарисъ.

Но всѣ эти ростки династическаго права, кроющіеся въ соціальномъ строѣ, служатъ лишь свидѣтельствомъ возможности правильной монархической эволюціи, если бы идея ея была сильнѣе въ сознаніи продставителей Византійской государственности. Но господствующія силы дали иное направленіе исторіи Византійской монархіи.

XXV.

Идея личной заслуги.

Константинъ Великій имѣлъ намѣреніе сосредоточить права на престолъ исключительно въ своей фамиліи. Онъ не только раздѣлилъ управленіе провинціями между своими сыновьями и племянниками, но издалъ законъ, дававшій права на престолъ

только «порфирородным», то-есть рожденным въ особой, такъ называемой, порфирной комнатѣ дворца.

Этотъ законъ впослѣдствіи былъ возобновленъ Василіемъ Македонянином.

Но законодательныя намѣренія весьма плохо исполнялись, потому что въ идеяхъ государства не было уваженія къ наслѣдственности. Даже завѣщаніе Константина не было исполнено, несмотря на совершенно исключительное уваженіе къ его личности. Армія, Сенатъ и народъ не захотѣли признать племянниковъ Константина въ числѣ наслѣдниковъ, и эти несчастные были звѣрски перебиты бунтующими. Завѣщаніе было исполнено лишь въ той мѣрѣ, въ какой захотѣлъ Senatus populus que Romanus.

Характеристичны и толки общественнаго мнѣнія по поводу наслѣдія Константина.

«Чѣмъ больше пріобрѣлъ Константинъ славы, — разсказываетъ Лебо,—тѣмъ больше являлось опасеній, что ее не способны поддержать его сыновья. Политики замѣчали, что изъ всѣхъ преемниковъ Августа одинъ Коммодъ былъ рожденъ отъ отца, уже бывшаго императоромъ. Этотъ примѣръ, единственный до сыновей Константина, казался весьма дурнымъ предзнаменованіемъ. Сверхъ того политики замѣчали, что природа вообще плохо служила имперіи: изъ пріемныхъ сыновей, взошедшихъ на тронъ, многіе были достойны этого. Но изъ кровныхъ сыновей императоровъ только Титъ и самъ Константинъ не оказались выродками своихъ отцовъ» *).

Всѣ эти разсужденія ясно показываютъ отсутствіе сознанія прирожденнаго права на престолъ, безъ отношенія къ способностямъ. Римлянину, а потомъ и византійцу, казалось несомнѣннымъ, что престолъ долженъ занимать только человѣкъ наиболѣе способный, сильный, храбрый и т. п. Эта точка зрѣнія, конечно, весьма естественна при взглядѣ на императора, не какъ на власть верховную, а только управительную, какъ диктатора или перваго министра.

*) Лебо, томъ I, стр. 393.

Хотя христіанство, вообще говоря, благопріятствовало идеѣ монарха, какъ власти верховной, но первыя столѣтія Византіи были эпохою ересей. Борьба между еретиками и православными доходила до ожесточенія. Императоры же могли быть только или православными, или еретиками, и въ обоихъ случаяхъ нѣкоторая часть подданныхъ склонна была отрицать въ нихъ «Божественную делегацію». Такимъ образомъ незыблемость права на престолъ еще болѣе подрывалась за эту долгую эпоху ересей. Римская концепція императорской власти тѣмъ свободнѣе продолжала жить въ умахъ и чувствѣ, и закрѣпилась навсегда. Даже при вступленіи на престолъ всегда соблюдалась формальность избранія императора Сенатомъ, войскомъ и народомъ.

Но съ этой идеей императора, перваго министра или диктатора, неизбѣжно связано требованіе личныхъ выдающихся качествъ.

Въ силу такой постановки обязанностей императора, на византійскомъ престолѣ человѣку не особенно выдающихся способностей было трудно усидѣть. Въ Византійской государственности выработался настоящій культъ личныхъ способностей имимператора, откуда рядъ обычаевъ—привлекать такія способности на престолъ посредствомъ усыновленія или посредствомъ такъ называемаго присоединенія. Такъ являлось одновременно по нѣсколько императоровъ. Династичность и легитимность при этомъ совершенно затуманивались.

Культъ способностей, въ ущербъ легитимности, ярко проявляется даже у самихъ императоровъ. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ лучшихъ византійскихъ царей изъ династіи уже, сравнительно, очень упрочившейся—Іоаннъ Комнинъ — назначилъ своимъ преемникомъ своего младшаго сына Мануила. Онъ мотивировалъ это передъ торжественнымъ собраніемъ военачальниковъ и сановниковъ въ рѣчи, восхваляемой современниками.

«Многимъ изъ предшествовавшихъ царей,—сказалъ Іоаннъ,—угодно было передавать своимъ дѣтямъ власть, какъ нѣкоторое отеческое наслѣдіе. Я и самъ получилъ царство отъ отца.

Поэтому вы, конечно, думаете, что, оставляя послѣ себя двухъ сыновей, я, по общему человѣческому правилу, передамъ власть и престолъ старшему». Однако не таково рѣшеніе царя. «У меня,—говоритъ Іоаннъ,—такъ сильно попеченіе о васъ (подданныхъ), что если бы изъ моихъ сыновей ни одинъ по своимъ качествамъ не былъ способенъ взять на себя бремя правленія, я бы избралъ кого-нибудь иного, кто пришелся бы по моимъ и вашимъ мыслямъ»...

Но сыновья его, по убѣжденію царя, оба были хороши. Однако изъ нихъ лучшимъ казался младшій, а не старшій. Отсюда царь выводитъ такое заключеніе:

«Такъ какъ наилучшему должно быть воздаваемо наилучшее же, а лучше царства ничего не можетъ быть, то это обращаетъ взоръ мой на младшаго сына и присуждаетъ ему жребій царствованія» *).

Къ этому достаточно характеристическому разсужденію императоръ присоединилъ еще и такое соображеніе:

«Провидѣніе само указало моего наслѣдника. Назначеніе людей на должности принадлежитъ Богу. Качества же того, кто достоинъ должности, суть голосъ Бога, давшаго эти качества. Я только объявляю то, что рѣшено Богомъ» **).

Конечно, при такихъ точкахъ зрѣнія, всякій очень способный человѣкъ могъ думать, что, онъ и есть Божій избранникъ и имѣетъ поэтому право быть царемъ.

Анна Комнина, стараясь соблюсти безпристрастіе въ описаніи узурпаторовъ своего времени, именно указываетъ на ихъ чрезвычайныя способности.

«Никифоръ Вріенній,—говоритъ она,—былъ отличный воинъ, происходилъ отъ знаменитаго дома, украшался высокимъ ростомъ и благообразіемъ лица, превосходилъ всѣхъ современниковъ высотою ума и силою мышцъ. Это былъ человѣкъ, достойный царства и имѣлъ такой даръ убѣждать и привлекать всѣхъ къ себѣ съ перваго взгляда и разговора, что всѣ

*) Киннамъ (Іоаннъ). „Краткое обозрѣніе царствованія Іоанна и Мануила Комниновъ", стр. 28.

**) Лебо, томъ XVI, стр. 59.

военные и частные люди отдавали ему первенство и считали его достойнымъ царствовать надъ всѣмъ Востокомъ и Западомъ».

Такими же похвалами осыпается бунтовщикъ Василаки.

«Этотъ Василаки былъ одинъ изъ людей удивительныхъ по мужеству, твердости духа, смѣлости и силѣ. Притомъ же и душа его была властолюбива... Онъ былъ замѣчателенъ по высотѣ роста, крѣпости мышцъ, по пріятности лица... Онъ также имѣлъ душу мужественную и неустрашимую. Вообще, въ стремленіяхъ и взглядѣ его виднѣлось нѣчто властительское»...

И вотъ всѣ эти замѣчательные люди, вмѣсто того, чтобы сообща служить родинѣ, рѣжутся 1000 лѣтъ между собою. Вотаніатъ низвергаетъ Дуку, Алексѣй Комнинъ, для Вотаніата, уничтожаетъ Вріеннія и Василаки, а потомъ для себя низвергаетъ Вотаніата и т. д. Они рѣжутся, ослѣпляютъ другъ друга, и въ этихъ междуусобицахъ самозванныхъ «избранниковъ» проходитъ половина жизни Византіи и систематически надрывается ея сила.

XXVI.

Борьба за власть.

При крайней неясности права на императорскую власть, это глубоко бюрократическое государство, не допускавшее никакой соціальной организаціи, какъ бы исключало народъ изъ числа активныхъ силъ, способныхъ поддержать власть законную и отвергнуть узурпатора. Голосъ націи былъ безсиленъ. Организованныя силы партій не боялись ея и легко позволяли себѣ бунты и заговоры.

Такими активными политическими силами являлись чиновничество, съ Сенатомъ во главѣ, и войска. Имъ принадлежатъ почти всѣ перевороты, иногда изумительные по наглости узур-

*) Анна Комнина. „Сокращенное сказаніе", часть I, стр. 20—31.

націи. Такъ безусловно беззаконный бунтъ ничтожнаго отряда, предводимаго безпутнымъ, грубымъ солдатомъ, Фокой, низвергъ почти моментально одного изъ лучшихъ императоровъ, Маврикія, при чемъ были перебиты какъ самъ онъ, такъ и семь человѣкъ его сыновей.

Войско въ Византіи тоже не было національнымъ. Оно составлялось изъ разнообразнѣйшихъ наемныхъ иноплеменниковъ, а отчасти составляло особое сословіе, надѣленное землями и взамѣнъ того обязанное военной службой. Это сословіе пополнялось не только иноплеменниками, но даже плѣнными. Какой нибудь императоръ забиралъ тысячи плѣнныхъ «скифовъ», а затѣмъ поселялъ ихъ на земляхъ военнаго сословія и зачислялъ въ свои войска. Понятно, какъ мало общаго имѣли такія войска съ византійской націей. Они за деньги поддерживали императоровъ. Но собственно законность, легитимность власти, была для этихъ людей совершенно чужда.

Единственно болѣе національная часть войскъ, хотя неблестящая въ боевомъ отношеніи, были такъ называемые «безсмертные», вербуемые изъ чисто гражданскаго населенія.

Любопытно, что именно у нихъ и было болѣе развито легитимное чувство. Когда, напримѣръ, взбунтовавшійся Алексѣй Комнинъ подходилъ къ Константинополю, то рѣшилъ напасть на ту часть городскихъ стѣнъ, гдѣ были разставлены нѣмцы, а не на ту, гдѣ стояли «безсмертные». «Потому что безсмертные,—поясняетъ Анна Комнина,—какъ туземные подданные царя, необходимо были къ нему болѣе расположены, и лучше отдали бы за него жизнь, чѣмъ согласились бы сдѣлать что-либо злое противъ него»... *).

Но безсмертные были ничтожнымъ отрядомъ даже тогда, когда возникли. А вообще войско Византіи было совершенно не національнымъ.

Впрочемъ въ Византіи войско было гораздо сильнѣе подчинено чиновничеству, чѣмъ въ старомъ Римѣ. Съ этой стороны византійская бюрократія была искуснѣе и умѣла держать

*) Анна Комнина, часть I, стр. 116.

арміи подъ своей командой. Большая часть переворотовъ византійскихъ имѣли своей движущей силой разныя котеріи правящаго міра.

Заговоры и попытки переворотовъ были въ Византіи чуть не постоянной нормой политики. Нѣтъ ни одного царствованія, свободнаго отъ этой язвы, отъ этого вѣчнаго кошмара. Если не считать неудавшихся попытокъ, то все же за 1123 года существованія имперіи въ ней произошло 25 перемѣнъ династій. Изъ 25 лицъ, произведшихъ эти перевороты, 10 человѣкъ не успѣли утвердиться достаточно для основанія своей династіи. Всѣ они управляли недолго: отъ 6 мѣсяцевъ до 8 лѣтъ. Но если узурпаторъ успѣвалъ достаточно утвердиться, то клалъ начало своей династіи. Должно замѣтить, что въ первые 512 лѣтъ имперіи, до торжества православія, власть была еще менѣе прочна. Съ окончательнымъ торжествомъ православія она нѣсколько упрочилась. Въ свою очередь и первый періодъ Византіи по прочности власти всетаки превосходилъ старую Римскую имперію.

Византія значительно улучшила положеніе. Однако, въ первую эпоху ея на престолѣ перебывало 17 династій съ 43 императорами. Вторая эпоха (842—1453 гг.) болѣе стойка политически. Она имѣла лишь 8 династій съ 43 императорами. За первую эпоху среднее царствованіе составляло 11 лѣтъ, за вторую—14.

Но всѣ эти перемѣны къ лучшему не измѣняли кореннымъ образомъ основного тона политической жизни, постоянно полной заговоровъ и переворотовъ, кровавыхъ расправъ. Едва половина (41 человѣкъ) царствовавшихъ лицъ получили власть по наслѣдству, 29 человѣкъ захватили власть посредствомъ бунта и заговора. 34 императора были низвергнуты, при чемъ 12 были убиты, 3 отравлены, 5 ослѣплены, остальные заточены въ монастыри или тюрьмы... При этомъ при каждомъ переворотѣ и при каждомъ усмиреніи попытки къ нему ослѣплялось и убивалось множество родственниковъ царствующихъ лицъ или претендентовъ, защитниковъ царя или сторонниковъ претендента...

Эта постоянная борьба за власть, заговоры, покушенія— естественно принуждали власть къ бдительности и подозрительности. Общая взаимная недовѣрчивость, оправдываемая на каждомъ шагу фактами, порождала интриги, коварство, лживость, наконецъ, жестокость. Силился ли кто захватить власть или боролся за ея удержаніе—всѣ одинаково развивали эти качества въ себѣ и другихъ. Сначала, когда въ Византіи почти не было и мысли о наслѣдственности власти — въ переворотахъ замѣчается жестокость скорѣе по увлеченію въ борьбѣ. Но когда наслѣдственность стала давать нѣкоторые лишніе шансы на престолъ—является жестокость по расчету, иногда даже по необходимости. Приходилось уже губить другого, чтобы не погибнуть самому. Приходилось губить по подозрѣнію не явнаго врага, а только возможнаго... Отсюда угрожаемый самъ по себѣ, быть можетъ, и не отваживавшійся на заговоръ, принужденъ бывалъ прибѣгнуть къ этому, чтобы спасти себя. Такова была исторія и Алексѣя Комнина, который рѣшился на возстаніе, потому что ему угрожало ослѣпленіе со стороны подозрѣвающаго его царя.

Первоначально бывали попытки устранить конкурента безъ убійства, а посредствомъ, напримѣръ, монастыря или опозоренія. Такъ было при Гераклидахъ (610—711 гг.). Гераклеону отрѣзали только носъ, въ надеждѣ, что человѣкъ съ такой мѣткой ужъ не попадетъ въ императоры. Но чрезъ 50 лѣтъ такое средство уже не дѣйствовало. Юстиніанъ II, подвергнутый также отрѣзанію носа, показалъ, что̀ значитъ оскорблять человѣка, не лишая его физической способности отомстить. Убѣжавъ черезъ 10 лѣтъ изъ ссылки, онъ захватилъ отнятую у него власть и жесточайшей тираніей расплатился за обиду. Такимъ образомъ убійства и ослѣпленія при постоянныхъ переворотахъ навязывались сами собой.

Система привлеченія, къ престолу способныхъ и энергическихъ людей принесла плоды, и византійскій политическій міръ блещетъ такими необычайными талантами и особенно энергіей, какъ, быть можетъ, ни въ одной странѣ міра. При невысокой нравственности, при страшномъ пре-

обладаніи хитрости и даже коварства, византійскіе политиканы поражаютъ энергіей и какой-то неукротимой органической силой. Ихъ ничѣмъ невозможно было усмирить. Они убѣгали изъ тюремъ, уходили и изъ монашества. Даже ослѣпленные мечтали всетаки о царствѣ, и добивались царства, не говоря уже о томъ, что играли крупную государственную роль на министерскихъ постахъ, какъ, напримѣръ, Филантропинъ. Культомъ способностей Византія умѣла привлечь къ политикѣ людей необычайной силы, которые вѣрили въ себя съ безусловностью «сверхчеловѣковъ», и, дѣйствительно, представляютъ совершенно неслыханные образчики силы, какъ, напримѣръ, Андроникъ Комнинъ (Тиранъ) или Михаилъ Палеологъ, не говоря о рядѣ такихъ людей какъ Цимисхій.

Но вѣчная жестокая борьба, пріучая къ неразборчивости средствъ, и при ослабленіи и заглушеніи голоса общественнаго мнѣнія, страшно развращала ихъ постоянной дилеммой: владѣть всѣмъ или погибнуть жалкимъ, ослѣпленнымъ или изуродованнымъ рабомъ.

Иногда даже люди высокой души, полной нравственнаго достоинства, принуждены были идти путями грязи и преступленія, какъ Тиверій и Василій Македонянинъ. Преобладаніе личнаго элемента надъ общественнымъ, постоянно губило Византійское государство. Въ самыя послѣднія времена Византіи, силы страны, угрожаемой турками, были подорваны окончательно возстаніемъ Кантакузена—по мотивамъ чисто личнымъ, хотя это былъ человѣкъ рѣдкой душевной высоты и соединялъ въ себѣ всѣ качества нравственности и талантовъ.

Эта борьба за власть извратила Византійскую государственность и погубила государство. Начало же ея крылось въ римскихъ традиціяхъ власти, а причина пышнаго развитія — въ томъ, что строй бюрократическій не далъ возможности развиться строю соціальному, вслѣдствіе чего истинная монархія, которая посылась передъ взорами Константина и возможность которой открывало христіанство — не могла осуществиться въ Византіи.

XXVII.

Исчезновеніе патріотизма.

Каждый Византійскій монархъ, не имѣя твердой опоры въ въ дезорганизованномъ обществѣ, долженъ былъ охранять себя самъ, своимъ умомъ, своей хитростью, гвардіей, полиціей и держался непрочно. Легкость заговоровъ и переворотовъ деморализировала правящій слой, чиновный, служебно-аристократическій, и давала ему множество способовъ держать Автократора въ своихъ рукахъ. Имѣя такую власть, бюрократическій слой держалъ въ рукахъ и дезорганизованную націю вслѣдствіе чего могъ позволять себѣ всякія хищенія и насилія. Отрѣзанный отъ народа, Автократоръ не могъ даже услѣдить за своей бюрократіей, ибо не имѣлъ того величайшаго средства контроля за управительной машиной своей, какой составляетъ наблюденіе управляемыхъ.

О Византійскомъ чиновничествѣ нельзя думать хуже чѣмъ о какомъ другомъ. Въ этой бюрократіи собирались люди большихъ способностей. Немало можно указать въ ней даже высокаго сознанія долга. Но ненормальное положеніе—единственныхъ владыкъ государства, развращало и добродѣтельныхъ людей. Грабежи византійскихъ чиновниковъ иногда безпримѣрны. На нихъ жаловались Императоры съ самаго начала, но никогда не могли исправить своихъ слугъ.

Они иногда внушали и самимъ императорамъ совершенно невѣроятные поступки. Такъ извѣстный взяточникъ Коденъ далъ Михаилу Палеологу идею, вмѣсто взиманія налоговъ съ крупныхъ землевладѣльцевъ Малой Азіи—брать въ казну всѣ доходы съ ихъ имѣній, а собственникамъ выплачивать пенсіи въ 40 золотыхъ (600 франковъ) въ годъ. Этотъ неслыханный грабежъ, обогатившій болѣе Кодена нежели императора, былъ прекращенъ только братомъ Палеолога *)

*) Лебо, т. XVIII, стр. 151.

Если были возможны такіе факты, то излишне упоминать о взяточничествѣ. Въ результатѣ государство, представлявшееся въ концѣ концовъ только въ видѣ этой чиновнической организаціи—теряло симпатію подданныхъ.

Но и сами граждане, отвыкая собственными усиліями и надзоромъ поддерживать между собою должную справедливость, развращались. Каждому начинало казаться, что дѣло справедливости—какое то чужое дѣло, не касающееся его. Постоянное зрѣлище злоупотребленій и неправды—подрывало вѣру народа въ государство, разъединяло его съ государствомъ и нравственно. Все это и назрѣвало постепенно въ Византіи. Оставался живъ еще только идеалъ Царя, потому что онъ связывался съ религіозными представленіями. Также и въ самомъ Автократорѣ религіозное чувство, сознаніе миссіи «Божія служителя» поддерживало готовность охранять справедливость. Но возможности на это онъ имѣлъ очень мало. Въ каждую же минуту испытанія, которыхъ у Византіи было такъ много, общая дезорганизація націи и ея разобщенность съ государствомъ сказывались самымъ тяжкимъ образомъ.

Эта дезорганизація вполнѣ назрѣла въ эпоху перваго крушенія Византіи, при завоеваніи крестоносцами. Бюрократическій слой показалъ себя тѣмъ, чѣмъ и былъ: насквозь прогнившимъ. Онъ всегда смѣшивалъ государство съ самимъ собой, и служилъ государству—служа себѣ. Когда государство рушилось—чиновничество показало себя вполнѣ измѣнническимъ въ отношеніи націи. Нація же оказалась, во-первыхъ, лишенной самомалѣйшихъ центровъ организаціи, а потому неспособной поддержать государство, а, во-вторыхъ, въ ней проявился полный индифферентизмъ даже къ поддержанію такого государства.

Не говорю о поразительной легкости самаго завоеванія Константинополя крестоносцами, которые даже не представляли себѣ возможнымъ взятіе города. Только трусливая деморализація населенія показала крайнюю легкость кажущеся—невозможнаго дѣла. Это, допустимъ, еще объясняется безумно-преступнымъ поведеніемъ обоихъ императоровъ. «Сонливость и безпечность

управлявшихъ тогда Римскимъ государствомъ, говоритъ современникъ и свидѣтель, сдѣлали ничтожныхъ разбойниковъ нашими судьями и карателями» *).

Но самое отношеніе значительной части населенія къ происшедшей катастрофѣ высоко характеристично. Когда несчастныя толпы ограбленныхъ и измученныхъ жителей бѣжали изъ города, то уже въ ближайшихъ мѣстностяхъ, разсказываетъ Хоніатъ, «земледѣльцы и поселяне вмѣсто того, чтобы вразумиться бѣдствіями своихъ ближнихъ, напротивъ жестоко издѣвались надъ нами, Византійцами, неразумно считая наше злополучіе въ бѣдности и наготѣ—уравненіемъ съ собою въ гражданскомъ положеніи. Многіе изъ нихъ, беззаконно покупая за безцѣнокъ продаваемыя ихъ соотечественниками вещи, были въ восторгѣ отъ этого и говорили: «слава Богу, вотъ и мы обогатились»... Вообще «люди низшаго сословія и рыночные торговцы спокойно занимались своими дѣлами». Чтобы образумить ихъ, потребовалось жестокое грабительство со стороны крестоносцевъ. Тотъ же Хоніатъ горько жалуется и на встрѣчу его въ Никеѣ, куда онъ укрылся послѣ бѣгства изъ Константинополя.

«Съ той самой поры, какъ мы поселились при Асканійскомъ озерѣ въ Никеѣ, главномъ городѣ Вифиніи, мы, на подобіе какихъ то плѣнниковъ, не имѣемъ ничего общаго съ этимъ народомъ, кромѣ земли по которой ходимъ и Божіихъ храмовъ, оставаясь во всемъ прочемъ внѣ всякаго соприкосновенія». «Не того, говоритъ Хоніатъ, совсѣмъ не того ожидалъ я сначала, иначе я бы и не перебирался на Востокъ... Между прочимъ они приписываютъ потерю Константинополя намъ, членамъ Сената,» замѣчаетъ злополучный бѣглецъ.

«Этотъ безчувственный народъ, прибавляетъ онъ, не только не желаетъ возвращенія Константинополя, но упрекаетъ напротивъ Бога, почему Онъ давно, почему Онъ еще жесточе не поразилъ Константинополь и вмѣстѣ съ нимъ насъ, но отлагалъ казнь, доселѣ щадилъ, терпѣлъ человѣколюбиво»... По-

*) Никита Хоніатъ, „Исторія“, томъ II, стр. 318. Тамъ же стр. 348—349.

этому вмѣсто выраженія сочувствія горю «они еще осыпаютъ насъ насмѣшками»...

Должно вспомнить, что населеніе Виѳиніи—было, однако, не какимъ-нибудь отпѣтымъ—но показало себя наиболѣе патріотичнымъ, и именно въ этомъ осколкѣ имперіи Ласкарисы успѣли возсоздать греческое государство (Никейская имперія). Но, какъ видимъ, этому наиболѣе порядочному населенію Византійскій строй и дѣятели казались прямо преступными, заслуживающими самой жестокой кары Божіей.

Завоеваніе остальныхъ областей имперіи, послѣ паденія Константинополя, совершилось съ поразительной быстротой и легкостью. Повсюду видимъ одну картину. Служилый слой показалъ себя продажными наемниками, и, тотчасъ послѣ паденія отечества, повсюду предлагалъ свои услуги новымъ господамъ, возбуждая ихъ полное презрѣніе.

Императоръ Балдуинъ, отправившись на завоеваніе западной части имперіи, тотчасъ нашелъ «Римлянъ военнаго и гражданскаго званія, предложившихъ ему свои услуги», которыя онъ впрочемъ съ презрѣніемъ отвергъ. Когда маркизъ Бонифацій, для болѣе легкаго захвата византійскихъ областей, обманно провозгласилъ Императоромъ Мануила, сына своей жены, прежде бывшей замужемъ за Исаакомъ Ангеломъ и имѣвшей отъ него этого Мануила—его сопровождали «нѣсколько человѣкъ Римлянъ (т. е. Византійцевъ), преимущественно знатныхъ фамилій, по обманчивой и коварной видимости, привлекая расположеніе областей, будто бы къ этому отроку, облеченному въ царскую порфиру, а въ дѣйствительности служа проводниками и руководителями въ дѣйствіяхъ Маркизу и Латинянамъ, и такимъ образомъ являясь предателями отечества».

Подъ дѣйствіемъ этого обмана Фракійцы, Македоняне и жители Эллады съ радостью впускали къ себѣ враговъ думая, что принимаютъ своего греческаго императора. «Такимъ образомъ Маркизъ овладѣлъ безъ сопротивленія доблестнѣйшими народами и могущественнѣйшими городами».

Вообще люди правящаго слоя, всѣхъ чиновъ Византійской бюрократіи, соперничали въ гнуснѣйшей подлости.

Императоръ Алексѣй III, братъ Исаака Ангела, бѣжалъ. И вотъ «Римляне сопровождавшіе Царя—то были большею частью люди знатнаго происхожденія, извѣстные военнымъ искусствомъ—также пошли къ маркизу Бонифацію и предложили ему свои услуги». Маркизъ отклонилъ предложеніе. Тогда они подали прошеніе о принятіи ихъ на службу къ Императору Балдуину, а когда и онъ не пожелалъ ихъ купить, эти доблестные «Римляне» обратились къ Іоанну Мизійскому, начинавшему въ это время войну противъ Балдуина *).

Эти позорныя сцены не были чѣмъ нибудь исключительнымъ. Такая же повальная измѣна замѣчалась въ Азіи во время успѣховъ турокъ. Константинополь, центръ и представитель этого строя, возбуждалъ въ концѣ концовъ недовѣріе даже у людей, искренно преданныхъ монархамъ.

Когда Стратигопулъ, при Михаилѣ Палеологѣ, взялъ у крестоносцевъ Константинополь—и дворъ Императора со всей Никейской имперіей ликовали—Ѳеодоръ Торникъ заплакалъ. Это былъ мудрый старецъ, знаменитый родомъ и заслугами въ дѣлѣ возстановленіи имперіи въ Никеѣ... Съ грустью онъ произнесъ пророческія слова:

«Имперія погибла!»

На изумленные вопросы окружающихъ о мрачныхъ словахъ его въ столь радостную минуту торжества, Торникъ отвѣчалъ, что теперь у грековъ опять все придетъ къ развращенію. «Злополучная судьба государствъ, сказалъ онъ: все доброе исходитъ изъ деревни и сначала даетъ блескъ столицѣ, но въ столицѣ все портится и возвращаетъ обратно только пороки и бѣдствія» **).

Вотъ какой пессимизмъ возбуждался въ лучшихъ людяхъ Византіи въ отношеніи Византійской государственности. А между тѣмъ они и до конца не замѣтили, что дѣло не въ «деревнѣ» и «столицѣ», а въ томъ, что въ Никейскія времена Автократоръ, спасаясь въ глуши, поневолѣ жилъ съ народомъ

*) Эти подробности см. у Хоніата.

**) Лебо, т. XVIII, стр. 94.

и свое управленіе строилъ на соціальныхъ силахъ. Онъ это могъ бы дѣлать и въ Константинополѣ, если бы только «абсолютистская» идея не толкала его наоборотъ въ крайности бюрократическаго режима.

XXVIII.

Причины гибели Византіи.

Византійское государство прожило съ лишнимъ 1000 лѣтъ. Нѣкоторые считаютъ это срокомъ достаточно продолжительнымъ, и даже видятъ въ немъ указаніе на совершенство государства. Съ этимъ, однако, нельзя согласиться.

Та національность, съ которой было связано Византійское государство—то-есть греки средневѣковаго періода, не погибла и не уничтожилась съ насильственнымъ прекращеніемъ Византійскаго государства. Напротивъ, эта національность обнаружила большую живучесть и умѣла даже при турецкомъ владычествѣ сохранить почти господствующую роль на пространствѣ прежней своей имперіи. Нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы эта національность не могла поддержать своего государственнаго существованія хотя бы и до настоящаго времени. Нельзя также сказать, чтобы Византійское государство было уничтожено внѣшней необоримо сильной національностью. Турки не представляли никакой особенной матеріальной силы по своей малочисленности. Византія имѣла, до пришествія турокъ, долгія сотни лѣтъ, въ теченіе которыхъ могла бы претворить въ свою національность и втянуть въ свою государственность множество свѣжихъ и сильныхъ племенъ. Она могла бы это сдѣлать, если бы имѣла внутреннюю силу ассимиляціи, и если этого не сдѣлала, то по нѣкоторому внутреннему безсилію, а не по причинѣ внѣшнихъ необоримыхъ противодѣйствующихъ силъ.

Въ исторіи Византіи весьма достопримѣчательна пассивность въ отношеніи внѣшняго расширенія своихъ областей и

были направлены къ тому, чтобы удержать отъ расхищенія то, что она имѣла и, если возможно, возвратить обратно римское наслѣдіе... Тѣнь древняго разрушающагося Рима тяготѣла надъ ней съ начала до конца.

Причины этого консерватизма, очевидно, были не религіознаго характера. Христіанство—религія наиболѣе универсальная и потому наиболѣе полна духа прозелитизма. Какъ европейскія государства, такъ и Россія служатъ живымъ примѣромъ того, до какой степени христіанство способствуетъ національному расширенію народовъ и образованію сложныхъ національностей изъ племенъ даже далеко не родственныхъ. Христіанская идея царя, «Божія служителя», давала для этого Византіи могучій объединяющій принципъ, чуждый племенныхъ или сословно-партійныхъ суживающихъ тенденцій. И оба эти фактора,—религія и царскій принципъ,—дѣйствительно, сослужили Византіи огромную службу. Ими она и держалась, и въ нихъ находила жизненность.

Но дѣло въ томъ, что Византійская государственность лишь въ очень малой степени строилась на идеѣ царя—Божія служителя. Эта идея только освятила абсолютистскую власть, которая, однако, не получила перестройки сообразно съ ней, а сохранила юридически старо-римскій смыслъ.

Императоръ остался тѣмъ, чѣмъ былъ въ Римѣ: абсолютной управительной властью, вслѣдствіе чего сосредоточивалъ въ себѣ не одно направленіе дѣлъ, а все ихъ производство. Различія между посредственными и непосредственными функціями верховной власти въ Византіи осталось неизвѣстнымъ. Отсюда явилось развитіе бюрократизма.

Государство тутъ строилось не изъ націи, а образовало особую правящую корпорацію чиновниковъ-политикановъ, которые дѣйствовали отъ имени императора, но въ то же время сами создавали императоровъ.

Отсюда являлся цѣлый рядъ золъ:

Императорская власть, будучи всеобъемлющею, не была самостоятельною, не могла получить характера верховной. Она

не могла имѣть должнаго контроля за управленіемъ. Она отрѣзывалась отъ народа. Въ результатѣ, нравственный характеръ власти могъ сохраняться лишь постольку, поскольку это успѣвала дѣлать Церковь. Но постоянные перевороты выдвигали людей такого типа, который вовсе не легко поддается нравственно-религіозному воздѣйствію. Такимъ образомъ, даже и съ точки зрѣнія нравственной, произволъ въ Византіи не былъ надежно обуздываемъ.

Бюрократія сама тоже чрезвычайно развращалась отъ своего же всесилія, отъ отсутствія общественнаго контроля, отъ неимѣнія обществомъ никакихъ органовъ, способныхъ помочь верховной власти контролировать и обуздывать бюрократію. Вся такая политическая обстановка дѣйствовала, наконецъ, деморализующе и на само общество, отчуждавшееся отъ государства.

Такимъ образомъ, роковымъ обстоятельствомъ въ Византійской государственности было отсутствіе или чрезмѣрная слабость строя соціальнаго. Отъ этого портилась вся машина государственнаго дѣйствія, и отъ этого же Византія теряла способность ассимилирующаго воздѣйствія на народности, входящія въ составъ имперіи, или ее окружавшія. Византійская государственность не привлекала къ себѣ эти народы, напротивъ, являлась для нихъ антипатичною, какъ сила только эксплуатирующая, но не дававшая почти ничего, и сверхъ того сулящая народностямъ имперіи только порабощеніе чиновничествомъ. Соціальныя силы всякой провинціи, всякой народности, при включеніи въ составъ имперіи, обречены были на захиреніе и уничтоженіе. Но при такомъ условіи, самостоятельнаго стремленія быть съ Византіей, войти въ ея составъ, не возникло и не могло возникать нигдѣ. И хоть въ результатѣ общая схема жизни имперіи состояла въ томъ, что имперія постепенно уменьшалась, теряла область за областью, на минуту кое-что расширяла, но потомъ опять шла на убыль. Количественная сила имперіи постоянно уменьшалась. И чѣмъ слабѣе количественно она становилась, тѣмъ тяжелѣе дѣлалось для населенія содержать грузную бюрократическую адми-

нистративную машину Византіи. Такой ходъ эволюціи неизбѣжно предсказывалъ роковую развязку. Сила турокъ могла развиться только потому, что на это имъ дало возможность растущее захирѣніе самой Византіи.

Политическая смерть Византіи, такимъ образомъ, всецѣло обусловилась недостатками ея государственной системы, не только не развивавшей соціальнаго строя, но даже всѣми силами не дававшей ему развиваться. Религіозное начало нѣсколько парализовало злополучныя тенденціи бюрократическаго строя, задушавшаго то, на чемъ вырастаетъ сила государствъ: строй соціальный. Церковь, насколько это ей свойственно, замѣняла собой недостатокъ соціальной связи. Церковь, насколько это возможно для нравственно-религіознаго вліянія, оздоровляла нравы, развращаемые политической системой. Церковь, наконецъ, придала императорамъ до нѣкоторой степени значеніе верховной власти.

Но старо-римскій абсолютизмъ, неизбѣжно рождающій централизацію и бюрократію, не далъ возможности византійскому Автократору развиться въ истинную верховную власть, направляющую управленіе, производимое ею посредствомъ всѣхъ соціальныхъ и политическихъ силъ націи, а не одной бюрократіи.

Этимъ и обусловилась гибель Византійской государственности, не умѣвшей пользоваться соціальными силами.

Настоящій типъ монархической верховной власти, опредѣляющей направленіе политической жизни, но въ дѣлѣ управленія строющей государство на націи, живой и организованной—этотъ типъ государственности суждено было, впослѣдствіи, развить Московской Руси, взявшей, благодаря урокамъ Византіи, монархическую верховную власть въ основу государства, а въ своемъ свѣжемъ національномъ организмѣ нажитой могучія силы соціальнаго строя, въ союзѣ съ которыми монархъ и строилъ свое государство.

ОТДѢЛЪ IV.

Церковная идея въ Европейской монархіи.

XXIX.

Общая почва Европейской монархіи.

Христіанская государственная идея, пришедшая въ міръ съ Константиномъ, отразилась на Западно-Европейскихъ государствахъ такъ же, какъ на Византіи и Московской Россіи. Въ Западно-Европейской государственности монархическое начало также получило безусловно преобладающее значеніе. Небольшіе очаги республиканскаго строя не только составили незначительное исключеніе, при развитіи Европейской государственности, но сверхъ того они не были идейно вліятельны, такъ что исторія Европейской государственности совпадаетъ съ эволюціей монархическаго начала.

Но монархія въ Европѣ явилась при особой комбинаціи условій зарожденія и развитія, которая отличается и отъ византійскихъ, и отъ московско-русскихъ условій.

Главнѣйшія условія, опредѣлившія развитіе Европейскихъ монархій, сводятся къ слѣдующимъ:

1) Могучій соціальный строй племенъ германскихъ, смѣнившихъ своими государствами разрушившуюся Римскую имперію. 2) Вліяніе христіанской идеи царя—Божія служителя, охранителя высшей правды. 3) Огромное вліяніе римской им-

нераторской доктрины, систематически прививавшейся новымъ молодымъ государствамъ Европы всѣми образованными ихъ элементами. 4) Римско-католическое истолкованіе отношеній государственно-церковныхъ.

Римская доктрина государственности была основана на принципѣ абсолютной власти государства. Носителемъ этой власти въ императорскій періодъ былъ Цезарь, но собственно въ качествѣ делегата Сената и народа. Это была власть республики, переданная въ руки единоличной власти. При самомъ возникновеніи Европейскихъ монархій, всѣ образованные организаторы ихъ переносили то же понятіе и на вновь явившихся императоровъ и королей Европы. Но эти императоры и короли въ дѣйствительности были созданы иными силами, подъ вліяніемъ которыхъ и находились. Эти князья созданы были родовымъ строемъ германскихъ племенъ и, какъ начальники ихъ, носили иной характеръ. Абсолютной власти они не имѣли, но за то носили въ себѣ нѣкоторые элементы власти верховной. Съ выдвинувшими ихъ народными соціальными силами короли (и императоры) должны были считаться во всемъ своемъ управленіи, которое принуждено было опираться на внутреннія силы соціальнаго строя.

Европейскія націи, при началѣ своей государственности, были проникнуты могучимъ самоуправленіемъ. Оно могло имѣть и болѣе аристократическій и болѣе демократическій характеръ. По грубости нравовъ, по различію интересовъ разныхъ частей націй, по случайнымъ условіямъ завоеванія, власти и подчиненія—эти разнообразныя организованныя ячейки государственности не только боролись между собой, но даже могли вырабатывать цѣлую систему порабощенія однихъ другими. Но при всемъ томъ, новыя націи были насквозь проникнуты элементами внутренней организаціи, которая объединяла даже порабощенныхъ крестьянъ. Внѣшне порабощенные, даже они хранили внутреннюю организацію, нерѣдко вступали съ феодальными владыками въ договорныя отношенія и т. д. Вообще всѣ части новыхъ европейскихъ націй были полны внутреннихъ силъ живыхъ, дѣйствующихъ коллективно, самоуправляющихся.

Невелика была власть короля въ этомъ кипучемъ, самовольномъ строѣ. Но идея его, какъ высшаго родового владыки, вождя на войнѣ, состояла въ охранѣ обычнаго права, обычныхъ понятій о справедливости. Онъ являлся съ функціями власти верховной, выразительницы народныхъ идеаловъ. Въ отправленіи же обязанностей поневолѣ долженъ былъ опираться на силы, дѣйствующія въ соціальномъ строѣ.

Христіанская концепція царя—Божія служителя, дополняла эту родовую монархію содержаніемъ болѣе высокимъ, налагало на Короля обязанность пещись о поддержаніи высшей правды, указываемой христіанскимъ вѣроученіемъ. Такимъ образомъ, всѣ эти соціальныя и нравственно-религіозныя условія стремились къ выработкѣ монархіи именно въ смыслѣ власти верховной—все направляющей, контролирующей съ точки зрѣнія высшей правды.

Образчикомъ тенденцій этихъ основныхъ, естественныхъ силъ соціальнаго строя и духа христіанства, является монархія Карла Великаго, оставшаяся на долгіе вѣка идеаломъ Западно-Европейской государственности.

Что такое представляетъ власть Карла Великаго? Онъ былъ верховной властью, и на Западѣ представляетъ въ государственномъ отношеніи наслѣдника Константиновой идеи. Подобія ему нельзя найти на Востокѣ нигдѣ, кромѣ Московской Руси, которой Карлъ предшествовалъ нѣсколькими вѣками (его время — 768—814 г.). Карлъ Великій вступилъ на престолъ по наслѣдственному праву. Онъ титуловался: «Я, Карлъ, Божіею милостію и милосердіемъ, король и правитель королевства Франковъ, усердный защитникъ и скромный помощникъ святой Церкви»... Когда Папа предложилъ ему санъ римскаго императора, въ благодарность за его дѣйствительно неоцѣнимую помощь римскому престолу, то и это не имѣло характера вассальныхъ отношеній со стороны Карла.

Папы въ это время были еще слабы и не развили зародыша своихъ претензій до послѣдовавшихъ послѣ того крайностей. Шлоссеръ совершенно вѣрно обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что Карлъ Великій принялъ ти-

тулъ императора «отъ народа римскаго». Папа возложилъ на него знаки императорскаго достоинства, а несмѣтная толпа римскаго народа, по предложенію папы, провозгласила Франкскаго короля римскимъ императоромъ *).

Въ своемъ царствованіи Карлъ руководствовался идеалами царя—Божія служителя. Какъ онъ самъ, такъ и его народы смотрѣли на него какъ на всеобщаго, почти всемірнаго охранителя правды. Онъ слѣдитъ всюду за соблюденіемъ ея, въ томъ числѣ и со стороны самой Церкви. Его «капитуляріи» равномѣрно касаются всѣхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и епископовъ, и священниковъ. Въ «капитуляріи о церковномъ порядкѣ» Карлъ вспоминаетъ примѣръ израильскаго царя Осіи, который обходилъ Богомъ данное ему государство, исправляя его и назидая и стараясь обратить къ поклоненію истинному Богу. «Посему,—говоритъ Карлъ всѣмъ чинамъ духовнаго благочестія и властямъ свѣтскаго могущества, мы повелѣли начертать нѣсколько параграфовъ, чтобы вы позаботились ихъ имѣть въ виду»... Въ этихъ параграфахъ Карлъ напоминаетъ и обязанности епископовъ, и обязанности священниковъ, относительно ихъ власти и внутренней дисциплины, и относительно Богослуженія, и относительно различныхъ вопросовъ нравственности, во всемъ основываясь на правилахъ и повелѣніяхъ соборовъ церковныхъ. Тутъ нѣтъ нигдѣ и намека на исполненіе императоромъ роли папскаго служителя: онъ основывается на своей обязанности Божія служителя, получающаго освѣдомленіе въ правилахъ церковныхъ соборовъ.

Во всемъ видна точка зрѣнія православнаго царя—Божія служителя. Въ своихъ свѣтскихъ, гражданскихъ дѣлахъ Карлъ обнаруживаетъ заботу верховной власти о созданіи законности, но и тутъ является представителемъ духа своего народа, поскольку это возможно съ соблюденіемъ Божественной правды. «Видя большіе недостатки въ законодательствахъ его народа,—разсказываетъ Эгингардъ, его біографъ,—такъ какъ франки имѣютъ законъ двоякій (салическій и рипуарскій), весьма раз-

*) „Всемірная исторія“ Шлоссера, т. II, стр. 452.

личный во многихъ пунктахъ, Карлъ задумалъ присоединить то, чего недостаетъ, примирить противорѣчащее и исправить несправедливое и устарѣлое». Сверхъ того, онъ «приказалъ собрать и изложить письменно устные законы всѣхъ народовъ, находившихся подъ его властью».

Эта законодательная дѣятельность Карла совершалась посредствѣ народныхъ соборовъ или сеймовъ. Въ теченіе 43 лѣтъ царствованія, эти соборы собирались 35 разъ. Быть можетъ они были и чаще, потому что, по свидѣтельству современника, «въ обычаѣ того времени было дѣлать каждый годъ по два собранія». Здѣсь и подвергались обсужденію законы предлагаемые королемъ. По мнѣнію Гизо, и сами члены собраній могли дѣлать предложенія, какія имъ казались полезными.

Вотъ изображеніе техники этихъ соборовъ, по описанію архіепископа Гинкмара (882 г.), сдѣланному для наученія Карломана.

«Получивъ отъ Карла сообщеніе, они (члены собора) разсуждали день, два или три и даже болѣе, смотря по важности дѣла. Дворцовые вѣстники, ходя взадъ и впередъ, представляли королю ихъ запросы и приносили имъ отвѣты. Ни одинъ посторонній не допускался въ среду ихъ собранія, пока результаты совѣщаній не могли быть представлены на разсмотрѣніе великому государю, и онъ съ мудростью, которою наградилъ его Богъ, давалъ свое рѣшеніе, которому всѣ повиновались».

Такимъ образомъ собранія были широко совѣщательныя, а рѣшающій голосъ принадлежалъ Карлу.

Гинкмаръ разсказываетъ, что пока эти обсужденія производились безъ короля, онъ самъ находился среди лицъ, сошедшихся для собранія, бесѣдовалъ съ ними, людьми всякаго возраста и чина. Если кто либо желалъ изложить свои мнѣнія лично королю—Карлъ выслушивалъ его и допускалъ даже споры. Здѣсь бывало и много постороннихъ лицъ. Карлъ очень заботливо разспрашивалъ всѣхъ о дѣлахъ въ ихъ провинціяхъ. Дѣлать государю сообщенія и доносы о состояніи дѣлъ

не только дозволялось, но присутствовавшимъ даже вмѣнялось въ обязанность собирать всѣ свѣденія, которыя могутъ быть нужны монарху о состояніи королевства *).

Итакъ мы видимъ непрерывное общеніе верховной власти съ подданными, съ ихъ свѣдѣніями, нуждами и соображеніями. Эта картина не имѣетъ ничего общаго съ позднѣйшими временами абсолютизма и бюрократіи, задушившими монархію.

Въ самомъ управленіи государствомъ, Карлъ также былъ тѣсно связанъ съ народными силами. Его администрація была двоякаго рода. Отчасти управительныя лица были мѣстныя: сюда относились герцоги, графы, сотники, присяжные, которые назначались или самимъ императоромъ или его довѣренными лицами. Точно также вассалы императора, съ полученіемъ земель, получали права и обязанности мѣстной юрисдикціи. Кромѣ этихъ мѣстныхъ лицъ, у Карла были еще государевы посланцы—это были уже чиновники контролеры, все осматривавшіе и доносившіе императору. Итакъ, тутъ складывался чисто монархическій строй, основанный на тѣсномъ сближеніи верховной власти съ національными силами, строй проникнутый самоуправленіемъ, служащимъ основой для управленія.

Но эти «естественныя» основы, выдвигаемыя духомъ народнаго строя, при всей своей драгоцѣнности, не прочны, пока духъ не закрѣпляется въ сознаніи, не создаетъ сознательной доктрины политики.

Для устроенія государства недостаточно общихъ настроеній и вдохновеній. Нужна система, которую даетъ только сознательно продуманная стройная доктрина.

И понятно, что императоры и короли немедленно почувствовали въ ней надобность, даже болѣе того: они не могли не подчиниться ей.

Но политической доктриной они имѣли передъ собой только ученіе Римско-императорской государственности, которая, облекая ихъ огромными правами, крыла однако въ себѣ отрицаніе верховенства власти монарха.

---

*) М. Стасюлевичъ, „Исторія среднихъ вѣковъ“, т. II.

Необходимость осуществлять христіанскую идею правды—необходимость, которую короли чувствовали въ своей совѣсти и въ совѣсти народовъ своихъ—ставила задачу опредѣлить отношенія государства къ церкви, хранительницѣ христіанскихъ идеаловъ. Но здѣсь выступала римско-католическая доктрина государственнаго главенства церкви, и эта доктрина сыграла въ эволюціи европейской монархіи огромную и, вообще говоря, очень печальную роль.

Въ нижеслѣдующемъ мы не будемъ слѣдить за исторической картиной развитія государственно-церковныхъ отношеній въ Европѣ: эта необъятно-сложная картина потребовала бы болѣе мѣста, чѣмъ можно дать по непосредственной главной цѣли моей работы. Я ограничусь лишь обрисовкой тѣхъ двухъ типовъ государственно-церковныхъ отношеній, къ которымъ пришли европейскіе народы, соотвѣтственно съ тѣмъ, въ какихъ формахъ у нихъ сложилось пониманіе церкви.

Въ этомъ пониманіи сущности церкви, и въ возникающихъ отсюда отношеніяхъ власти государственной и церковной—состоитъ главнѣйшее различіе Западной и Восточной Европы.

XXX.

Римская идея церкви. Борьба церкви и государства.

Естественно что въ самомъ Римѣ и странахъ сопредѣльныхъ, наиболѣе латинизированныхъ, идея императорской власти, какъ делегаціи народнаго самодержавія, жила наиболѣе крѣпко, и потому въ христіанскій періодъ именно въ западной Европѣ, сначала римско-католической а потомъ протестантской, яснѣе всего выразились идеи какъ—Папоцезаризма, какъ и обратно—Цезаропапизма.

Не отличая «націи» отъ «церкви», естественно было счесть императорскую власть делегаціей «церкви», то есть церковной власти. Значеніе этой церковной власти приняли на себя римскіе папы. Отсюда—императорская власть стала разсма-

триваться какъ делегація папы. Папа замѣнилъ собою римскій сенатъ и народъ.

Все это хорошо видно въ первые же моменты проявленія этой идеи. Пипинъ Короткій спрашиваетъ Папу Римскаго, кто долженъ быть государемъ — онъ или прежній, родовой король, и Папа назначаетъ королемъ Пипина. Такъ въ 751 году былъ рѣшенъ вопросъ о томъ, что не народное, но папское избраніе даетъ право на престолъ. Въ это же время, отнимая отъ лонгобардовъ земли въ пользу папы, Пипинъ совершенно безразлично употребляетъ выраженія, что даетъ эти земли св. Петру, или римскому престолу, или римской республикѣ: это понятія уже слившіяся.

Итакъ Папа, какъ верховная власть церкви, дѣлался верховною властью государства. Съ Римской имперіи это понятіе распространилось вообще на всѣ государства, признающія церковную власть папы, а потомъ даже и вообще на весь міръ, который папа дѣлилъ, какъ ему угодно, между различными государями.

Эта идея папоцезаризма хорошо обрисована профессоромъ Суворовымъ.

Въ представленіяхъ западнаго христіанства, говоритъ онъ *), церковь мыслилась, какъ единая духовная монархія, въ которой все духовное господствуетъ надъ всѣмъ свѣтскимъ, по правилу omnia spiritualia digniora sunt temporalibus. Клиръ есть высшее сословіе церкви, учащее, освящающее и управляющее. Міряне суть низшее, повинующееся клиру. Поэтому церковь есть общество неравное (Societas inegalis). Лица коронованныя, короли и императоры, суть міряне и какъ таковые—не могутъ имѣть никакой правительственной власти въ церкви. Даже и въ свѣтскихъ дѣлахъ они должны покоряться высшему духовному руководству церковной власти, ибо какъ говорилъ Иннокентій III,—Господь предоставилъ Петру для управленія не только всю церковь, но и весь міръ—Dominus Petro non solum universam Ecclesiam, sed totum reliquit secu-

*) Н. Суворовъ. „Курсъ церковнаго права", томъ I, стр. 91—92.

lum gubernandum *). По знаменитой буллѣ Unam Sanctam, папы Бонифація VIII, 1302 года, въ рукахъ папы находятся два меча, о которыхъ говорится въ Евангеліи, и подъ которыми нужно разумѣть духовный и свѣтскій (In hac ejusque potestate duos esse gladios, spiritualem scilicet et temporalem, evangelicis dictis instruimur). Непосредственно осуществляется папой власть духовнаго меча. Матеріальный же мечъ и свѣтская власть должны находиться въ подчиненіи духовной власти. Подчиненность всякаго человѣческаго созданія папѣ есть догматъ вѣры.

Изъ этихъ посылокъ дѣлаются такіе выводы:

1) Папы имѣютъ верховную власть надъ всѣмъ міромъ и отъ нихъ Императоръ и короли получаютъ свои территоріи на ленномъ правѣ, какъ вассалы Апостольскаго престола, такъ что они подчинены папѣ и въ свѣтскихъ дѣлахъ.

2) Напротивъ того, свѣтская власть не имѣетъ права вмѣшиваться въ духовныя дѣла, напримѣръ созывать соборы и т. п.

3) Власть государственная получаетъ оправданіе и освященіе только служа духовной.

4) Законы, издаваемые свѣтской властью въ противорѣчіи съ церковными требованіями, могутъ быть кассированы папой.

5) Свѣтская власть, въ случаѣ неисполненія требованій папы, можетъ быть имъ смѣщаема, съ передачей другому лицу*).

Такимъ образомъ, при этой точкѣ зрѣнія, монархическая власть совершенно лишается значенія власти верховной. Поэтому монархія въ Европѣ не могла бы и развиваться, если бы это зависѣло только отъ папистической государственной теоріи.

Но монархія выдвигалась самимъ родовымъ строемъ, создававшимъ нѣкотораго высшаго представителя объединяющей государственной власти, хотя бы только съ характеромъ «перваго среди равныхъ». Этотъ князь родового быта во всякомъ случаѣ несъ на себѣ обязанность охранителя обычнаго права, то есть въ зародышѣ являлся охранителемъ и вы-

*) Н. Суворовъ, тамъ же, томъ II, стр. 469—470.

разителемъ идеала правды. Къ этому присоединялось вліяніе уже готовой Римской императорской доктрины, которая, не давая императору значенія верховной власти, давала ему обширнѣйшія полномочія, которымъ христіанская вѣра придавала священный характеръ отвѣтственности передъ Богомъ. Все это помогало королевской власти Запада хранить отпечатокъ власти верховной.

Наслѣдники Карла Великаго, даже съ переходомъ Императорской идеи въ Германію, вовсе не расположены были уступать свое значеніе. Попрежнему они признавали себя только защитниками и покровителями церкви. Да и мѣстныя церкви вообще не расположены были поддерживать папскихъ притязаній. Во время споровъ за инвеституру, Императоры находили себѣ поддержку въ мѣстномъ епископатѣ, да и во Франціи возобновители дѣла Карла Великаго, возстановители королевской силы, подорванной на нѣсколько времени развитіемъ феодальной аристократіи, находили въ мѣстномъ духовенствѣ горячую поддержку своихъ правъ верховной власти. Когда Людовикъ Толстый началъ усмиреніе зазнавшихся феодаловъ и созвалъ въ Мелюнѣ парламентъ для принятія мѣръ противъ владѣльца замка Пюизе, съѣхавшіеся прелаты на колѣняхъ молили короля избавить ихъ отъ притѣсненій. При этомъ они обращались къ нему, «какъ намѣстнику Божію, какъ живому образу Божества».

Вообще мѣстныя церкви и ихъ епископатъ естественно стояли за королей, и собственные интересы помогали имъ не забывать смысла христіанскаго отношенія къ государственной власти.

Но если всѣ эти обстоятельства мѣшали папской идеѣ достигнуть полнаго торжества, то въ смыслѣ вліянія на умы народа эта доктрина во всякомъ случаѣ подрывала развитіе идеи о верховной власти монарховъ. Ея вліяніе на европейскія государственныя понятія было анти-монархично. Сверхъ того она привела къ борьбѣ между церковью и государствомъ,—явленіе, оказавшее глубокое вліяніе на Европейскую государственность.

Настойчиво проводимыя папскія притязанія угрожали полнымъ порабощеніемъ государственной власти, если бы она не сопротивлялась и не защищала своихъ правъ. Если бы допустить верховную государственную власть папы, то логически развиваясь—эта идея привела бы даже къ полному уничтоженію королевской власти, съ замѣной ея непосредственными папскими чиновниками. Воспрепятствовать этой эволюціи могла только энергическая борьба государства противъ папъ. Эта борьба и наполняетъ собою исторію западно-европейской государственности, пока наконецъ не привела въ половинѣ Европейскихъ государствъ къ перевороту отношеній между церковью и государствомъ въ совершенно обратномъ смыслѣ: къ захвату государствомъ церковной власти. Это совершила идея протестантизма.

XXXI.

Протестантская идея церкви. Возрожденіе абсолютизма.

Переворотъ, устранявшій порабощеніе государей папами посредствомъ захвата духовной власти свѣтскою—совершился путемъ демократическаго искаженія понятія о церкви. Вѣроятно, этому сильно способствовала плохая христіанская подготовка германскихъ народностей, обращенныхъ къ христіанство при условіяхъ вообще не нормальныхъ, то во время господства еретиковъ, то посредствомъ огня и меча. Крайности папизма, и неслыханная деморализація Римско-Католической іерархіи, возбудили критику тамъ, гдѣ всего слабѣе было христіанское чувство, и вмѣстѣ съ отрицаніемъ папизма явилось полное отрицаніе самой необходимости церковной іерархіи.

По ученію Лютера и всѣхъ его преемниковъ, церковь есть общество вѣрующихъ совершенно равныхъ, безъ всякой іерархіи. Всѣ христіане—священники и только «въ видахъ цѣлесообразности и порядка» осуществленіе общихъ правъ учительства и совершенія таинствъ «переносится на особыхъ

должностныхъ лицъ», но никакихъ чрезвычайныхъ даровъ на это они не получаютъ *). При такомъ воззрѣніи естественно — высшая церковная власть принадлежитъ самой христіанской общинѣ.

Но по абсолютистской доктринѣ Римской имперіи—народъ переноситъ всѣ вообще свои права и власть на Государя. Въ числѣ ихъ народъ, то есть христіанская община, отдаетъ Императору, или вообще князю, и власть епископа. Государь становится обладателемъ какъ политической, такъ и церковной власти. «Въ протестантскихъ странахъ, говоритъ профессоръ Суворовъ, власть церковная, какъ и власть государственная должна принадлежать князю, хозяину территоріи (Landsherr), который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быть и хозяиномъ религіи (Cujus est regio ejus religio)» **). Этотъ христіански — безобразный принципъ послужилъ, какъ извѣстно, мѣриломъ рѣшенія вопроса, какія государства Германіи должны считаться римско-католическими и какія протестантскими.

Профессоръ Суворовъ по этому поводу впадаетъ въ важное недоразумѣніе, находя, будто бы протестантскіе государи при этомъ «руководились Византійскими образцами» (стр. 473). Протестанты въ аргументаціи могли ссылаться на подходящіе примѣры или случаи, но это дѣло простой аргументаціи, а вовсе не руководство чьимъ либо примѣромъ. Византійскій примѣръ не имѣетъ ничего общаго съ протестанскимъ рѣшеніемъ вопроса, рѣшеніемъ, которое непремѣнно предполагаетъ для свой возможности уничтоженія священства и іерархіи. Въ дѣйствительности, протестантская точка зрѣнія всецѣло подсказана смѣшеніемъ понятія націи и церкви, смѣшеніемъ, которое было общимъ грѣхомъ въ эпоху возникновенія христіанской государственности, но, понятно, у однихъ—глубже проникнутыхъ истинной идеей христіанской религіи—не могло вводить въ столь безповоротныя заблужденія, какъ у другихъ, прошедшихъ плохую школу христіанской вы-

*) Суворовъ, т. I, стр. 106—107.
**) Суворовъ, т. II, стр. 472—473.

работки. У протестантовъ заблужденіе и было доведено до всей возможной крайности.

Смѣшеніе націи и церкви—и понынѣ остающееся очень скользкимъ камнемъ въ развитіи христіанскихъ обществъ, и за всю исторію христіанства создавшее много зла въ національныхъ церквяхъ,—привело западную государственность къ чрезвычайному укрѣпленію Римскихъ абсолютистскихъ понятій.

Отсюда возникла впослѣдствіи псевдо-монархическая теорія Гоббса, воспроизведшаго буквально теорію Императорскаго Рима.

Когда въ Западной Европѣ, на развалинахъ Имперіи и въ хаосѣ, созданномъ переселеніемъ народовъ, стала слагаться монархія она вырастала лишь отчасти на своей надлежащей, почвѣ. Карлъ Великій на Западѣ, какъ сказано, напоминаетъ восточнаго Константина. Но монархическая власть Западной Европы испытывала слишкомъ сильное давленіе традицій древняго Рима, а вліяніе папскаго католицизма не могло къ нимъ привнести тѣхъ поправокъ, которыя давало Восточное православіе. Теоретическое наслѣдіе Рима,—диктаторскій императорскій абсолютизмъ, разработываемой легистами, наложилъ на европейскую монархію неизгладимый отпечатокъ и постепенно приводилъ недоразвившуюся монархическую идею къ все большему упадку.

Въ чемъ заключается ошибочность и слабость идеи монархическаго абсолютизма?

Монархія, для развитія своего, должна опираться именно на ей свойственной, а не какой другой силѣ. Безъ сомнѣнія, и ей нужна могущественная организація управленія, но прежде всего монархическое начало должно быть выразителемъ высшаго нравственнаго идеала, а слѣдовательно, заботиться о поддержаніи и развитіи условій, при которыхъ въ націи сохраняются живые нравственные идеалы, а въ самой монархіи—ихъ отраженіе. Европейскій абсолютизмъ оставилъ въ пренебреженіи это основаніе монархической силы, а развивалъ то, что для нея второстепенно, а при злоупотребленіи даже вредно. Онъ все свелъ на безусловность власти и организацію учрежденій, при

помощи которыхъ абсолютная власть могла бы брать на себя отправленіе всѣхъ жизненныхъ функцій націи. Идея же эта духа чисто демократическаго и способна привести въ концѣ концовъ лишь къ торжеству демократіи.

Монархія, усвоивая себѣ идею абсолютизма, прямо искажаетъ собственный принципъ. Теоріи, которыми она пытается себя при этомъ оправдать, могутъ быть только фантастичны или даже—прямо признавать верховную власть демократіи. Такъ «король, солнце» говорилъ: «l'Etat c'est moi». Но совершенно ясно и очевидно, что государство есть государство, а король есть король. Говорить, конечно, можно что угодно. Но въ чемъ реальная сила Людовика XIV? Если онъ и государство одно и то же, то чѣмъ держится сила самого государства? Почему ему подчиняются, да еще и безусловно, милліоны подданныхъ? Въ концѣ-концовъ, на это нѣтъ никакого яснаго отвѣта, кромѣ жандармовъ. Но если дѣло сводится только къ силѣ, несомнѣнно, что сила націи во всякомъ случаѣ болѣе велика.

Англійская школа абсолютизма выдвинула основаніемъ монархической власти ту (тоже римскую) идею, что народъ будто бы отказался отъ своихъ правъ въ пользу короля, такъ что король имѣетъ всѣ права, а народъ никакихъ. Но если монархъ имѣетъ власть только потому, что «народъ воли своей отрекся», какъ и насъ поучалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, то, во-первыхъ, народъ не можетъ отрекаться отъ воли за будущія поколѣнія, а во-вторыхъ, стало-быть, монархическая власть есть въ сущности делегированная, и необходимы по малой мѣрѣ Наполеоновскіе плебисциты, чтобы, не дожидаясь революціи, узнавать, продолжаетъ ли народъ «отрекаться своей воли» или же надумалъ что-нибудь болѣе ему нравящееся.

Всѣ эти теоріи—чисто бумажныя, выдуманныя.

Монархическое начало власти по существу есть господство нравственнаго начала. Оно есть выраженіе того нравственнаго начала, которому народное міросозерцаніе присвояетъ значеніе верховной силы. Только оставаясь этимъ выраженіемъ, единоличная власть можетъ получить значеніе верховной

и создать монархію. Этимъ нравственнымъ началомъ, сами того не зная, только и держались Бурбоны и Стюарты, а вовсе не тѣмъ, чтобы они составляли самое государство или получили народную волю въ свою собственность.

Если бы Бурбоны и Стюарты понимали, что ихъ власть надъ націей основана только на ихъ подчиненіи высшей силѣ нравственнаго идеала, и заботились о поддержаніи въ націи и въ самихъ себѣ этой вѣры въ верховную власть нравственнаго идеала, то, быть можетъ, ни та, ни другая монархія не пали бы. Но вышло наоборотъ, и это было неизбѣжно при абсолютистской дегенераціи монархіи.

Та же теорія, гораздо болѣе логически разработанная Руссо, неотразимо пришла къ выводу, что народное самодержавіе неотчуждаемо, а отсюда слѣдовало ясное заключеніе, что власть монарховъ не есть верховная, каковая принадлежитъ только народу. Дойдя же до этой точки зрѣнія развитія, политическая мысль переходитъ обратно къ демократической почвѣ. Римскій абсолютизмъ отъ демократіи перешелъ къ цезаризму, по причинѣ расшатанности соціальнаго строя, который не давалъ удобствъ для непосредственнаго проявленія народомъ своего управленія. Но та же римская теорія абсолютизма, въ Европѣ, при націяхъ, способныхъ къ внутренней организаціи, привела политическую мысль къ обратной эволюціи—къ переносу на народъ его власти, только довѣренной королямъ, но неотчужденной, и во всякое время подлежащей возвращенію законному владѣльцу, по его требованію.

Разъ дѣло дошло до этого—наступилъ конецъ монархіи въ Европѣ.

Эта обратная эволюція была тѣмъ неизбѣжнѣе, что, проникшись идеями абсолютизма, монархія и въ Европѣ становилась бюрократической. Это терпѣлось въ Византіи, гдѣ и сами управляемые не вѣрили въ свою способность жить иначе, какъ на бюрократическихъ основахъ. Въ Европѣ всенародное сознаніе, напротивъ, громко кричало о способности народовъ къ самоуправленію. Между абсолютной монархіей и наро-

дами, на этомъ пунктѣ, неизбѣжно возникалъ непримиримый для абсолютизма споръ. Только будучи истинно верховной властью, монархія могла бы остаться на высотѣ своей миссіи. Но возможность этого была отнята у ней какъ старо-римской, такъ и церковной доктриной власти, и европейская монархія въ концѣ эволюціи перешла въ «конституціонную», «ограниченную»,—съ тѣмъ, чтобы съ этого фазиса упадка окончательно уступить мѣсто республиканской идеѣ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

Стр.	*строка.*	*Напечатано:*	*Должно ч*
7	26	подрывались	подрывалась
11	26	зрѣлищами, „самодер-	зрѣлищами „с
		жавныхъ“	ныхъ“
29	7	со-временъ	со временъ
31	34	долженъ былъ	должны были
66	15	патріахъ	патріархъ
78	26	много	много
83	33	христіанской	христіанской
86	21	трудѣ	трудѣ *)
95	14	носъумѣли	не съумѣли“
97	22	предковъ	предковъ“
119	15	Карлъ всѣмъ	Карлъ, всѣмъ
120	16	арціепископъ	архіепископъ

Левъ Тихомировъ.

МОНАРХИЧЕСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Части первая и вторая.

МОСКВА.
Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

Стр.	*строка.*	*Напечатано:*	*Должно ч*
7	26	подрывались	подрывалась
11	26	зрѣлищами, „самодер-жавныхъ“	зрѣлищами „с ныхъ“
29	7	со-временъ	со временъ
31	34	долженъ былъ	должны были
66	15	патріахъ	патріархъ
78	26	мпого	много
83	33	христіапской	христіанской
86	21	трудѣ	трудѣ *)
95	14	несъумѣли	не съумѣли“
97	22	предковъ	предковъ“
119	15	Карлъ всѣмъ	Карлъ, всѣмъ
120	16	арціепископъ	архіепископъ

Левъ Тихомировъ.

МОНАРХИЧЕСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Части первая и вторая.

МОСКВА.
Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ.

НАХОДИТСЯ ВЪ ПЕЧАТИ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Русская государственность.

ОТДѢЛЪ I.

Выработка типа верховной власти.

СОДЕРЖАНІЕ. Главы: I. Общія благопріятныя условія. — II. Древне-русскій князь.—III. Борьба демократическаго и аристократическаго началъ.—IV. Національная борьба за существованіе.—V. Вліяніе церкви (Византія).—VI. Вліяніе религіозной идеи.—VII. Ростъ Царской идеи.—VIII. Андрей Боголюбскій (идея самодержавія).—IX. Выработка престолонаслѣдія.—X. Московскій Царь.

ОТДѢЛЪ II.

Единеніе верховной власти и націи.

Главы: XI. Единство идеаловъ царя и народа. Ученіе Іоанна Грознаго. — XII. Единеніе народнаго идеала съ царскимъ.—XIII. Правильный ростъ государственныхъ учрежденій.—XIV. Общеніе царя и народа въ управленіи. Боярская Дума. Земскіе соборы.—XV. Общеніе государства и народа въ церковномъ управленіи.—XVI. Царскій судъ.—XVII. Единеніе царя и народа въ управительной области (самоуправленіе).

ОТДѢЛЪ III.

Недостатки сознательности.

Главы: XVIII. Недостатокъ сознательности.—XIX. Шаткость политическаго строенія.—XX. Появленіе бюрократія. — XXI. Кризисъ московскаго міросозерцанія. — XXII. Банкротство сознательности. Появленіе абсолютизма.—XXIII. Европейское умственное иго.—XXIV. Петръ Великій, какъ русскій человѣкъ.—XXV. Противорѣчія принциповъ Петровской эпохи.

ОТДѢЛЪ IV.

Самосознаніе Петербургскаго періода.

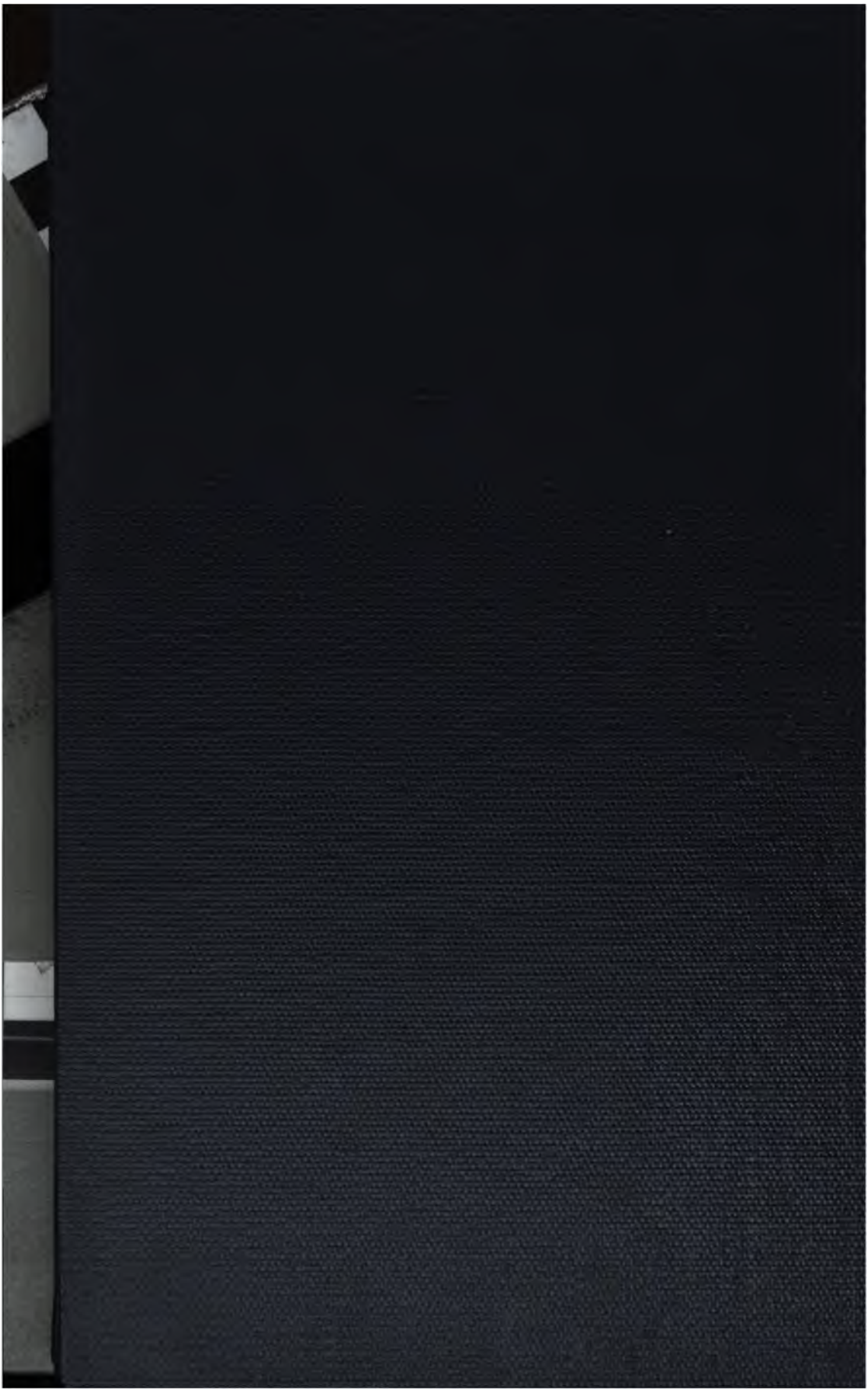
Главы: XXVI. Инстинктъ и сознаніе. Славянофилы. — XXVII. М. Н. Катковъ.— XXVIII. И. А. Аксаковъ.—XXIX. К. Леонтьевъ, А. Кирѣевъ, М. Юзефовичъ и др.— XXX. Неясность научнаго сознанія.

ОТДѢЛЪ V.

Управительная система и связь съ націей въ петербургскій періодъ.

Главы: XXXI. Подражательность управительныхъ системъ. Коллегіальная бюрократія. Петръ I, Екатерина II. — XXXII. Бюрократія отъ Петра I до Александра I.— XXXIII. Бюрократія въ церкви.—XXXIV. Связь верховной власти съ націей. Идеократическій элементъ.—XXXV. Значеніе дворянства.—XXXVI. Сохраненіе типа верховной власти.

ОТДѢЛЪ VI.

Современный моментъ Русской государственности.

Главы: XXXVII. Неясность момента.—XXXVIII. Революціонный духъ новаго періода.—XXXIX. Соціальныя условія. Революціонная интеллигенція. — XL. Соціально-экономическія явленія.—XLI. Связь верховной власти съ націей. Бюрократія.—XLII. Характеръ новаго устроенія.—XLIII. Заключеніе.